

ШОН
ХЕМИНГУЭЙ

ГРОБНИЦА
АЛЕКСАНДРА

Шон Хемингуэй

ГРОБНИЦА
АЛЕКСАНДРА

ДЕТЕКТИВ-ЗАГАДКА

Шон Хемингуэй

ГРОБНИЦА АЛЕКСАНДРА

Гробница Александра Великого...

Когда-то ее почитали как святыню, туда приходили поклониться праху легендарного царя-полководца императоры и военачальники, философы и поэты. А потом случилось нечто странное... гробница просто исчезла. И стерлось всякое упоминание о ней. Где же покоился и до сих пор покоится прах «божественного Александра»? И какие еще загадки таит исчезнувшая гробница?

Археолог Том Карр, совершавший плановые раскопки на Крите, случайно обнаруживает артефакт, возможно, способный послужить ключом к разгадке тайны, над которой человечество бьется уже много столетий. Однако как только Том делает первый шаг на пути к цели, события принимают неожиданный, пугающий оборот. Кто-то следит за Карром и его помощницей Викторией Прайс. Кто-то похищает артефакт. Кто-то, кто не остановится ни перед чем, чтобы добраться до гробницы Александра первым...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-082486-1

9 785170 824861 >

Шон Хемингуэй

Шон Хемингуэй

ГРОБНИЦА
АЛЕКСАНДРА

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)—312.4
ББК 84(7Coe)—44
Х37

Серия «Детектив-загадка»

Sean Hemingway

THE TOMB OF ALEXANDER

Перевод с английского И.Л. Дорониной

Компьютерный дизайн А.И. Орловой

Печатается с разрешения The Random House Group Ltd и
литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хемингуэй, Шон

Х37 Гробница Александра : роман / Шон Хемингуэй;
пер. с англ. И.Л. Дорониной. — Москва: АСТ, 2014. —
317, [3] с. — (Детектив-загадка).

ISBN 978-5-17-082486-1

Гробница Александра Великого...

Когда-то ее почитали как святыню, туда приходили поклониться праху легендарного царя-полководца императоры и военачальники, философы и поэты.

А потом случилось нечто странное... гробница просто исчезла. И стерлось всякое упоминание о ней.

Где же покоился и до сих пор покоится прах «божественного Александра»? И какие еще загадки таит исчезнувшая гробница?

Археолог Том Карр, совершавший плановые раскопки на Крите, случайно обнаруживает артефакт, возможно, способный послужить ключом к разгадке тайны, над которой человечество бьется уже много столетий.

Однако как только Том делает первый шаг на пути к цели, события принимают неожиданный, пугающий оборот.

Кто-то следит за Карром и его помощницей Викторией Прайс. Кто-то похищает артефакт. Кто-то, кто не остановится ни перед чем, чтобы добраться до гробницы Александра первым...

УДК 821.111(73)—312.4
ББК 84(7Coe)—44

© Sean Hemingway, 2012

© Перевод. И.Л. Дорониной, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Посвящается Колеетт

*Коль с последним дыханием жизнь
Покинет бренное тело, ни грубой силой,
Ни хитрой меной больше ее не вернуть.*

Гомер. Илиада: 9.48

Вступление

Что есть мера всех вещей? Время. Время никого не ждет. Время порой бывает немилосердным. В сущности, оно может быть жестоким. Но во всей полноте времени случаются неожиданные открытия, и безымянные произведения искусства, до поры покоящиеся в незаметных уголках музейных экспозиций, вдруг приносят новые откровения. Эта история об одном таком откровении и о поисках разгадки одной из величайших археологических тайн всех времен: тайны места последнего упокоения Александра Великого, легендарного покорителя Востока и повелителя мира.

Солнечные лучи лились в атриум крупнейшего музея Нью-Йорка, освещая древние мраморные скульптуры, которые, казалось, светились счастьем в своем новом доме. Словно Пигмалионова статуя его возлюбленной, эти фигуры, согретые ярким солнцем, как будто готовы были превратиться в живую плоть и кровь, ожидая лишь своего мага. От вида галереи дух захватывало. Взмывающие вверх облицованные известняком дорические колонны поддерживали оформленную в ионическом стиле балюстраду второго этажа и покоились на черно-белом мозаичном полу аркады, окружавшей насыщенного цвета мраморный пол атриума.

Вид этого пространства вызывал в памяти представление о великолепии Древнего Рима в период расцвета империи и был достоин тех шедевров, для демонстрации которых его соорудили. В этот яркий осенний день жители Нью-Йорка и гости со всего мира вливались сюда с суетливой Пятой авеню, чтобы полюбоваться новейшей городской сенсацией и мельком взглянуть на древние эллинистические, этрусские и романские сокровища музея Метрополитен, которые не выставлялись много лет.

Стоявший перед шеренгой бюстов мужчина вслух прочел надпись на табличке под одним из них: «Портрет мужчины, предположительно царя. Греция, II век до новой эры». В восхищении перед высеченным в мраморе гордым

волевым лицом, он повернулся к своей спутнице и, показав головой, повторил:

— «Предположительно царя». Бог ты мой, история всей его жизни утрачена. Стерто из памяти все, что дал он этому миру.

— Знаешь, — ответила девушка, — в тридцать три года Юлий Цезарь сокрушался: мол, Александр Великий в его возрасте уже столь многого достиг, а сам он не сделал еще ничего идущего в сравнение. Но Цезарь продолжал совершать великие дела. Так что у тебя еще есть время...

— Я не то имел в виду. Хотя ты права. Я должен что-то сделать со своей жизнью. — Он помолчал. — Кем бы ни был этот парень, наверняка он-то прожил жизнь выдающуюся, просто ее историю поглотили зыбучие пески времени. Но портрет все равно потрясающий.

Пара двинулась по направлению к небольшой группе людей, начинавших собираться, чтобы отправиться на экскурсию по новым музейным залам древнегреческого и римского искусства у назначенного места: возле большой усеченной ионической колонны. Ее привезли с Сардинии, из храма Артемиды, одного из крупнейших храмов античности.

Экскурсию в тот день вел мужчина лет сорока, красивый, жизнерадостный брюнет с пронзительными серо-голубыми глазами.

— Доброе утро, дамы и господа, — обратился он к своей группе. — Добро пожаловать в Метрополитен-музей. Меня зовут Том Карр, я хранитель отдела древнегреческого и римского искусства нашего музея*. Сегодня я буду вашим гидом по новым эллинским и романским залам.

---

* Постоянная коллекция музея Метрополитен поделена на 17 отделов, каждым из которых занимаются отдельные кураторы, или хранители, и ученые. — *Здесь и далее примеч. пер.*

В хвосте группы, слегка отставая, шла высокая, стройная, красивая молодая женщина. На ней была свободная белая блуза навыпуск и длинная юбка из блестящего шелка, которая, слегка шурша на ходу, обозначала изящные линии стройных ног. Сандалии на ремешках шлепали по полированному мраморному полу. Большие солнечные очки в золотой оправе от Шанель придерживали надо лбом светлые волосы.

Когда группа направилась к залам, расположенным со стороны Пятой авеню, девушка задержалась в романском дворике. Рожденная и воспитанная в добропорядочной католической семье на Среднем Западе, Виктория Прайс — так ее звали — удивилась тому, насколько острой и непривольной оказалась ее реакция на выставленные здесь статуи. Да, она была художницей, но всегда обожала живопись импрессионистов и искусство итальянского барокко, классическое же искусство не входило в сферу ее профессиональных интересов. Однако сейчас, стоя перед этими скульптурами, она ощутила непосредственную связь с ними, какое-то необъяснимое родство, хотя видела их впервые в жизни. Интересно, подумала она, в этом классическом наследии действительно заключено нечто, какие-то отдаленные общие для всех корни? Или я по каким-то иным причинам чувствую свою причастность к этим статуям?

Виктория остановилась перед потрепанной временем скульптурой греческого героя Геракла, сидящего на скале; мышцы его удивительной красоты тела были расслаблены — он отдыхал от своих трудов.

Быть может, чуточку примитивно, подумала она и тут же улыбнулась. Где-то она прочла, что самой популярной темой интернет-поиска на музейных сайтах является «обнаженный мужчина». Оторвавшись от созерцания Геракла, она обнаружила, что ее группа уже скрылась из виду, и, опасаясь потеряться, поспешила вдогонку.

Когда она вошла в первый из боковых залов, группа уже приблизилась ко входу в Сокровищницу. Но внимание девушки привлекла противоположная стена, куда она и направилась, увидев там три восхитительных фрагмента настенной живописи. На первом молодая женщина в изящном наряде, сидя на изысканном резном стуле, играла на большой лире. Юная дева одобрительно взирала на нее, сидя рядом. На другом, более узком фрагменте, была изображена женщина со щитом, на сияющей металлической поверхности которого выделялась обнаженная мужская фигура. Но самый большой интерес вызвал у Виктории центральный фрагмент. С мощным торсом мужчина, и тоже обнаженный, сидел на троне рядом с женщиной, чья голова была покрыта прозрачной вуалью, а взгляд устремлен вдаль.

Этот взгляд гипнотизировал, пронизывал насквозь и словно бы преследовал зрителя.

Виктория ощутила какое-то трепетание в животе, и кожа покрылась холодной испариной. О Боже, только не это, подумала она, чувствуя, как внутри нарастает безошибочно узнаваемое чувство паники. Она уже переживала это — или нечто подобное — прежде, и оно внушало ей ужас. *Дыши глубоко*, приказала она себе. В картине было что-то знакомое, хотя она не могла сказать, что именно. Нынешнее самоощущение отличалось от того, какое она испытала в романском дворике: оно было более нутряным, казалось, будто вмиг из глубин времени продралось какое-то воспоминание, отдельное, как удаленный зуб.

Первым интуитивным побуждением было — уйти. Уйти как можно скорей. Об этих картинах можно будет расспросить гида потом, когда представится возможность. С этой мыслью она направилась к группе, которая теперь

обступала маленькую бронзовую статуэтку, выставленную под стеклянным колпаком у входа в Сокровищницу античного искусства. Экскурсовод, похоже, вежливо ждал, пока Виктория снова к ним присоединится, и заговорил лишь после того, как она нетвердым шагом подошла и встала сзади. Голос у него был глубоким, он резонировал под сводами зала и сразу же завладел ее вниманием.

— Эта изящная бронзовая статуэтка и сегодня кажется нам современной, однако равным образом она органична для своего времени — приблизительно третьего века до новой эры, когда была создана. То есть для ранней эллинистической эпохи, — произнес он, жестом указывая на статуэтку. — В мире искусства она известна как Танцовщица Бейкера — по имени нью-йоркского филантропа Уолтера Бейкера, который оставил ее в дар музею вместе с остальной своей коллекцией древностей. Это канонический образец эллинистического искусства. Фигура схвачена скульптором в один из моментов исполнения «Танца семи покрывал». Кутаясь в покрывала, танцовщица слегка приподняла над полом левую ногу. Хотя она в маске, и даже нижняя часть лица скрыта под тончайшей вуалью, так что открыты взору только кисти рук, вы отчетливо угадываете под тканью очертания всего ее тела.

Стоявшие перед Викторией спутники слегка расступились, она увидела маленькую статуэтку окутанной покрывалами танцовщицы и почувствовала, как чудовищная тяжесть сдавила ей грудь, со страшной скоростью усиливая возникшее уже перед этим ощущение паники. Дыхание стало поверхностным, затрудненным, перед глазами побежали темные круги. *Только не здесь*, пыталась она уговорить себя. *Только не сейчас*. Она попробовала отвернуться, отстраниться от статуэтки, которая, судя по всему, спровоцировала эту необычную физическую реакцию,

грозившую сокрушить ее, но тело ей больше не повиновалось. Паника охватывала ее все сильнее, пока совершенно неожиданно, прижав руку к груди и вскрикнув, она не потеряла сознание.

Смотрители из двух соседних залов бросились на помощь, но Том Карр уже взял ситуацию в свои руки.

— Пожалуйста, расступитесь, ей нужен воздух, — сказал он своей группе. Сам он уже стоял на коленях, проверяя пульс упавшей в обморок женщины с разметающимися вокруг головы волосами. Обращаясь к зрителю, он скомандовал:

— Джино, соединишь по рации с медпунктом и скажи, чтобы немедленно прислали медсестру.

— Да, мистер Карр.

Медсестра прибыла очень быстро и тут же начала проверять жизненные показатели женщины.

— «Скорая» уже в пути — на случай, если понадобится серьезная помощь, — сказала она. — Как она упала? Не сильно ударилась головой или еще чем-нибудь?

— Нет-нет, не думаю. — Том уже встал и отряхивал брюки, он явно испытал облегчение от присутствия медика.

— Полагаю, с ней все будет в порядке, — продолжала медсестра. — Пульс в норме, дыхание тоже. Вы можете продолжать экскурсию.

— Ну что ж, дамы и господа, — обратился Том к своей группе, начавшей разбредаться по залу. — Все под контролем. Давайте предоставим заботу о бедной женщине профессионалам, а мы, если не возражаете, можем перейти в зал эпохи Августа и продолжить нашу экскурсию.

Он повел группу в следующий зал, а охранник перекрыл для публики вход в Сокровищницу. Медсестра осталась возле Виктории, постоянно контролируя ее состояние.

* * *

Спустя сорок пять минут, когда экскурсия завершилась, Том направился в свой отдел древнегреческого и римского искусства. Секретарша вручила ему небольшую стопку сообщений и спросила: «Как прошло?»

Утро оказалось столь странным, что Том ответил с некоторой неуверенностью:

— Ну, народу было довольно много, и все шло хорошо, пока не добрались до Сокровищницы. Там одна женщина, взглянув на Танцовщицу Бейкера, вскрикнула и упала в обморок. Я повидал разные типы восприятия этой статуэтки — удивление, восторг, даже недоверие, но никогда прежде не сталкивался с *такой* реакцией. — Он нервно рассмеялся.

— С ней все в порядке? — обеспокоилась секретарша.

— Думаю, да. Прибежала медсестра, и ее перевели в медпункт. Она была без сознания около четверти часа, но потом пришла в себя, и состояние у нее, судя по всему, стабилизировалось. — Том хотел добавить что-то еще, но в этот момент зазвонил телефон.

— Слушаю, отдел древнегреческого и римского искусства, чем могу помочь? Одну минутку. — Секретарша прижала трубку микрофоном к груди: — Это медсестра. Она хочет поговорить с вами. — И протянула трубку Тому.

— Слушаю, Том Карр.

— Мистер Карр, простите за беспокойство, но та дама, которая упала в обморок во время вашей экскурсии — ей уже гораздо лучше, — утверждает, что ей непременно надо сейчас же с вами поговорить.

— Она еще у вас? — осведомился Том.

— Да.

— Вы считаете, что она в порядке?

— Ну при падении она ушибла руку, на этом месте будет приличный синяк, но ничего не сломала, и, на мой взгляд, ее состояние не вызывает никаких опасений. Не знаю, что послужило причиной обморока, но сейчас она чувствует себя прекрасно, — заверила медсестра.

Том колебался. У него была уйма неотложной работы, но ему хотелось повидать женщину, чтобы понять, что же с ней стряслось — уж слишком необычной была ее реакция на статуэтку, поэтому он быстро принял решение:

— Сейчас спущусь.

Через несколько минут он входил в медпункт. Виктория сидела на стуле возле бачка с охлажденной водой, прижимая к месту ушиба пакет со льдом.

— Мистер Карр, большое спасибо, что пришли, — сказала она, скорее взволнованная, нежели смущенная своим обмороком. — Не могли бы мы с вами несколько минут поговорить наедине?

Она уже начала было подниматься со стула, но Том сделал ей знак оставаться на месте.

— Вы уверены, что полностью пришли в себя? — спросил он.

— О да, — поспешно заверила она. — Я испытала сильный шок, но теперь чувствую себя гораздо лучше. Позвольте мне представиться. Я — Виктория Прайс. — Она протянула ему руку. — Приехала в Нью-Йорк на несколько дней, походить по музеям. Обычно искусство не производит на меня такого впечатления. — Она улыбнулась, и ее ярко-синие глаза озорливо оживились внутренним светом. — Вообще-то я сама — начинающая художница, занимаюсь живописью.

— Ну что ж, если хотите, мы можем несколько минут побеседовать в моем кабинете, — предложил Том. — Только у меня встреча в час дня, на которую я никак не могу опоздать. — Встречаясь с незнакомыми посетителями

музея, Том предпочитал иметь план отступления. Люди склонны забывать, что, в то время как они сами пришли сюда в свободное время, он находился на службе и дел у него было невпроворот. Это всегда раздражало, однако что-то заинтриговало его в сидевшей перед ним сейчас молодой женщине, и он решил, что несколько минут уделить ей может.

— Конечно-конечно. То, что я собираюсь сказать, не займет много времени. Я прекрасно понимаю, как вы заняты в связи с открытием новых залов.

— Да, к тому же завтра я улетаю за океан, — на ходу пояснил Том. — В Европу, научная командировка.

— О, как здорово! — искренне порадовалась она.

— Пожалуйста, проходите. — Том пропустил ее в обшитый деревянными панелями лифт, который направлялся наверх, туда, где располагался их отдел. Как только двери лифта сомкнулись, Виктория начала нервно озираться по сторонам.

— Знаете, до недавнего времени я не могла и помыслить о том, чтобы войти в лифт. У меня страшная клаустрофобия, — призналась она слегка дрожащим голосом.

— Ехать совсем недолго, — приободрил ее Том. — Всего три этажа. Не успеете глазом моргнуть — и мы уже там. Вот видите, прибыли.

Двери разъехались, они вышли из лифта, и Виктория облегченно вздохнула.

— Мой кабинет там, — махнул рукой Том и повел девушку за собой.

На стенах по обе стороны коридора в рамках были развешены плакаты предыдущих выставок. Пройдя через стеклянную дверь в кленовой раме, они свернули в другой коридор и вошли в кабинет Тома. Указав госте на деревянный стул напротив стола, он предложил ей сесть, а сам,

обойдя вокруг, устроился за своим просторным письменным столом.

— Итак, о чем вы хотели поведать мне, мисс Прайс?

— Пожалуйста, называйте меня Викторией. — Она села и сжала коленями сложенные ладони, словно старалась обрести опору. — Кое-что необычное случалось со мной и прежде, и причиной тому служили произведения искусства на выставках. — Она склонилась вперед, дыхание у нее участилось, синие глаза напряженно уставились на Тома.

Он бросил взгляд на часы, размышляя: к чему все это клонится? Она лишилась чувств перед Танцовщицей Бейкера, но что за другие произведения искусства она имеет в виду?

— Простите, мистер Карр, — виновато улыбнулась Виктория, — вам, должно быть, кажется, что я не в своем уме. Должно быть, к вам сюда приходят разные странные субъекты, и вы вполне можете подумать, что у меня тоже винтиков в голове не хватает. Но прошу вас, выслушайте меня. — Она замолчала на миг, явно нервничая из-за того, что собиралась рассказать, но потом тряхнула головой и, очевидно, набравшись решимости, продолжила: — Как я уже сказала, у меня — страшная клаустрофобия. — Она снова сделала паузу, видимо, опять испытывая неуверенность, и, будто задумавшись, повернулась к окну.

Том посмотрел на ее профиль. Обрамлявшие гладкую, как шелк, кожу лица золотистые волосы мерцали в падавшем с улицы свете. Она была чрезвычайно привлекательной женщиной. Он подумал, что в профиль ее лицо напоминает лицо Афродиты Калипигосской из Неаполитанского археологического музея. Та статуя была воплощением невероятной эротики: обнаженная богиня, повернув голову назад, с довольным видом разглядывала свои ягодицы. Большинству видевших ее людей запомни-

налась именно эта часть тела, но Том воспринимал скульптуру во всей целостности образа. Он обладал незаурядной зрительной памятью, и это было одним из качеств, делавших его хорошим хранителем. Он мысленно отметил, что надо будет еще раз взглянуть на статую, и снова залюбовался классической красотой мисс Прайс, между тем как та продолжала:

— Я начала посещать врача, и она мне очень помогла. Пользуясь методом гипноза, она вызывает у меня воспоминания об определенных событиях детства и даже еще более ранних, — она посмотрела на Тома, — тех, что, вероятно, лежат в основе моего страха перед замкнутыми пространствами.

— Что вы имеете в виду под «еще более ранними», чем детские, воспоминаниями? — недоуменно поинтересовался Том.

— Вы верите в реинкарнацию, мистер Карр? — внезапно спросила она.

Том, которого не так-то легко было застать врасплох вопросом посетителя — ему казалось, что он уже слышал их все, — не знал, что ответить.

— Мисс Прайс... Виктория, — поправился он, — я не понимаю, какое отношение ко всему этому имеет то, во что я верю, — произнес он деликатно, но твердо. — Боюсь, мы слишком далеко отклоняемся от того, что вы хотели рассказать мне в связи с утренним несчастным происшествием. Прошу прощения, но у меня действительно через пятнадцать минут встреча в другом конце музея, так что я буду вынужден очень скоро закончить нашу беседу.

— Это покажется странным, но причина моего обморока там, внизу, заключается в том, что на меня внезапно снизошло воспоминание из прошлой жизни, — после недолгой паузы сказала Виктория. — Оно было спровоцировано одним из экспонатов. Я уже видела статуэтку,

которую вы назвали Танцовщицей Бейкера; а также три фрагмента настенной живописи, висящие на дальней стене соседнего зала. Совершенно внезапно я очутилась в прошлом. Мой врач называет это «открытием канала обратной связи». Какие-то объекты или места могут запускать память об опыте прошлой жизни, которая в обычных обстоятельствах пребывает в полностью подавленном состоянии. Я словно оказываюсь снова там.

Она помолчала и, дождавшись, чтобы собеседник кивнул в знак понимания, продолжила рассказ о своем видении. Том между тем, внимательно слушая, бросал восхищенные взгляды на ее прекрасное лицо.

— Я находилась в роскошной усыпальнице, но не в своей. У меня было ощущение, что я знала погребенного там человека. Пришла я туда вместе с еще двумя грабителями, но они предали меня, оставив одну умирать. В моем видении меня ударили по голове, а когда я начала приходить в себя, то услышала, как они заваливают каменной плитой дыру в круто изогнутом сводчатом потолке, через которую мы проникли внутрь. Я проклинала их, потом молила о милосердии, но вскоре настала тишина — они явно бросили меня. Рядом со мной в пол был воткнут факел. В его мерцающем свете я видела дальнюю стену погребальной камеры, расписанную картинами. Среди них были и те три, которые выставлены внизу. И они первыми дали толчок моей памяти.

Я обошла погребальную камеру вокруг, — продолжала Виктория, закрыв глаза и пытаясь точно припомнить все, что видела. — Мои товарищи — грабители — многое из нее унесли, но все унести были не в состоянии. В одном углу лежали кованые доспехи тончайшей работы. А на каменной скамье, среди всяких личных вещей, стояла статуэтка, которую вы называете Танцовщицей Бейкера. Я взяла ее в руки и рассмотрела. Она была так хороша, что

я заплакала. Поскольку статуэтка была сделана из бронзы, а не из золота, бросившие меня предатели прошли мимо нее, но для покойного она явно много значила. Именно эта вещь, которую я держала в руках так давно и которую увидела снова, и лишила меня чувств. Я поставила ее на место и направилась к золотому саркофагу, который был расположен в центре погребальной камеры. Пламя моего факела постепенно затухало, свет становился все более тусклым. Мои спутники сняли крышку с золотого гроба, но она была слишком тяжелой, чтобы ее унести. К тому же, думаю, их остановили и заставили поспешно retirроваться и другие соображения. Вернее, суеверия. — Она открыла глаза, повернула голову и посмотрела прямо в лицо Тому. — Последнее, что я видела, была мумифицированная фигура Александра Великого, лежавшая в саркофаге. Его голова покоилась на «Ларце “Илиады”» и кинжале, которые он всегда держал под подушкой при жизни...

2

Тем ранним утром Томас Карр встал рано, в половине шестого, как всегда делал и прежде, когда участвовал в раскопках на Крите. Было еще темно и довольно холодно, с моря дул легкий ветерок. В небе ярко мерцали звезды. По мере того как он подъезжал к раскопу, становилось все светлей, и окружающий пейзаж начинало омывать насыщенное красное сияние восхода. Кастри — высокий мыс, очертаниями напоминающий огарок свечи и доминирующий над бухтой, — заполнил собой весь вид перед лобовым стеклом автомобиля. На востоке виднелись склоны Петсофы, внизу, под горой, приютилась Дикта с ее архе-

ологическим раскопом, а за горой расстиралось Эгейское море. Этот пейзаж, особенно при таком раннеутреннем освещении, всегда представлялся ему доисторическим, неким царством Протея, таким, каким в его воображении рисовался мир миллиард лет тому назад — разумеется, если не считать оливковых деревьев, которые теперь покрывали землю и шелестели листвой на ветру. Ясно просматривались контуры островов Кассос и Карпатос, острыми пиками выступавших из моря вдаль и наводивших на мысль о морях античных времен, прокладывавших курс через Эгейское море по линии прямой видимости.

Том свернул с главной дороги на проселок, прорезавший оливковую рощу до самого раскопа, и направился по нему в сторону моря. Было по-прежнему прохладно и пустынно; цикады еще не завели своего нескончаемого стрекота. Ласточки вспархивали с нижних ветвей олив, обрамлявших дорогу. Изящные птички летели впереди «лендровера», словно указывая дорогу. Том вспомнил кикладские* настенные росписи в городе Акторини, что расположен на близлежащем острове Санторин**, на которых художник, живший более трех тысяч шестисот лет назад, изобразил этих птиц в грациозном полете, и еще раз восхитился тем, как даже этот незначительный природный акт связывает современность с античностью.

За машиной, следовавшей крутым изгибом дороги, тянулся пыльный хвост. В этой отдаленной части острова, тем более в столь ранний час, Том мог позволить себе мчаться с бешеной скоростью, не снижая ее даже на слепых поворотах, потому что знал: никто не попадется на-

---

* Кикладская цивилизация, археологическая культура бронзового века, распространенная в 3—2 тысячелетиях до н.э. на островах Киклады.

** Нынешнее название острова Тира.

встречу. Он проезжал этот отрезок дороги тысячи раз прежде, и это всегда напоминало ему катание на «русских горках», хотя протяженность отрезка составляла всего несколько сотен ярдов и пролегал он по относительно плоскому рельефу. Это была квинтэссенция греческих дорог — без единого прямого участка. Езда по ним доставляла ему огромное удовольствие и представлялась невидимым порогом между современным миром и тем, восстающим из археологических глубин. Он словно управлял не автомобилем, а машиной времени: «лендровер» кидало из стороны в сторону, перекатывало через ухабы, и, когда он стремительно промчался через старые проволочные ворота в сложенной из неотесанных камней стене и резко остановился перед раскопом древней Дикты, ощущение и правда было такое, будто фантастическая машина времени перенесла его в далекое прошлое.

Как бывалый археолог и специалист по древнегреческому и римскому искусству, Том страстно любил античность и изездил все Средиземноморье и ареал, расстилающийся непосредственно за ним, посещая раскопки и музеи, изучая материальную культуру классического периода античности и предшествующего ей бронзового века. Его и к музейной-то работе привлекла любовь к древним артефактам, особенно к великим произведениям искусства, являвшимся бесценными свидетелями прошлого, доказательствами его осязаемой связи с современностью и демонстрацией достижений человечества, относящихся к столь незапамятным временам. В силу технологического прогресса последнего столетия природа нынешнего искусства и его будущее виделись совершенно отлично от того, как обстояло дело в классические времена, когда искусство играло в обществе существенную роль. Хотя во многих отношениях человечество как вид с тех пор не так уж сильно изменилось, считал Том и именно поэтому с

таким интересом изучал прошлое. Кроме того, он ощущал тесную личную связь с античностью. Это порой давало о себе знать, когда он держал в руке некий древний предмет. Или когда оказывался в каком-нибудь связанном с античностью месте, например, в Турции, на месте бывшего греческого стадиона в Афродисиасе: у него тогда буквально шевелились волосы на голове, и на миг он ощутил присутствие толпы и жаркую атмосферу соревнований, происходивших здесь много веков назад. И разумеется, классическое прошлое воскресало перед ним на местах раскопок. Дикта была одним из таких мест. Здесь прошлое для него реально оживало.

Выбравшись из машины, Том направился к рабочим, собравшимся под большим оливковым деревом. Там были сооружены простые скамьи из досок, положенных на стопки плитняка. Киркомотыги были опущены в ведра с водой, чтобы деревянные черенки разбухли и плотнее держались в металлических гнездах во время работы.

— Доброе утро, Георгос, — приветствовал Том бригадира. Это был мощный мужчина, человек серьезный и очень добрый, знавший о земляных работах абсолютно все.

— Доброе утро, Том, — ответно приветствовал его Георгос.

— Ну что, начнем? — Том с трудом сдерживал нетерпение.

Георгос кивнул, медленно повернулся к рабочим и дунул в свисток. Рабочие встали, загасили сигареты, допили свой кофе, собрали тачки, инструменты — кайла, лопатки, щетки, совки — и направились к сетке траншей, тщательно размеченной на выровненном участке к северу от впечатляющих стен недавно найденного греческого святилища.

Раскопки в Дикте начались в 1902 году. Английские археологи первыми пришли сюда в поисках легендарного храма Зевса Диктейского. Согласно древней греческой мифологии, Зевс, отец олимпийских богов, родился в пещере на острове Крит. Куреты*, юноши, жившие на острове, по очереди опекали младенца-бога, громко клацая щитами о щиты, чтобы заглушить его плач и не дать обнаружить его местонахождение кровожадному отцу Кроносу. О том, что этот миф прожил несколько веков, свидетельствуют архаические бронзовые щиты, найденные в критских пещерах, где их складывали в качестве приношения богу, а также относящиеся уже к романскому периоду знаменитые терракотовые барельефы из Кампании — на них изображали воинов, танцующих вокруг бога-младенца и ударяющих копьями о щиты. Мать Зевса, Рея, прятала ребенка от Кроноса, которому было предсказано, что сын его превзойдет. Пытаясь обмануть судьбу, Кронос начал избавляться от своих детей, проглатывая их целиком. Рея не желала отдавать ему Зевса и придумала, как провести мужа. Вместо Зевса она завернула в пеленки камень и отдала его Кроносу, который и попался на ее уловку. Эта история запечатлена как в античной литературе, так и в изобразительном искусстве. Она же является сюжетом, воспроизведенным на греческой вазе пятого века до новой эры, хранящейся в музее Метрополитен.

В то время как большинство греков поклонялось Зевсу как отцу всех богов и верховному олимпийскому божеству, древние критяне поклонялись ему как богу-младенцу. Храм Зевса Диктейского был самым важным его

---

* Куреты — мифические спутники Реи, сопровождавшие богиню, когда она искала место, чтобы тайно от Кроноса родить Зевса. Также название исторического племени.

святилищем на острове, главным культовым центром и объектом паломничества. Место его расположения, так же как место расположения знаменитого храма Зевса Олимпийского, со временем было утрачено, и именно надежда отыскать вновь храм, посвященный богу-громовержцу, привела британских археологов в Дикту более столетия тому назад.

Десять лет плодотворных раскопок подтвердили, что древнее святилище действительно находилось здесь. Были сделаны весьма важные находки в виде греческих бронзовых приношений — щитов, больших котлов на треножниках и других сосудов, миниатюрных доспехов. А также была найдена мраморная стела второго века до новой эры с гимном Зевсу Диктейскому, высеченным на языке, относящемся к третьему — а возможно, и еще более раннему — веку до новой эры. Обнаружили при раскопках и многочисленные *membradissecta** статуи из верхней части святилища, но никаких архитектурных свидетельств существования греческого храма на месте раскопа тогда найдено не было.

Эти ранние раскопки велись в то же время, когда сэр Артур Эванс проводил работы в Кноссе, на севере центральной части острова, и открыл там обширные останки ядра первой крупной европейской цивилизации, которую нарек минойской по имени легендарного критского царя Миноса. Британская археологическая партия также обнаружила большое минойское поселение позднего бронзового века, с мощеными улицами и великолепными домами. В 1960-х годах британцы вернулись, чтобы продолжить раскопки минойского города и поселения беженцев на вершине горы Кастри, которое существовало в двенадцатом и одиннадцатом столетиях до РХ, на исходе бронзо-

---

* *Membradissecta* (лат.) — отдельные части тела.

вого века, когда остров переживал трудные времена и в конце концов пал.

В середине 1980-х годов археология значительно продвинулась в области изучения минойской цивилизации. По всему острову действовали сотни раскопов. Главные минойские административные центры — «дворцы», по романтической терминологии Эванса, — были откопаны в Кноссе и Фестосе в южной части острова, в Малии вдоль северного побережья и в Закросе на самой восточной оконечности острова, километрах в тридцати от Дикты. Учитывая большие размеры Дикты, представлялось весьма вероятным, что здесь тоже мог находиться дворец или административный центр наподобие Кносского, и очень соблазнительной казалась архелогам перспектива провести здесь раскопки с помощью современных технических средств. Англичане начали полевые исследования, чтобы определить наиболее вероятное место расположения дворца, но ареал был настолько обширным, что на нем уместилось несколько многообещающих для раскопок территорий, а время и средства для завершения работы, оказались ограниченными.

В двадцать первом веке раскопки велись гораздо более тщательно и кропотливо, чем ранее, и современный процесс шел чрезвычайно медленно. В новых местах было найдено еще семь городских строений и кое-какие важные артефакты, главным из которых стала изящная резная статуэтка более полуметра в высоту из слоновой кости и золота. Фигура молодого человека с глазами из горного хрусталя, изысканным золотым поясом, в золотых сандалиях, с волосами, подбритыми на висках и подвязанными лентой на манер индейцев племени могавков, являла собой шедевр минойского искусства и, вполне вероятно, была предтечей изображений юного Зевса, которому поклонялись критяне позднее, в греческий период.

Том хорошо помнил тот день, когда статуэтка была извлечена на свет, и всеобщее ликование, которое она вызвала. В мире известно не так уж много минойских скульптур из золота и слоновой кости, но, если не считать нескольких выдающихся образцов, найденных в Кноссе, большинство из них впервые объявилось на рынке искусств в начале двадцатого века, и подлинность их вызвала сомнения. Самой знаменитой, разумеется, была так называемая Бостонская Богиня со змеями, находящаяся в Бостонском музее изящных искусств. Впрочем, сейчас ученые гадают, не была ли она сотворена одним из реставраторов, швейцарцем по фамилии Гильерон, который работал в тесном контакте с сэром Артуром Эвансом над находками из Кносса.

В предвкушении открытия Том физически ощущал нервную дрожь, он верил, что они стоят на пороге новой — совершенно особой — находки. В конце девяностых обследование участка к востоку от ранее раскопанного минойского города с помощью дистанционного зонда-эхолокатора выявило, что под толстым слоем песчаной почвы здесь предположительно находятся стены. Этот относительно чистый слой земли обрушился с ближайшей горы Петсофа после эпохи классической античности, но до современного заселения территории. Однако последующие результаты изучения традиционными методами выглядели не слишком обнадеживающими: в слоях, близких к поверхности, находки оказались скудными — немногочисленные осколки глиняной посуды. Но новые исследования с помощью сонарного оборудования, предпринятые зимой, когда уровень грунтовых вод поднимается и звукопроводимость увеличивается, позволили «увидеть» под землей открытое пространство, окруженное массивными стенами. Это сулило важное археологическое открытие предположительно нетрону-

тых и находящихся в отличном состоянии архитектурных останков. Стало также очевидно, что в этом месте некогда находился подземный источник, а близость пресной воды в древности всегда была важнейшим фактором для основания поселений. Руководители раскопок сразу же догадались, что это и есть место столь долго, на протяжении многих лет разыскивавшегося минойского дворца в Дикте.

По иронии судьбы аналогичная ситуация возникла и на раскопках близлежащего Закроса — еще одного важного портового города минойских времен. Тот самый Дэвид Джордж Хогарт, который ранее пытался отыскать гробницу Александра Великого в египетской Александрии, первым начал копать в Закросе в 1901 году. Ученый рассчитывал найти минойский дворец, но вместо этого раскопал множество домов, некогда явно принадлежавших богатым владельцам. Греческий археолог по имени Николас Платон вернулся сюда в 1970-х и всего в двадцати футах от того места, где остановился Хогарт, откопал-таки дворец, а в придачу — целый архив письменных табличек, несметную сокровищницу изысканных произведений искусства, например, вазу из горного хрусталя и ритуальный сосуд из змеевика в виде бычьей головы, а также золото и необработанные материалы, такие как медные слитки и слоновьи бивни. В топографии также просматривались значимые параллели между Диктой и Закросом. Закросский дворец располагался вблизи источника и гнезился в долине, как и недавно открытая Дикта. Казалось, что наконец после стольких лет поиска минойский дворец в Дикте будет вот-вот найден. После длительных переговоров о покупке земли, принадлежавшей местным владельцам, а иногда и целым семьям, настолько многочисленным, что их члены никогда в глаза друг друга не видели, сделка была заключена. На перво-

начальной стадии получения разрешения на раскопки политики тоже строили всевозможные препятствия, но несколько лет спустя работы на новом месте, которое окрестили Дворцовым полем, все же начались.

Золотое правило археологии между тем гласит: никогда не знаешь, что найдешь. Обычно находишь не то, что ищешь, и Дворцовое поле в Дикте не стало исключением из этого правила. Весь ареал был накрыт сетью траншей, и уже первое зондирование эхолотом обнаружило останки массивного алтаря под открытым небом и часть стены, окружавшей храм Зевса Диктейского. Храм, в сущности, покоился прямо на вершине минойского дворца, так что предположения о его существовании здесь оказались верными, и это ничуть не противоречило здравому смыслу. В древности наилучшие места по очевидным естественно-природным причинам часто использовались для повторного строительства, а в данном случае возведение греческого храма поверх главного святилища минойского поселения могло вдобавок означать преемственность культов и свидетельствовать о том, что почитание Зевса Диктейского, как и предполагалось, началось еще в бронзовом веке. Было очевидно, что массивное обрушение земли с горы Петсофа случилось, когда храм еще всюю использовался по назначению, а не в более поздние времена, как считалось прежде. На алтаре остались обугленные останки жертвоприношения быков богу-громовержцу. Вероятно, ритуал имел место по случаю праздника в честь Зевса, который проводился весной 365 года новой эры как часть церемониала возрождения бога и был оборван природной катастрофой — сильным землетрясением, вызвавшим мощный оползень с горы Петсофа, который и похоронил храм под более чем метровым слоем земли и камней. Поскольку спустя всего несколько десятилетий после

этого Феодосий I* своим декретом запретил языческие религии, храм не был восстановлен, и место его бывшего нахождения кануло в забвение.

Каждый последующий сезон раскопок понемногу открывал святилище миру и углублял знания исследователей об этом важном религиозном центре. В нынешнем году выдающаяся находка — алтарь, посвященный божественному Александру Великому, — была сделана внутри храма. Александр, несомненно, величайший правитель всех времен, стал царем Македонии в 334 году до РХ, когда его отец, Филипп II, был убит, как считается, в результате заговора, организованного матерью Александра Олимпией. За короткие девять лет Александр со своей армией одолел Персидскую империю и, отправившись дальше на восток, победно дошел до реки Инд. Однако в конце концов собственная армия убедила его повернуть назад, и на обратном пути он умер от лихорадки, вероятно, от малярии, в Вавилоне. Когда на смертном одре его спросили, кому он завещает свое обширное царство, Александр ответил: «Сильнейшему». Но его наследники разделили необъятную империю на более мелкие царства: Птолемей стал владыкой Египта и примыкающих к нему земель, Антиох начал править большей частью Ближнего Востока, а Пердикка — Македонией. Найденный в Дикте храм мог значительно расширить знания современных ученых о последнем периоде истории культа Александра и о его продолжавшейся в римские времена популярности.

Территория, где теперь вели раскопки Том, Георгос и вся их команда, находилась перед храмом — строением, по размерам сопоставимым с такой жемчужиной, как храм Афины-Ники на Акрополе. Внутри храма находилась ко-

---

* Феодосий I Великий, Флавий. Римский император в 379—395 гг.

лоссальная мраморная статуя Александра — самая значительная находка нынешнего сезона. Судя по стилистическим особенностям, она скорее всего представляла собой адрианскую копию оригинальной культовой скульптуры, которая, вероятно, впервые была установлена в храме в третьем веке до новой эры. Хотя статуя все еще не была полностью очищена от земли, уже можно было видеть следы былой позолоты и сохранивших яркость красок. Она должна была стать уникальным пополнением для местного археологического музея, расположенного неподалеку, в городе Сития. Скульптура была массивной и весила, должно быть, больше тонны. Было принято решение, пока сезон раскопок не завершен, проводить предварительную консервацию на месте, чтобы потом без большого риска перевезти статую, подведя к ней необходимую тяжелую технику и такелаж. После того как обломки рухнувшей древней крыши были удалены, рабочие окружили статую лесами с временной кровлей, чтобы защитить шедевр от палящего солнца и устроить укрытие для работы специалистов по консервации памятников. Было совершенно необходимо попытаться закрепить пигменты, очистив статую от въевшейся земли, поскольку содержащиеся в почве кислоты при взаимодействии с воздухом зачастую разъедают краски. Археология — процесс разрушительный. Когда произведение искусства впервые появляется на свет из-под земли, изъятые из постоянной среды, в которой пролежало не один век, остатки его изначального облика бывают очевидны, но быстро тускнеют. Образ предмета или живого существа, который, словно в «Байках из склепа»*, на глазах рассыпается в

---

* «Байки из склепа» (англ. *Tales from the Crypt*) — культовый американский сериал ужасов. С 1989 по 1996 год было снято и показано в общей сложности 93 эпизода.

пыль, стал клишированным, однако он гораздо более реален, чем многие могут себе представить. К счастью, статуя Александра была сделана из мрамора, материала долговечного, но вот чувствительные к воздействию среды краски, которые почти сплошь покрывали ее изящно высеченную поверхность, — дело иное.

Пока специалисты по консервации старались выполнять свою требующую большой деликатности задачу, Том со своей командой продолжал работы перед храмом. Две прямоугольные стелы — каменные столбы, покрытые письменами, — по-прежнему находились там, где были установлены много веков назад. Более старую откопали в начале сезона. Она стояла справа от входа в храм и содержала посвящение, относящееся к началу третьего века до новой эры — времени правления Птолемея Второго, когда эта часть Крита находилась под властью Птолемеев. Текст был шаблонным, однако представлял особый интерес тем, что в нем упоминалась гробница Александра Великого, известная под названием Сомы*, которую Птолемей I построил для него в Александрии. Упоминания о гробнице Александра встречаются редко, поэтому столь раннее свидетельство было действительно важным. Вторая стела, установленная слева от входа, теперь тоже была полностью откопана. Том сказал рабочим, что будет заканчивать ее очистку, и уселся перед ней. По мере того как он соскребал землю кельмой и стряхивал пыль кисточкой, проступали следы красной краски, которой в древности обычно покрывали буквы, чтобы сделать их более отчетливыми. Утренние лучи солнца, косо проникая во временное укрытие, создавали самое благоприятное освещение, и Том, положив на колени блокнот, начал

---

* Сомы (греч. soma — тело) — тело, туловище, совокупность всех клеток организма, за исключением репродуктивных.

переносить в него надпись. Буквы на камне складывались в необычный узор. Многие куски текста отлично сохранились, но часть стерлась почти полностью. Поскольку храм был разрушен, вероятно, менее чем через пятнадцать лет, после того как установили эту стелу, такой износ казался странным. Том предположил, что подобная эрозия — результат воздействия стихий и трения о корни росшего неподалеку оливкового дерева. Как уже выяснилось, вторая стела была гораздо более позднего происхождения, чем первая, установленная у входа в храм. Это было очевидно, исходя из формы букв и стилистики текста, который, судя по всему, описывал последнее обновление храма, предпринятое в период правления Требония Галла, в третьей четверти третьего века до новой эры. Что озадачило Тома, так это то, что на этой стеле повторялась формула из первой, только значительно измененная. Вместо упоминания александрийской гробницы Александра здесь говорилось: «...гробница Александра, которая больше не находится в Александрии, а перенесена по божественному повелению императора Требония Галла...» — дальше текст был полностью стерт, и прочесть его не представлялось возможным. Требоний Галл был одним из так называемых «солдатских императоров»*, и его правление — где-то между 251 и 253 годами — было слишком коротким, чтобы успеть перенести останки Александра. Вновь открытая надпись расширяла познания о гробнице Александра, распространяя их до середины третьего века до новой эры, то есть до значительно более позднего периода по сравнению с периодом правления императора

---

* Солдатские императоры — общее название ряда императоров Древнего Рима, иногда весьма незначительного происхождения, которых назначала армия и которые быстро сменяли друг друга, не будучи яркими политиками.

Каракаллы, который считал себя новым воплощением Александра Великого и чье посещение его гробницы в Александрии было последним письменным упоминанием о ней. И вот новое, пусть загадочное из-за своей неполноты, сведение о месте последнего упокоения Александра Великого, царя царей и завоевателя мира. Том едва сдерживал возбуждение. Этот фрагмент истории, только что извлеченный из-под земли, вновь открывал вопрос о местонахождении гробницы Александра — об одной из величайших до сих пор не разгаданных археологических тайн всех времен. Придется потрудиться, чтобы отвоевать у камня стершийся текст.

Был типичный для Дикты субботний вечер. Раскопки завершились до наступления следующей недели, и все оказались предоставленными самим себе до конца выходных. Дикта — маленький городок, в сущности деревня, и возможности для развлечения у команды археологов здесь ограничены. Обычно они собирались вместе и позволяли себе — особенно те, кто помоложе, — расслабиться. У Клер, студентки Колумбийского университета, было предчувствие, что нынешний вечер станет волшебным, однако она понятия не имела, какие сюрпризы ее ожидают. Вечер начался в ракийной, носившей название «Кали кардия», то есть «Доброе сердце», и располагавшейся в соседней деревне Хиеронеро. В этом крохотном баре подавали *раки* — критский самогон, получаемый из виноградных лоз, пиво и безалкогольные напитки, а также он являлся главным поставщиком сигарет и телефонной связи для местных жителей. Летом двери здесь были постоянно открыты. Хозяина Барбойannis и его жену Георгию всегда можно было найти сидящими за большим квадратным деревянным столом сразу при входе в полной готовности снабдить вас каким-нибудь холодным напит-

ком или последней деревенской сплетней. Этот кусочек подлинной критской жизни — посидеть за выставленным на улицу столиком, попивая раки, болтая о событиях минувшего дня и наблюдая за тем, как заходящее солнце меняет цветовую гамму критского пейзажа, — доставлял археологам большое удовольствие. Немного выпив, вечер продолжали ужином при свечах в месте, где жили, усаживаясь гуртом за длинный стол в «партере», как называли нижнюю террасу своей «берлоги» археологи. После этого Клер и ее друзья отправлялись в город погулять и начинали с паба «Почему бы нет?».

Несмотря на то что солнце уже давно зашло, было жарко, и дувший с моря ветер оставался теплым. Здесь в это время года ветер дул всегда. Снаружи к бару примыкала веранда, огороженная низким плетнем. Внутри антураж был мрачноват, но по-своему, в некоем готическом стиле, привлекателен: помещение освещалось тускло, с высокого потолка свисали вентиляторы, призванные охлаждать воздух. Тяжелый кислотный рок рвался из динамиков, установленных по обе стороны бара. Несколько молодых греков в цветастых майках с отрезанными рукавами курили и выпивали, сидя за стойкой.

— Нельзя ли сменить музыку? — спросила Клер свою подругу Сару.

— Конечно, — ответила та. — Сейчас попрошу. Бармен из Закроса и обожает этот грохот. А что бы ты хотела послушать? Уверена, что смогу его улестить.

— Что угодно другое. Ну например, Спрингстина* или U2.

---

* Брюс Фредерик Спрингстин (*англ.* Bruce Frederick Springsteen; 23 сентября 1949) — американский рок- и фолк-музыкант и автор песен, воспитанный на музыке The Beatles, Элвиса Пресли, Вуди Гатри, Пита Сигера.

— Хорошо, попробую. — И Сара пошла говорить с барменом.

Клер с Сарой потанцевали около часа, а потом решили вместе с остальными членами археологической партии перебраться в музыкальный бар «Энигма».

«Энигма» была расположена на окраине городка, неподалеку от дома археологов, и была их любимым местом отдыха по выходным, особенно к концу вечера. Над входом в нее, на эмблеме традиционных греческих кофеен, красовался огромный сфинкс. Внутри на дверях висели терракотовые маски сатиров, а по ярко окрашенным стенам — черно-белые фотографии обнаженной женщины на берегу, в разных позах при лунном свете. Определенно «Энигма» обладала особой аурой. Хозяин заведения обожал археологию и оказывал членам экспедиции особое гостеприимство. Даже руководители экспедиции и главный архитектор заходили сюда в начале вечера. Было забавно наблюдать, как мгновенно заполнялась народом кофейня, стоило только там появиться девушкам с раскопок. Они любили танцевать все вместе, порой переходя на слэм или диско. Мужчины-греки кружили вокруг них, словно львиный прайд вокруг свежего мяса. Местные девушки приходили только раз в неделю и держались вместе. Таков был общественный механизм традиционных встреч молодых людей в деревне, хотя с тех пор как Греция вступила в Евросоюз, он начинал постепенно отмирать. Городские бары являлись истинно мужскими бастионами, и здесь можно было наглядно убедиться, что американская система студенческих братств произрастает из греческой общественной традиции, согласно которой юноши, сбившись в группы, сидят в барах, пьют, братаются и приударяют за иностранными туристками.

В археологической партии было шесть молодых женщин, и они пользовались большим вниманием мужской

части группы. Клер, однако, отражала многочисленные пассы, которые делали в ее сторону многие работавшие на раскопках греки, а также попытки флирта со стороны некоторых своих коллег. Я не из таких, думала она о себе. Однако было нечто в атмосфере этой страны — и особенно этого места, — что пробуждало чувственность! На туристских рекламных плакатах в Афинах и Ираклионе был изображен толстенький Эрос, пускающий стрелы в иностранку, отдыхающую в бассейне с молодым красивым греком. Но здесь, в деревне, Клер, казалось, обуревала не столько игривая чувственная любовь Афродиты и ее дружка Эроса, сколько дикая животная похоть козлобородого Пана. Клер находилась здесь уже четыре недели — экспедиционный сезон подходил к концу — и все это время исповедовала сексуальное воздержание, поэтому теперь была близка к тому, чтобы взорваться. Гормоны сводили ее с ума. Так что она решила провести ревизию своих возможностей. Сегодняшняя ночь станет ночью ее капитуляции перед плотскими желаниями, но кто окажется счастливым? Благосклонное внимание Клер привлек греческий юноша, кайловщик по имени Яннис. На нем была облегающая светло-голубая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, что позволяло любоваться его мускулистой грудью. Из-под закатанных рукавов виднелись руки с мощными мышцами и прекрасной кожей оливкового цвета. Вылинявшие джинсы в обтяжку подчеркивали соблазнительные выпуклости и едва прикрывали шлепанцы с кисточками, надетые на босу ногу. Ровные каштановые волосы парня были зачесаны набок и блестели, смазанные гелем. Но главной в его внешности была широкая улыбка, то и дело озарявшая лицо во время разговора. Держался он исключительно непринужденно и обладал заразительным смехом. Клер и сама была девушкой красивой, однако куда менее уверенной в себе,

когда дело доходило до общения с молодыми людьми, и она завидовала тому, как свободно и раскованно владел Яннис своим телом. Тот мгновенно почуял, что Клер на блюдает за ним, и подошел.

— Смотреть на тебя — сплошное удовольствие, — сказал Яннис голосом, который здесь называли *kataki**. — Послушай, Клер, тут рядом стоит моя *paraiki***. Не хочешь проехаться на пляж искупаться? — Он улыбнулся манящей улыбкой.

— С удовольствием.

— Так поехали, — он схватил ее за руку.

Когда они двинулись к выходу, подошла Сара.

— Желаю получить удовольствие. — Она с одобрением посмотрела на подругу. — Но при любом развитии событий не давай ему затащить тебя в банановые теплицы!

Подмигнув Саре, Яннис подтолкнул Клер вперед. Когда они оказались на улице, он завел свой мопед, и Клер уселась на заднее сиденье. Окольными путями через оливковые рощи Яннис направился к морю. Дороги были ухабистыми, и девушке, чтобы не вылететь из седла, приходилось тесно прижиматься к водителю, положив голову на его мощную спину. Проезжая мимо теплиц, Яннис остановился и спросил, не хочет ли Клер войти. В свете передней фары мопеда она увидела росшие внутри правильными рядами миниатюрные критские бананы с гроздьями плодов, свисающими со стеблей, которые были увенчаны разнузданного фаллического вида цветами. Изнутри повеяло душным запахом перезревших бананов; Яннис повел фарой из стороны в сторону, и там заплясали причудливые тени.

---

* *Kataki* (греч.) — ловля на живца.

** *Paraiki* (греч.) — маленькая утка.

— Нет, спасибо. Поехали на пляж, — ответила Клер, мотор снова взревел, и мопед помчался дальше.

Несколько минут спустя они доехали до развилки главной дороги, и Яннис направил свою «уточку» по тому ответвлению, которое мимо археологического раскопа вело к уединенному местечку на берегу, откуда открывался вид на бухту и маячивший вдали остров Кастри. Съехав на поле, служившее импровизированной стоянкой, он заглушил мотор. Когда погасла фара, Клер подняла голову, и ее взгляд сфокусировался на ночном небе, сиявшем мириадами звезд. Тихий плеск ласковых волн, набегавших на мелкий прибрежный песок, был таким манящим, что, прыгнув с мопеда, она помчалась к берегу, чтобы пощупать воду. Скинув на ходу босоножки, она подставила ступни набегавшей волне.

— Потрясающе! — крикнула она Яннису и побежала по воде вдоль берега. Футов через двадцать пять дорогу ей преградило нагромождение валунов, она перебралась через них и очутилась в еще более укромном уголке пляжа. Сбросив платье, а потом и белье прямо на песок, она с восторженным криком бросилась в воду и, когда оказалась на достаточной глубине, нырнула. Температура была бодрящей, вынырнув, Клер смахнула воду с лица и заработала ногами и руками, чтобы оставаться на плаву.

— Вокруг меня вода светится! Как волшебная пыль! — крикнула она.

Яннис уже стоял на берегу напротив нее; расстелив на песке одеяло, он начал раздеваться.

— Это она фосфоресцирует, — ответил он. — Чудо, правда?

Теперь он был полностью обнажен, и Клер еще раз подивилась тому, как уверенно он держался... и как был красив. Она почувствовала нарастающее возбуждение.

С громким воплем забежав в воду, он нырнул, через несколько секунд вынырнул в нескольких футах от нее и поплыл прямо к ней. Они поцеловались. На губах ощущался вкус соленой воды, а тела были окружены сверкающими ореолами. Мягко оттолкнувшись от Янниса, Клер легла на спину, глядя в небо.

— Эти звезды великолепны, — сказала она. — Ляг на спину, посмотри, это же чудо!

Лежа на воде, она не видела ничего, кроме тысяч звезд, сгущавшихся прямо над ее головой в ленту Млечного Пути, напоминавшую крупный мазок, прочертивший холст, покрытый алмазной крошкой.

— Боюсь, для меня будет холодновато, — смущенно улыбнулся Яннис. — Знаешь, если внимательно всматриваться в небо, обязательно увидишь падающую звезду. Дикта всегда была священным местом Зевса, и ей достается больше, чем кому бы то ни было, падающих звезд и гроз. Они дальние отголоски древней мощи бога-громовержца.

Клер начала напряженно вглядываться в небо, и действительно минуту спустя огненный шарик прочертил его. Она вскрикнула от восторга.

— Ты прав. Я только что видела ее! Это потрясающе! — с восхищением выдохнула девушка.

— Не забудь загадать желание. Давай немного посидим на пляже, — предложил Яннис и поплыл к берегу. — Я хочу тебе кое-что показать, а это может произойти в любой момент.

— Хорошо. — Клер поплыла за ним. На берегу она схватила полотенце и обернулась им. Они уселись на одеяле, расстеленном Яннисом, и он обнял ее за плечи.

— Так что за шоу ты мне приготовил? — спросила Клер.

Она повернулась и стала смотреть туда, куда он указывал, но горизонт тонул в крошечной тьме, и она ничего не видела. Однако несколько минут спустя вдруг его обозначила узенькая полоска света. Лунное сияние заскользило по поверхности моря и миг ударило Клер в лицо — она была потрясена. Тепла, какое исходило бы от солнечных лучей, не ощущалось, и само свечение было совершенно особенным. Свет постепенно восходил полукругом, озаряя волны Адриатического моря, которые, в свою очередь, отражали его бесконечными каскадами световых волн, сливавшихся в непрерывно движущееся сияние бесплотного серебра. В первый момент показалось, будто прилив мощно вздымается, отвечая на чары Селены, богини Луны; волнообразное лунное сияние производило почти гипнотический эффект. Это было самое захватывающее зрелище в жизни Клер. По мере того как серебряный шар все больше открывался взору, продолжая подниматься в небо, она все больше изумлялась тому, каким огромным был лунный диск. Панорама вокруг становилась светлее с каждой минутой, и вот уже вся поверхность бухты стала видна до самого горизонта. Вскоре Луна достигла своей высшей точки на небе, и море успокоилось, но магическое свечение земной спутницы по-прежнему приковывало взор девушки.

Повернувшись к Яннису, она спросила:

— Если бы ты мог накинуть лассо на Луну, ты бы взобрался на нее сам или снял бы с неба?

— Ты принимаешь меня за американского ковбоя? В нашей стране лассо не в обиходе, — улыбнулся Яннис.

— Ну ты же понимаешь, что я имею в виду. — Она теснее прижалась к нему, и в этот момент неожиданно заметила моторку, направлявшуюся через бухту к берегу. Пока она была еще довольно далеко.

— Яннис, ты видишь моторку?

— Да, вижу, уже довольно давно, она с большой яхты, которая стоит на якоре по другую сторону бухты.

— Как ты думаешь, а они могут нас видеть? — Клер вдруг осознала, что она голая. — Что они могут делать здесь посреди ночи?

— Нет, им нас не видно, мы в надежном укрытии, — ответил Яннис. — Просто ближайший пляж за этими камнями — одно из лучших мест для причаливания на нашей стороне бухты. Скорее всего они плывут сюда, чтобы высадиться, а не просто вышли в море полюбоваться восходом Луны.

И впрямь, лодка определенно направлялась к ближайшему берегу.

— Ты знаешь, кому принадлежит эта яхта? — поинтересовалась Клер.

— Она вошла в бухту сегодня утром. Капитан зарегистрировал ее в портовой администрации. Начальник порта — мой друг. Конечно, вся деревня видела, как она встала на якорь. О ней сегодня целый день только и разговоров. Очень красивое судно, здесь такие редко увидишь. Любой скажет тебе, что течения у берегов этой части острова весьма коварны. Мой друг сказал, что яхта приписана к порту на Мальте, но ее владелец — американец. Кажется, он путешествует с семьей по Средиземноморью, — сообщил Яннис.

— Давай не будем привлекать их внимания — просто посидим тихонько и посмотрим, что они станут делать, — предложила Клер, поудобней устраиваясь под боком у Янниса.

С той выгодной позиции, которую они занимали, поверх нагромождения камней, отделявших их от основного пляжа, отлично просматривался весь ближайший берег. Когда лодка приблизилась, стало видно, что на ее борту находятся несколько мужчин. Один сидел на носу и держал

в вытянутой руке фонарь. Он указывал курс тому, который правил рулем, — дородному матросу с землистым лицом, который становился виден всякий раз, когда вперёдсмотрящий с фонарем оборачивался назад, чтобы переговорить с остальными. В середине сидел мужчина постарше, одетый наподобие английского джентльмена на воскресной прогулке в твидовый пиджак и габардиновые слаксы. У него была ослепительно белая шевелюра, и он курил сигарету. Рядом с ним на центральной скамье молча, скрестив руки на широкой груди, сидел еще один дюжий мужчина.

— Не сказала бы, что это сильно напоминает семейную прогулку, — шепнула Яннису Клер.

— Ты права, выглядит странновато, — согласился тот. — Интересно, что им здесь нужно?

Когда моторка приблизилась к суше, рулевой заглушил двигатель, поднял винт, и лодка задрейфовала к берегу. Как только ее нос коснулся дна, человек с фонарем прыгнул в воду и вытащил судно на сушу. Один из здоровяков соскочил на землю с якорем в руках и закрепил его в песке подальше от кромки воды. Только тогда человек в твидовом пиджаке сошел на берег, размял ноги и закурил новую сигарету, пока остальные выгружали из лодки две объемистые сумки и кое-какое землекопное снаряжение — киркомотыгу и лопату.

— Куда это они собрались посреди ночи со всем этим хозяйством? — задумчиво произнесла Клер.

— Похоже — на раскоп, — предположил Яннис, глядя, как мужчины пересекают поле.

Оскар Уильямс был не тем человеком, которого позволительно недооценивать. В другие времена он мог бы стать капитаном пиратского корабля. Он обладал острым чутьем и немалым обаянием, за которым, однако, таилась

темная сторона его сумасбродной натуры, всегда готовая вырваться наружу даже теперь, в уже немолодые годы. Чтобы добиться успеха в бизнесе, нужно уметь рисковать, принимать моментальные решения и доверять своей интуиции. В каком-то смысле это джентльменская профессия, а Оскар прежде всего почитал себя джентльменом. В детстве ему дали хорошее образование. Он окончил экстерном школу, где изучал античные языки и литературу, потом получил степень бакалавра в Гарвардском университете. У семьи были деньги, что позволило ему продолжить классическое образование в магистратуре. Он даже поступил в аспирантуру Принстонского университета, но во время престижной стажировки в Американской академии в Риме осознал, что традиционный академический путь не для него. Изучая древние языки, он овладел знанием античной истории, однако Рим пробудил в нем любовь к древним памятникам и артефактам, которая переросла в страсть. В Риме произведения античного искусства окружали его повсюду, они были чем-то, что можно увидеть и потрогать, а не тем, о чем можно только прочесть в книгах, окопавшись в недрах библиотеки Американской академии.

Оскар решил переехать из общежития академии на съемную квартиру в районе Трастевере, у самого подножия холма Яникул, и начал коллекционировать антиквариат. Вскоре он обнаружил, что у него острый глаз, но недостаточно средств. И для того чтобы удовлетворять свою страсть к приобретению новых произведений искусства, необходимо каким-то образом сделать эту страсть прибыльной. Так он основал свой скромный антикварный бизнес в Риме и принялся морем возить вещи в Штаты, где завел еще один магазин в Нью-Йорке. Это было в середине 1960-х, когда антикварный рынок являлся дикой и мутной сферой деятельности. Оскару это подходило как

нельзя лучше. Особых правил и установлений не существовало, а поток антиквариата был непрерывным и изобильным. Большое количество вещей можно было приобрести у других торговцев, на блошиных рынках и у коллекционеров, которые меняли или продавали свои сокровища. Люди коллекционировали предметы старины веками, и эти законные источники составляли большую часть оборота.

Оскар, однако, в своей безграничной мудрости — а он часто думал, что обладает безграничной мудростью, — смекнул, что существует и другой источник пополнения этого рынка. Используя свой предпринимательский талант, он обустроил себе особую нишу, начав торговать недавно открытыми предметами, теми, что были только что выкопаны из-под земли. Они попадали ему в руки случайно, но Оскар расширял круг знакомств среди поставщиков, которые тайно копали ради наживы, — в основном среди тех, кто грабил могилы. Поначалу такому джентльмену, как Оскар, они представлялись слишком неприличным сборищем неотесанных мужланов, и многие участники рынка старались держаться от них подальше. Но потом он понял, что может управлять этими людьми. А главное, эти гробокопатели, *томбароли*, как их называли, зачастую снабжали его самыми изысканными произведениями искусства, которыми он любовался какое-то время сам, прежде чем перепродать кому-нибудь другому с большой выгодой.

Дело Оскара процветало, и сфера его интересов расширялась благодаря сомнительным знакомым. Он обзавелся связями в Греции, Албании, Турции и Северной Африке — везде, где греческие и римские древности могли вынырнуть на поверхность с помощью всего лишь лопаты и фонаря. По мере того как его аппетиты росли,

он все глубже внедрялся в область торговли древними произведениями искусства Ближнего Востока и Египта.

Но в начале семидесятых законы начали ужесточаться, вследствие чего покупать и продавать древности стало сложнее. Теперь требовались разрешения на вывоз. Оскар и его поставщики без труда изыскивали способы обходить новые правила. Швейцария с ее свободой торговли стала полезным каналом перемещения антиквариата, а наличие у нее общей границы с Италией очень облегчало переправку. В 1980—1990-е дела у Оскара шли успешно, провалы случались крайне редко. Однажды его задержали со старинными монетами, которые он пытался вывезти из Турции, в другой раз он был оштрафован греческими властями за хранение незарегистрированных предметов старины в своем доме на Наксосе, но это были всего лишь незначительные инциденты.

Однако в последние годы доставать подлинные вещи становилось все труднее. Красными флажками обложили все вокруг, и, говоря откровенно, мародерство во многих странах приобрело такой размах, что источники поступления товара оказались отнюдь не такими щедрыми, какими были прежде. Наличие предметов старины стало ограниченным, как наличие разновидностей рыб в океане или нефтеносных источников в мире, — ужесточение требований оказывало свое воздействие на рынок. Во многих отношениях Оскар к тому времени добился уже высшей точки успеха и, в сущности, не нуждался в деньгах. Будь он более осмотрителен, давно ушел бы на покой, но он продолжал поддерживать массу контактов и, когда проходил слух о том, что появилось нечто новое, немедленно вступал в дело. По правде говоря, он просто не в состоянии был бросить игру, несмотря на ее усугубившуюся опасность, а покупатель на исключительное произведение искусства находился всегда.

Именно погоня за такой находкой, возможно, вершинной во всей его карьере, и привела его на восточный Крит тем вечером. Об этом он размышлял, стоя на залитом лунным светом берегу и глубоко затягиваясь сигаретой. На предыдущей неделе, когда его яхта стояла на рейде в Миконесе, он наткнулся на короткую заметку в «Интернешнл геральд трибюн», где сообщалось о выдающейся археологической находке в Дикте — культовой статуе Александра Великого и двух стелах с надписями, которые предположительно могли содержать сведения о местонахождении гробницы Александра.

Археологи всегда заинтересованы в том, чтобы слухи об их важных находках просочились в печать, поскольку это помогало им находить средства для продолжения раскопок. В то же время Оскар прекрасно знал, что они не торопятся обнародовать свои открытия. Могут пройти годы, прежде чем подробности о них будут опубликованы в каком-нибудь малоизвестном археологическом журнале или в монографии. Поэтому он пожелал приехать и увидеть все собственными глазами. Сообщение о статуе, конечно, впечатляло, но его больше занимали стелы. Гробница Александра была Священным Граалем для любителей памятников старины. Если она все еще существовала и не была разграблена — притом что это очень большое «если», — можно было только представить себе, какие сокровища в ней хранились. При своих связях в Египте и Средиземноморье Оскар легко добрался бы до них раньше археологов. Даже если бы на стелах имелось точное указание о том, где находится гробница, прошли бы месяцы, прежде чем те смогли бы приступить к делу, получив многочисленные разрешения и добившись грантов. Оскар же при необходимости уже на следующей неделе мог сколотить группу землекопов и отправиться в путь. Такова была дальняя перспектива, но сейчас он по-

нимал, что должен поехать и лично увидеть, что там нашли. В газетной статейке не содержалось никакой конкретной информации о текстах, высеченных на стенах.

Направляясь со своими людьми через поле к раскопу, он прислушивался к шелесту оливковых деревьев, листва их серебрилась в лунном свете. Этой ночью стояла полная луна — значит, повезло, фонари вряд ли понадобятся. Вскоре они подошли к забору со старыми металлическими воротами и, миновав их, вступили на территорию раскопа. Дикта не принадлежала к числу самых знаменитых раскопов, поэтому обычно ворота здесь не запирали. Неподалеку от входа стояла караулка, но в настоящий момент она пустовала, охрану здесь вообще держали главным образом в межсезонье, чтобы предотвращать попытки незаконных раскопок. По мере приближения Оскара с его командой непосредственно к раскопу оливковые заросли уступали место руинам большого города. Повсюду были видны низкие основания стен былых строений. Судя по кладкам из тесаного камня и мощеным улицам, должно быть, это развалины домов минойского поселения, подумал Оскар.

Обернувшись к дородному аборигену, служившему им проводником, сказал по-гречески:

— Нам нужна территория, раскопанная последней, место, где нашли статую Александра Великого. Это в древнем греческом храме, посвященном Зевсу. Отведи нас туда.

Мужчина махнул рукой налево, и группа двинулась за ним по минойским улицам. Вскоре они подошли к другой окруженной забором территории. На сей раз ворота оказались запертыми. За ними виднелись руины храма Зевса Диктейского. Временное сооружение под навесом означало место, где находилась статуя, догадался Оскар, а стало быть, и стелы... Он достал отмычки и начал вскры-

вать замок. Надо постараться не привлекать внимания к их визиту. Под его проворными пальцами замок скоро открылся, толстая цепь упала на землю, и металлические ворота распахнулись, скрипнув петлями. Обернувшись к своей пестрой компании, Оскар церемонно сказал:

— Джентльмены, позвольте представить вам храм Зевса Диктейского, легендарное место рождения бога-громовержца, — и, не дожидаясь ответа, направился прямо к малому храму Александра Великого. Он ожидал увидеть стелы перед входом в него, но, к большому удивлению, не обнаружил их там и занервничал, однако тут же понял, что они должны находиться внутри временного сооружения. Дверь в него была заперта на тяжелую цепь с огромным замком. Оскар снова извлек свои отмычки и принялся колдовать ими. Прошло несколько минут, но замок не поддавался.

— Ну хватит осторожничать. Я проделал весь этот путь не для того, чтобы теперь повернуть обратно, — пробормотал он себе под нос и, повернувшись к стоявшему рядом здоровяку, велел ему отстрелить замок. Когда мужчина достал девятимиллиметровый вальтер с длинным глушителем и прицелился, Оскар отступил назад. Два выстрела — и замок раскрылся, цепь упала на землю, дверь распахнулась.

Оскар задохнулся от восторга — на него смотрела статуя Александра. Она была грандиозна. Величайший царь древнего мира сидел на троне с благосклонным выражением лица, в руке он держал скипетр. Лунный свет причудливо освещал его. Перед входом в святилище стояли две стелы. Он опустился на колени перед одной из них, чтобы рассмотреть получше, и провел пальцами по выселенным буквам и гладкой поверхности мрамора. Текст был довольно длинным, но, судя по всему, полным. Оскар вынул из кармана маленькую камеру и сделал несколько

снимков. Надпись была слишком длинной, чтобы расшифровывать ее на месте, он с удовольствием покумекает над ней, когда снова окажется на яхте.

— Принеси мне холщовую сумку, — велел он одному из помощников. — Я сделаю оттиск. А пока я буду этим заниматься, обойдите храм по периметру с металлоискателем. Посмотрите, нет ли чего: в таких храмах часто встречаются металлические предметы — подношения богу, может, найдется что-нибудь стоящее.

Мужчина принес Оскару сумку, достал из другой сумки металлоискатель и принялся сканировать поверхность земли. Оскар же вынул несколько листов тонкой бумаги, бутылку воды с распылителем и валик. Смочив первый лист, прижал его к поверхности стелы там, где находилась надпись. Потом поверх первого приложил второй и третий листы и начал методично водить по ним покрытым щетиной валиком, равномерно распределяя давление по поверхности и впрессовывая листы в высеченные буквы. Пока бумага на первой стеле просыхала, он перешел ко второй. Она сохранилась не так хорошо, как первая. Местами ее поверхность стерлась, и недоставало одного угла. К сожалению, со сколом была утрачена и часть текста. Он сделал еще несколько снимков, потом оттиск второй надписи. Теперь нужно было с полчаса подождать, пока оба оттиска высохнут.

В какой-то момент Оскар подумал о том, чтобы отделить голову статуи и забрать ее с собой, но они не прихватили камнерезной пилы, а возвращаться за ней сейчас на той моторке, которая осталась на берегу, было рискованно. Он велит своему человеку наблюдать и, если археологи проявят беспечность и не выставят охрану возле статуи в течение ближайших двух недель, пошлет его сюда с надлежащим снаряжением.

— Кроме того, к тому времени они ее получше очистят, — хмыкнул он. — Сохраняй хладнокровие, Оскар. — И прикурил очередную сигарету.

По истечении необходимого времени он отлепил бумагу от обеих стел и получил идеальные, один к одному, оттиски надписей.

— Вот то, за чем мы приходили. Пошли отсюда, — сказал он своим людям, которые продолжали прочесывать территорию с металлодетектором, и вместе с проводником они отправились обратно к лодке.

3

Глядя на посетительницу поверх письменного стола, Том размышлял: «Кто эта женщина?» Он был заинтригован, чтобы не сказать больше. Учитывая тот факт, что он как раз находился в интенсивном научном поиске местонахождения гробницы Александра Великого, то, что она появилась в его жизни именно сейчас, казалось подозрительным совпадением. На мгновение даже промелькнула мысль: не подстроил ли это кто-то из друзей, чтобы разыграть его? Но по тому, как напряженно смотрела на него мисс Прайс, ожидая реакции на свою невероятную историю о том, что она 2300 лет тому назад очутилась в гробнице Александра Великого, было ясно: она отнюдь не шутит. Работай Том в каком бы то ни было другом месте, совпадение действительно могло показаться неправдоподобным, но из собственного опыта он знал: где-где, а в музее Метрополитен в ходе обычного рабочего дня может случиться все что угодно.

— Не хотите составить мне компанию и выпить чашку кофе в саду на крыше? — спросил он, улыбнувшись ей. —

Думаю, глоток свежего воздуха нам обоим не повредит, к тому же там есть скамейка с великолепным видом на парк. Если не возражаете, давайте продолжим разговор там. Кстати, это по пути на мою следующую встречу, а мне до смерти хочется успеть выпить кофе. У нас как раз осталось на это немного времени.

— Хорошо, мистер Карр.

— Пожалуйста, зовите меня просто Томом.

Они вышли из кабинета и отправились через весь музей в сад на крыше. Том взял две чашки кофе, и они устроились на скамье у самого края веранды, выходящей на Центральный парк. Пышная листва на деревьях еще не начала облетать, и парк являл собой сверху красно-желтое море с зелеными островками там, где проглядывали травяные лужайки. Непосредственно перед зданием, чуть правее, виднелась Игла Клеопатры, знаменитый египетский каменный обелиск XV века до новой эры, привезенный в Нью-Йорк в начале двадцатого века и установленный во дворе позади музея.

Солнце пригревало лица. Надев темные очки, Том созерцал этот прекрасный вид, глубоко вдыхая свежий осенний воздух. Потом, отпив глоток кофе и повернувшись к Виктории, сказал:

— Да, вот это история!

Том не знал, как вести себя в подобной ситуации, но ее рассказ действительно заинтересовал его, и он решил, что лучше всего отвечать здраво, сохраняя серьезное выражение лица. В том, что она ему поведала, было, помимо всего прочего, много невозможных с исторической точки зрения подробностей. Можно мягко ей на это указать и таким образом деликатно завершить их встречу.

— Не знаю, что вы ожидаете от меня услышать, но позвольте поделиться с вами кое-какими соображениями. Во-первых, по поводу экспонатов нашей коллекции, ко-

которые вы увидели внизу и которые, как вы считаете, фигурировали в вашем видении, — начал он. — Что касается настенных рисунков, то они — из римской виллы в Боскореале, близ Помпей, городе, разрушенном во время извержения вулкана Везувий в семьдесят девятом году до новой эры. Эти рисунки были выполнены непосредственно на стене виллы где-то в середине первого века до новой эры. Так что, как видите, они не могли оказаться в гробнице, относящейся к гораздо — на несколько веков — более раннему времени, тем более в гробнице Александра Великого. К тому же ученые сходятся во мнении, что боскореальские фрески — это копии утраченных эллинских рисунков из какого-то роскошного дворца одного из греческих царей, и заказаны они были художнику спустя годы после смерти Александра. Владелец виллы в Боскореале, вероятно, желал воспроизвести в своем доме эллинистическую царскую роскошь и продемонстрировать свои знания о произведениях искусства былых времен, чтобы поражать гостей. После изучения множества фрагментов погребальной живописи, недавно найденных в Македонии, особенно в Вергине*, было сделано весьма правдоподобное предположение, что эти росписи могли быть копиями рисунков, украшавших гробницу Александра Великого, и, возможно, вы об этом где-нибудь читали. Но, с моей точки зрения, убедительных доказательств, подтверждающих эту гипотезу, никто не предъявил.

Далее Том перешел к Танцовщице Бейкера.

— Что касается бронзовой статуэтки танцовщицы в маске и покрывалах, то о ней существует множество ис-

---

* Вергина — небольшой город в Центральной Македонии, который стал известен всему миру в 1977 году, когда греческий археолог Манолис Андроникос откопал то, что он считал местом захоронения правителей Македонии.

следований — начиная с выдающейся статьи 1950 года Дороти Берр Томпсон в «Америкэн джорнал оф археолоджи». Да, эту статуэтку действительно связывают с Александрией, городом, где находилась гробница Александра, но вывод основывается главным образом на пусть правдоподобных, но всего лишь стилистических аргументах, а также на словах торговца, продавшего ее мистеру Бейкеру в сороковых годах прошлого века. Эта статуэтка — канонический образец эллинистического искусства, и ее изучали весьма интенсивно. В целом ученые сходятся на том, что натуралистическое изображение человеческой фигуры как стилистическое направление возникло не раньше третьего века до новой эры, существенно позднее смерти Александра Великого. Исходя из современных знаний об искусстве Древней Эллады, нет оснований датировать ее столь ранним сроком, какой предполагаете вы, то есть концом третьей или началом четвертой четверти четвертого века до новой эры, и полагать, что она была сделана еще при жизни Александра.

Том смочил горло глотком кофе и продолжил:

— Тем не менее должен признать, что некоторые из поведанных вами подробностей весьма интересны. Свое видение головы Александра, покоящейся на его кинжале и «Ларце “Илиады”», вы, похоже, почерпнули непосредственно у Плутарха, но его наблюдения над Александром относятся ко временам военных кампаний. При жизни Александр действительно никогда не расставался со своим заветным экземпляром гомеровской «Илиады», принадлежавшей ранее его наставнику Аристотелю. Кинжал — это скорее всего намек на превратности монаршей судьбы. Мне, признаться, он кажется апокрифическим анекдотом — своего рода украшением, такими хорошие античные историки любили приправлять свои тексты. Для пикантности. Во всяком случае, боюсь, до нас не

дошло ни одного античного источника, в котором бы утверждалось, что эти предметы были погребены вместе с Александром.

— А гробницу Александра раскопали? — взволнованно спросила Виктория.

— Нет-нет, ее нынешнее местонахождение остается одной из величайших неразрешенных археологических тайн.

— Означает ли это, что я могла бы доказать истинность своего воспоминания, если бы мое тело было обнаружено в гробнице точно так, как я вам описала?

Том улыбнулся:

— Ну в этом я сильно сомневаюсь, и не просто потому, что не верю в реинкарнацию. Видите ли, кое-что об истории гробницы нам известно. Александр умер в 323 году до новой эры в Вавилоне, и после его смерти возникли бурные споры по поводу того, где он должен покоем. Важность вопроса о местонахождении физических останков великого царя проистекала из того, что его генералы понимали: гробница могла стать символом авторитетности и легитимности того правителя, в чьих владениях она будет находиться. Его мумифицированное тело оставалось в Вавилоне, пока наследники решали вопрос о его последнем пристанище. В конце концов тело поместили на великолепную, изысканной работы золотую колесницу. На церемонию погребения съехались люди со всего известного тогда мира, скорбевшие о кончине великого царя. Это было невиданное зрелище: погребальную колесницу сопровождала процессия из сотен воинов. Изначально тело предполагалось перевезти в Македонию, как желал того Пердикка, но вместо этого, проявив хитрость, Птолемей отвез его в Египет. Считается, что для покойного царя в Мемфисе, в южной части Нильской дельты,

была возведена монументальная гробница в македонском стиле, где он и был погребен первый раз. Это она должна была бы фигурировать в вашем видении. Но в начале третьего века до новой эры Птолемей перевез тело в Александрию, столицу своего нового царства. Так что, даже если вы умерли в гробнице Александра, ваше тело должны были бы обнаружить и убрать оттуда давным-давно. Новую монументальную гробницу для останков великого царя Птолемей построил в пределах городских стен Александрии. Эта усыпальница известна под названием Сомы — от греческого слова «тело», которым, вероятно, обозначали и саму мумию Александра. В последующие века гробницу открыли для посетителей, и она стала местом паломничества.

Том снова сделал паузу, отпил кофе и продолжил:

— Александр был погребен в золотом саркофаге, как вы и описываете, но во втором веке до новой эры этот саркофаг извлекли из гробницы и переплавили, чтобы пополнить государственный бюджет для войны, которую вел один из следующих Птолемеев. Судя по разным свидетельствам, на этот раз тело поместили в полупрозрачный алебастровый, а может, и стеклянный саркофаг, который давал возможность паломникам видеть мумию, не тревожа ее. Думаю, это было что-то наподобие музейной витрины. Изобретательность тогдашних ремесленников заслуживает восхищения. Тем не менее крышку саркофага время от времени снимали ради особо важных посетителей. Например, ради первого римского императора Августа, который посетил гробницу, чтобы отдать дань почтения Александру после своей победы над Марком Антонием и Клеопатрой, в результате чего он обрел власть над птолемеевским Египтом. Считается, будто Август, надевая на голову Александра золотую корону, случайно задел его

нос и тот рассыпался в прах. Эксцентричный и необычайно жестокий по натуре римский император Калигула, по легенде, забрал из гробницы доспехи Александра и время от времени расхаживал в них по Палатинскому дворцу, беседуя с самим Юпитером, которого почитал своим предком. Конечно, Александр тоже претендовал на прямое происхождение от Зевса — греческой ипостаси Юпитера, и вскоре после смерти (а кое-где едва ли не при жизни) сам был объявлен богом.

Самое позднее письменное свидетельство о посещении гробницы относится к третьему веку новой эры. Император Каракалла приходил туда, чтобы почтить память Александра, приблизительно в 215 году. Как многие его предшественники, Каракалла считал себя потомком Александра, и таковым представляла его имперская пропаганда. После этого эпизода об истории гробницы практически ничего не было известно — по крайней мере до последнего времени.

И этот вопрос в высшей степени интересовал Тома, поэтому он говорил увлеченно и, видимо, слишком долго. Отдав себе в этом отчет, он посмотрел на Викторину: не скучно ли ей?

Та по-прежнему неотрывно смотрела ему в глаза, ожидая продолжения.

— Существуют разные версии того, что случилось с гробницей в дальнейшем, но ни одна из них не может претендовать на истину. Писатель Форстер, который провел некоторое время в Александрии, рассказывает чудесную сказку о некоем человеке, в восемнадцатом веке служившем сторожем в мечети, который утверждал, будто случайно наткнулся на погребальную камеру. В ней под стеклянным колпаком лежал Александр, с золотой диадемой на голове и в окружении старинных книг — пред-

положительно бесценных текстов из знаменитой Александрийской библиотеки. Согласно другой версии, останки царя были изъяты из гробницы накануне разграбления Александрии в шестом веке нашей эры и для сохранности перенесены в некий монастырь в пустыне вместе с другими священными реликвиями. В одной из недавно вышедших книг утверждается, что останки Александра на самом деле были извлечены из гробницы позже, в девятом веке, и помещены в венецианский собор Святого Марка, где их почитали как тело самого святого Марка. Но какими бы волнующими ни были эти истории и теории, всем им недостает фактического обоснования. Тем не менее недавно появилась зацепка, появилась она в результате раскопок, более того, раскопок на Крите, в которых я сам принимал участие. Согласно найденному свидетельству, судьба останков Александра Великого скорее всего была совсем иной.

Том посмотрел на девушку, буквально замороженную его рассказом.

— Вот уже несколько лет мы раскапываем главное святилище Зевса Диктейского на востоке Крита. Недавно мы нашли в пределах святилища храм, посвященный Александру Великому. Такие храмы, как известно, существовали в разных местах эллинского мира, особенно в Македонии и Малой Азии. Диктейский представляет особый интерес, поскольку является очень древним: впервые он был сооружен в третьем веке до новой эры, когда Крит находился под властью Птолемеев, и впоследствии реставрировался минимум дважды — во втором веке нашей эры, вероятно, во времена правления императора Адриана, и в третьем, когда, судя по всему, все капище пережило период возрождения. Я уже говорил, Александр культивировал ассоциацию собственной пер-

соны с Зевсом, поэтому неудивительно, что его потомки возвели посвященный ему храм в пределах одного из самых важных в греческом мире святилищ бога-громовержца. К тому же, поскольку Крит находился в то время под суверенитетом Птолемеев, это представлялось ловким политическим ходом: ведь самое важное место поклонения Александру находилось в столице Птолемеев Александрии. В тексте, высеченном на мраморной стеле, установленной перед храмом, содержится упоминание об Александрии как месте нахождения Сомы, что является новым независимым свидетельством того, что в третьем веке до новой эры она еще там пребывала. За последний сезон мы раскопали вторую стелу, датируемую периодом возрождения святилища в третьем веке. Она была поставлена при входе симметрично первой, более ранней. Текст на ней, к сожалению, в значительной мере стерся, тем не менее в нем угадывается новая удивительная информация, важная для того, чтобы проследить дальнейшую судьбу Сомы. В этом тексте утверждается, что останки Александра в третьем веке, во времена правления Требония Галла — а он правил с 251 по 253 год, были вывезены из Александрии.

— Потрясающе, мистер Карр. А там сказано, куда переместили Сому? — Виктория старалась говорить спокойно и все-таки не могла скрыть охватившего ее волнения.

— К сожалению, эта часть текста сильно пострадала, ее трудно прочесть, но мы не оставляем усилий. — На самом деле Том мог гораздо больше сообщить по этому поводу, но он, в сущности, совсем не знал эту женщину, а значение открытия гробницы — если таковое состоится — было настолько велико, что он счел благоразумным промолчать. — Так что, как видите, настала моя очередь быть заподозренным в безумии, — рассмеялся он. — Я ведь

давно пытаюсь найти гробницу Александра Великого, поэтому можете себе представить мое удивление, когда вы рассказали о своем видении. Тем не менее, принимая во внимание факты, насколько они нам известны, скорее всего ваше видение явилось результатом чего-то иного, а не воспоминанием из вашей прошлой жизни.

Он посмотрел на часы:

— Четверть второго, боюсь, я уже опаздываю на встречу. Мне действительно нужно идти. Спасибо, что поделились со мной своим переживанием. Рад был познакомиться, Виктория. Не слишком огорчайтесь из-за руки, медсестра сказала, что там просто синяк.

Он встал, давая понять, что разговор окончен, и предложил девушке руку.

— Я понимаю: то, что я поведала, кажется вам бредом, — сказала она. — В сущности, я и не ожидала, что вы мне поверите, независимо от того, насколько реальным было это видение для меня. Просто была такая потребность рассказать вам об этом... Пока все подробности свежи в памяти. Почему-то я чувствовала, что это очень важно. Признаюсь честно: случись это до того, как я начала посещать психиатра, я бы, наверное, согласилась с вами насчет своего видения, но теперь я в этом не уверена. Насколько помню, прежде я никогда в жизни не интересовалась Александром Великим. Мне хотелось бы побольше узнать о нем. А раз вы знаток в этом вопросе, не могли бы вы порекомендовать мне, что почитать?

Том немного подумал и сказал:

— Начать я бы советовал вам с первоисточников. К сожалению, от времен самого Александра до нас практически ничего не дошло, но есть более поздние античные биографы. Я бы начал с Арриана и Плутарха. Есть современная биография, написанная Питером Грином, тоже

весьма полезное чтение. Если на следующей неделе вы еще будете в городе, советую посетить выставку, которая открывается в Библиотеке Моргана*. Там будет представлен великолепный манускрипт «Деяний Александра»** из их коллекции. Он снабжен восхитительными иллюстрациями к жизни Александра и позднейшим легендам о нем. Недавно в библиотеке была реставрация, с этого манускрипта сняли переплет и расшили листы, вот они и воспользовались случаем, чтобы выставить для обозрения все страницы с иллюстрациями. Вероятно, это единственная возможность увидеть их, поскольку после выставки они будут снова сшиты и переплетены. Я был в Библиотеке Моргана и видел отдельные из этих страниц в процессе реставрации; они так прекрасны, что дух захватывает. По возвращении из Европы я и сам надеюсь еще застать выставку открытой.

---

* Знаменитое нью-йоркское собрание книг и графики, основанное Джоном Пьерпентом Морганом (1837—1913) — американским финансистом и промышленником, одним из самых известных финансовых фигур двух десятилетий перед Первой мировой войной, и переданное в общественное пользование его наследниками.

** «Деяния Александра» — древнегреческий роман в трех книгах, описывающий сказочные победы и приключения Александра Македонского. Приписывался историку IV в. до н.э. Каллисфену, поэтому автора «Д.А.» часто называют Псевдо-Каллисфеном. Датировка романа не ясна; по-видимому, он сложился в Александрии в III в. до н.э. на основе какого-то исторического сочинения, фантастически переработанного в связи со стремлением правителей Птолемеев узаконить себя в глазах египетского населения (Александр представлен сыном последнего египетского царя, мстящим персам за покорение Египта) и дополненного множеством фиктивных «писем» Александра. К «Д.А.» в конечном счете восходит почти вся средневековая литература об Александре.

В кармане у Тома зажужжал телефон, он вынул его и ответил, жестом попросив Викторию минутку подождать.

Это была секретарша.

— Артур ждет вас в отделе консервации экспонатов, он у меня на линии. Что ему сказать?

— Скажите, что уже иду, — ответил Том и отключился. — Это насчет моей встречи. Послушайте, вот вам моя визитка. Мне и правда нужно идти, но если я чем-нибудь могу вам быть полезен в том, что касается коллекции, пожалуйста, не задумываясь связывайтесь со мной. Мне действительно было приятно познакомиться с вами, Виктория. Всего вам доброго!

— Спасибо за предложение и советы. Я почитаю названные вами книги и обязательно побываю на выставке в Моргановской библиотеке. Благодарю и за то, что выслушали меня, Том. Для меня это много значит, — при этом она посмотрела ему прямо в глаза, сунула в сумку визитку и протянула руку. — Я тут, пожалуй, еще немного посижу. День такой прекрасный, а вид отсюда просто завораживает.

Том тепло пожал ей руку, попрощался и отправился на встречу с Артуром.

4

Расставшись со странной посетительницей, Том снова обратился мыслями к гробнице Александра и своей работе. Он чувствовал, что с помощью нового технического устройства, разработанного и изготовленного для него Артуром Пиблсом, сможет вот-вот совершить прорыв, и ему не терпелось скорее увидеть, как оно работает. Наконец он мог его опробовать, и случилось это как нельзя

вовремя, поскольку завтра он улетал в Грецию. Артур и прежде творил для него чудеса. Над нынешним изобретением он трудился с тех пор, как Том рассказал ему о своем летнем открытии второй диктейской стелы. Из разговоров, которые они вели в течение нескольких последних месяцев, следовало, что Артур на самом деле способен снабдить его оригинальным устройством для прочтения стершейся надписи, и это поможет пролить свет на нынешнее местонахождение гробницы Александра.

Не той, из видений этой Виктории, мысленно отметил Том, а реального места последнего упокоения Александра Великого — быть может, величайшего полководца всех времен. История, рассказанная Викторией, запала в память, но Том не верил, что ее видение являлось подлинным воспоминанием, пусть она в этом и не сомневалась. Вся эта история свидетельствовала о том, какое воздействие на воображение могут оказать даже просто размышления о гробнице Александра. Неудивительно, что она обладает особой притягательностью — известно ведь, какие несметные сокровища могут содержать древние царские захоронения. Хотя на самом деле единственной неразграбленной царской могилой была открытая в Египте усыпальница мальчика-фараона Тутанхамона. Сколько же сокровищ в ней было найдено! А ведь фараон Тут был относительно незначительным правителем, между тем как Александр Великий завоевал большую часть известного тогда мира, включая Персию с хранившимися в Вавилоне баснословными царскими богатствами. В течение многих веков люди безуспешно искали его гробницу в Александрии. И вот надписи, найденные в Дикте, ясно указали, что она была перенесена, а следовательно, все, вполне вероятно, искали не там.

Том знал, что, если ему удастся найти гробницу Александра и раскопать ее, это будет вершинной точкой его

карьеры. Какие чудеса могут в ней содержаться! И сколько нового можно будет узнать об Александре и его выдающейся жизни. Как только Том начинал об этом думать, в крови его сразу повышался адреналин.

Лаборатории отдела консервации экспонатов располагались в разных местах музея: одни в полуподвале, другие на крыше — в последних по крайней мере было достаточно естественного дневного света для работы. Том направился в верхнюю лабораторию Артура Пиблса. Артур был старшим специалистом отдела, блестящим изобретателем и собрал вокруг себя великолепную команду сотрудников. В былые времена его лабораторию вполне можно было назвать и ремонтной мастерской, но поскольку в основном все же ее работа состояла в очистке и восстановлении произведений искусства, музей стал также и форпостом исследований в области науки их консервации. Артур постоянно испытывал технические новшества собственного изобретения, помогавшие обследовать артефакты и произведения искусства.

Подойдя к главному входу в отдел, Том позвонил в звонок. Появившийся секретарь поспешно впустил его, сообщив:

— Он вас ждет.

Проходя по коридору, Том заметил, что дверь кабинета Артура открыта, и вошел без стука. Артур сидел за письменным столом и с помощью радиографа внимательно изучал бронзовую фигурку Будды. Том плюхнулся в кресло напротив, но Артур его даже не заметил. Поэтому, откашлявшись, Том произнес:

— Привет, Артур!

Артур оторвался от рентгенограммы и поднял голову.

— О, Том! Привет! Рад видеть. Ждал-ждал тебя — и увлекся этим рентгеном. Чертовски интересная вещица. Нам ее принесли на экспертизу на предмет покупки. Вещь

выглядит слишком уж хорошо, поэтому я решил провести исследование по полной программе — на всякий случай. Сейчас жду результатов анализа металла. В наши времена лучше перестараться, чем лопухнуться. Впрочем, думаю, здесь все будет в порядке, что очень порадует кураторшу, поскольку у нее с самого начала не было никаких сомнений.

Том молча смотрел на Артура, ожидая, когда он перейдет к интересующему его делу.

— Но ты тут из-за своей надписи, конечно. — Артур, по обыкновению, избегал пафоса, говоря даже о самых важных вещах — он всегда работал над чем-нибудь важным, но не мог не понимать, как хотелось Тому поскорей увидеть прибор, который он для него изготовил. — Я знаю, что ты завтра летишь в Грецию, так что не буду тратить время на профессиональные подробности. Думаю, ты останешься доволен. Мы тщательно испытали устройство и решили, что оно наконец готово к эксплуатации. Надеюсь, оно свою задачу выполнит. Конечно, здесь у нас не совсем полевые условия...

Артур посмотрел на Тома и улыбнулся. Поскольку он руководил самой технически оснащенной в мире лабораторией по обследованию и консервации произведений искусства, высказывание было, мягко выражаясь, преуменьшением.

— Иди за мной, я покажу тебе, как оно работает.

Откинув со лба длинные с проседью волосы, Артур направился к двери. Его легкая хромота, «ленивый глаз»*, привлекательное лицо вкупе с несравненными знаниями о внутреннем устройстве вещей, созданных много веков

---

* Амблиопия («ленивый глаз») — функциональное обратимое снижение зрения, при котором один из двух глаз почти (или вообще) не задействован в зрительном процессе.

назад, и пониманием того, как воздействует время на произведения искусства, всегда вызывали у Тома ассоциацию с Гефестом, хромым богом и бронзовых дел мастером. Такие люди, как Артур, представляли собой существеннейший сегмент музейного персонала. В конце концов первейшей миссией музея является сохранность коллекции на все времена. На них лежит огромная ответственность, потому что минимизация ущерба, наносимого произведениям искусства временем, — это постоянная борьба. Чтобы эффективно выполнять эту миссию, нужно знать, с чем борешься, и Артур за долгие годы работы в музее внес важный вклад в дело изучения и технического обеспечения науки о консервации памятников.

Они вошли в главную лабораторию — просторную чистую комнату с белыми стенами и столами, расставленными через одинаковые интервалы. Лаборанты, сидевшие за ними, усердно трудились. Над некоторыми столами были устроены мощные вытяжки, призванные обезопасить сотрудника, работающего с опасными химикатами, от вредных выделений. На других столах стояли микроскопы и мощные увеличительные линзы — для тщательного осмотра произведений искусства. Рядом с каждым были аккуратно разложены стоматологические элеваторы и другие хирургические инструменты, готовые к использованию. Артур повел Тома в дальний угол, где был установлен древний камень с высеченной на нем надписью.

— Не вдаваясь в научные подробности, скажу, что это приспособление несложно в обращении.

Он взял в руки небольшое, не больше фотоаппарата-мыльницы, устройство, приделанное к рамке с раздвижными краями.

— Просто закрепляешь рамку на камне. Поскольку от твоей стелы в Дикте отбит угол и ты дал нам чертеж ее контура, мы изготовили шаблон. Ты сможешь приложить

его к сколу, чтобы восстановить прямой угол, необходимый для закрепления устройства.

Артур продемонстрировал Тому шаблон.

— Подставь его на место скола и закрепи рамку с помощью раздвижных боковин. Когда включишь прибор, дай ему немного времени зарядиться. А когда датчик загорится зеленым светом — можно работать. Нажми кнопку сканера и води устройство вдоль поверхности камня. — Артур сделал паузу. — Чтобы добиться наилучшего результата, сканируй каждую строку отдельно. Данные будут собраны, и ты сможешь загрузить их в компьютер. Мы записали на твой жесткий диск соответствующую программу, она, как и само устройство, называется «Красный фантом». Иконка — в виде красного привиденьца, похожего на Каспера.

Артур рукой указал на лэптоп Тома, стоявший на столе. Том оставил его здесь накануне.

— Да, очень остроумно, — сказал Том.

Дважды кликнув по иконке, Артур продолжил:

— Итак, в порядке тестирования я уже загрузил изображение камня, который ты нам принес. Ничего особенного, но, как видишь, имеется несколько стершихся букв здесь и здесь. — Он ткнул в изображение камня на компьютерном экране.

— Да, — подхватил Том, — это древнегреческая стела с посвящением, поэтому текст не слишком длинный. Не хватает первой части патронима. Мы имеем только <...> OLEMOS. Первые три буквы стерлись начисто. Вариантов может быть множество. — Он машинально повернулся к реальному объекту, стоявшему на столе. — Стерлась также и последняя часть надписи, но формула нам известна: это должно быть либо AN [ETHEKEN] либо DE [DICATED].

— Хорошо, теперь взглянем на сканированную надпись. — Артур кликнул мышкой, и появились разные

варианты воспроизведения надписи. Том с изумлением увидел, что на экране отобразилось гораздо больше букв, чем было видно на самом камне.

— К счастью, в античности надписи, высеченные на камне, почти всегда обводили красной краской, чтобы буквы были лучше видны. Это устройство распознает состав краски, которая была использована. Краска вылиняла на поверхности, но за тысячелетия въелась в сам камень, оставив часто не видимые невооруженным глазом следы. Сканер умеет считывать эту информацию и в большинстве случаев проявлять контуры исчезнувших букв.

— Артур, это потрясающе! — воскликнул Том, глядя на экран.

Между дошедшими до нынешних времен древними буквами теперь были видны — чуть бледнее, но явственно — и стершиеся. Патроним оказался EUPOLEMOS — весьма распространенное в эллинскую эпоху греческое имя, а последнее слово — ANETHEKEN, как и предсказывал Том.

Артур улыбнулся:

— Ох уж эти античные имена! Помнишь старую студенческую шутку? Один студент другому перед экзаменом: «Слушай, кто такая Илиада?» — «Наверное, жена Одиссея».

— Кончай шутить, Артур. Это серьезная вещь. Имена очень важны. Имя человека, который повелел высечь это посвящение, даже если мы больше ничего о нем знать не будем, устраняет анонимность, дает ощущение человеческой связи.

В этот момент появился секретарь и, подойдя к Тому, сказал:

— Звонят из вашего отдела, Том. Говорят, что это срочно. Я переключил звонок на здешний телефон — просто

поднимите трубку и нажмите на кнопку там, где мигает огонек.

Том снял трубку:

— Это я. Что случилось?

— Том, простите, что отрываю вас от дела, но звонил ваш сосед. Он говорит, что в вашу квартиру кто-то проник. Полицию он уже вызвал, но советует вам немедленно приехать.

— Хорошо, еду — только заберу свои вещи. — Том повесил трубку.

— Артур, прости, но там что-то случилось. Судя по всему, мой дом ограбили. — Он старался не выдавать волнения, но это у него плохо получалось. Дурное предзнаменование для предстоящей поездки. В голове промелькнуло: нет ли здесь связи с летним вторжением в храм Александра в Дикте, но он одернул себя — не надо делать скоропалительных выводов. Слишком уж невероятно. Он отбросил эту мысль.

— Мне нужно идти. Думаю, основное я понял. Это фантастическое аналитическое устройство, и оно будет очень полезным для моей поездки. Не знаю, как и благодарить тебя, что ты проделал эту колоссальную работу и успел к моему возвращению в Дикту. Сам понимаешь, как важно расшифровать надпись, которая может дать нам информацию о местонахождении гробницы Александра.

— Удачи тебе, Том. Мы всегда рады рыть для тебя землю. Если повезет, твой нечитаемый текст восстанет, как Владычица Озера* с Эскалибуром в поднятой руке,

---

* Владычица Озера — персонаж (ряд персонажей) из цикла легенд короля Артура. Различные авторы и переписчики давали ей разные имена; хранительница магических тайн, подарившая королю Артуру волшебный меч Эскалибур.

указывая им дорогу к гробнице Александра. — Артур любил аналогии с легендами короля Артура и всегда вставлял их при случае в свою речь. — В общем, мы закончили, — продолжил он. — Есть еще возможность поколдовать, улучшить изображение, но это можно будет сделать после твоего возвращения. Если на месте возникнут проблемы, ты знаешь, как нас найти — звони в любое время.

— Спасибо, Артур, — ответил Том. — Я вернусь недели через две и представлю тебе полный отчет.

Упаковав лэптоп и новое устройство в футляры, он поспешил обратно в свой отдел, где прихватил еще портфель. Добравшись до машины — классического «карманнджиа» цвета Эгейского моря, — он открыл багажник и аккуратно все в него уложил. Потом быстро сел за руль, завел мотор и выехал из парковочного гаража. Нельзя было терять времени.

5

Вскоре он уже мчался по ФДР-драйв* вдоль Ист-Ривер. Был чудесный осенний день, и он открыл окна, чтобы впустить бодрящий ветерок. Пробок не было, ехал он быстро.

«Что, черт возьми, происходит?» — думал он, переезжая Бруклинский мост и направляясь по Корт-стрит к себе в Кэрролл Гарденз. Его дом никогда прежде не грабили. Район, где он жил, считался благополучным. Когда-то здесь обитала старая мафия, поэтому люди шутили: тут, мол, абсолютно безопасно.

---

* ФДР — здесь: Франклин Делано Рузвельт.

Проехав по Юнион, Том свернул направо, на Хойт, и, миновав несколько кварталов, остановился у своего дома на Президент-стрит. Опоясанный каналом Гауанус, маленький очаровательный район Кэрролл Гарденз в девятнадцатом веке, когда его только-только построили, был местом обитания рабочих-ирландцев — синих воротничков. Со временем здесь стало преобладать итальянское население, и, до того как переселиться в Нью-Джерси, его облюбовала мафия. Местная легенда гласит, что в девятьсот семидесятых один из них держал у себя в подвале льва — для устрашения провинившихся.

Перед домом Тома стояла полицейская машина. Двое полицейских беседовали с его соседом Сэлом на тротуаре возле кованой ограды, отделявшей палисадник от улицы. Негласно Сэл считался «мэром» Президент-стрит. Прирожденный лидер, он знал всех, кто здесь жил, и все, что здесь происходило. Эфемерного вида восьмидесятилетний пенсионер зорко следил за жителями, а особенно за их машинами, чтобы никто не получил вызова в полицию за нарушение правила стоянки, согласно которому несколько раз в неделю автомобили следовало убирать с улицы, чтобы не мешать уборке.

Заметив его, Сэл крикнул:

— О, Том, хорошо, что вы приехали. Эти офицеры хотят с вами поговорить. Все, что известно мне, я им уже рассказал.

Тем не менее он изложил свою историю и Тому:

— Я увидел, что из вашего дома выходит какой-то парень, и подумал: что-то здесь не так — вы ведь не говорили, что ждете гостей или что у вас работают какие-то рабочие. Парень был здоровенный, комок мускулов, как говорится. На нем была байкерская майка и какая-то куртка, под которой — я это сразу понял — он что-то прячет. Тогда я направился к нему, чтобы спросить, кто он такой,

но, увидев меня, он бросился к машине — она была припаркована во втором ряду. Я почувствовал, что запахло крысами, хотя крыса не была четвероногой. — Сэл подмигнул Тому. — За рулем сидел другой тип, который тут же завел мотор. На нем были солнечные очки и шляпа, так что я не смог его как следует разглядеть. Здоровяк прыгнул на заднее сиденье, и они помчались по улице. Это был большой старый «бьюик», черный, с нью-йоркскими номерами — зрение у меня теперь не такое острое, поэтому цифр я не разобрал. Такие до сих пор во множестве катаются по Бруклину, хотя из-за безумных цен на бензин их становится все меньше и меньше. Я бы не удивился, если бы узнал, что они стырили его где-то поблизости. Знаете, ведь многие бросают здесь по соседству свои машины и дальше пересаживаются на метро, чтобы ехать в город на работу, — не удержавшись, оседлал любимого конька Сэл.

— Спасибо за вашу информацию, мистер Анджело, — перебил его один из полицейских. — Вы нам очень помогли. Если вспомните еще что-нибудь важное, пожалуйста, позвоните нам в участок, вот моя визитка. А теперь нам нужно поговорить с мистером Карром. — И, повернувшись к Тому, офицер спросил: — Не могли бы мы продолжить в доме, мистер Карр?

— Разумеется, офицеры. Прошу вас, следуйте за мной. Посмотрим, что пропало. Сэл, я к вам зайду попозже, хорошо?

— Хорошо, Том, вы знаете, где меня найти.

Том открыл маленькую железную калитку, и они с полицейскими пошли по длинной дорожке, обсаженной все еще цветущими многолетниками. Поднявшись на крыльцо, он отпер дверь. Следов взлома видно не было. Том занимал три верхних этажа, а цокольный сдавал старушке, которую видел редко. Она была почти инвалидом и ни-

когда не покидала своей квартиры, каждый день к ней приходила сиделка. Цокольный этаж имел отдельный вход сбоку от крыльца. Когда пятнадцать с лишним лет назад Том покупал этот дом, старушка и ее право на аренду были частью сделки. Тогда он полагал, что Бог скоро приберет ее к себе, однако она до сих пор продолжала занимать квартиру и была решительно настроена ни в какой дом престарелых не переезжать.

Они вошли в прихожую, Том снял куртку и повесил на вешалку. Прихожая открывалась непосредственно в гостиную с высоким потолком и изящной лепниной конца девятнадцатого века. Над камином в золоченой раме висела гравюра Пиранези, изображавшая классические греческие храмы Пестума на юге Италии. Эркерное окно выходило на лужайку перед фасадом. Мягкий диван и два старинных кресла стояли вокруг кофейного столика, столешница которого опиралась на капитель массивной мраморной коринфской колонны. На столике рядом с большими художественными альбомами лежал каталог новой экспозиции греческого и римского искусства Метрополитен.

— Похоже, все на месте, — сказал Том, и они через столовую проследовали в кухню. На ходу Том отметил, что серебряные подсвечники, как обычно, стоят посреди обеденного стола. Значит, это не обычный налет грабителей, хватающих все ценное, что попадает на глаза. Он проверил дверь черного хода, ведущую из кухни на задний двор, — никаких следов взлома. Полицейские осмотрели окна — все они оказались закрытыми на шпингалеты.

Они поднялись на следующий этаж.

— Здесь две спальни, маленькая гостиная и две ванные комнаты, — объяснял Том следовавшим за ним по пятам полицейским. — Весь третий этаж занимает мой рабочий кабинет.

На втором этаже все тоже оказалось на своих местах. Они поднялись на третий. Купив этот дом, Том отреставрировал его и постарался обставить соответственно его исконному архитектурному облику. Кэрролл Гарденз официально считался районом исторического значения, так что существовали ограничения в отношении перепланировки здешних домов, однако верхний этаж Том все же решительно перестроил. Он снес внутренние стены, превратив его в одно обширное пространство. Встроенные книжные стеллажи от пола до потолка покрывали обе длинные стены. Три больших вентилятора свисали с высокого потолка. Массивный письменный стол красного дерева помещался в глубине лицом внутрь, чтобы свет из дальних окон падал на его поверхность сзади. В передней части длинной комнаты находился дубовый библиотечный стол, его освещал свет, падавший из эркера. На дальнем конце стола стояли два глобуса восемнадцатого века: один земной, другой лунный, каждый на своей искусно вырезанной деревянной подставке. Сбоку от стола для чтения были установлены две стеклянные витрины с разными старинными вещицами, необычными камнями и ракушками со всех концов света. В центре комнаты располагались два кожаных кресла с прямыми спинками и кушетка, а посредине — низкий столик. Как только взгляд Тома упал на письменный стол, его охватила паника. Он увидел, что ящики выдвинуты, на поверхности царит полный беспорядок, и сразу понял, что пропало: его персональный лэптоп, который всегда стоял в центре стола напротив кресла. В нем были все его рабочие файлы, все, над чем он работал сейчас, и результаты научных изысканий за предшествовавшие годы.

— Мой компьютер украли! — закричал Том, бросившись к столу, чтобы убедиться, что не ошибся. — Я всегда

держал его здесь, — он указал на центр стола. Силовой кабель лежал там, где его отсоединили от компьютера.

— Наверное, это его грабитель прятал под курткой, когда Сэл увидел его выходящим из дома. — Теперь Том не скрывал своего крайнего волнения и, разговаривая с полицейскими, возбужденно мерил шагами комнату. — Должен сказать, офицеры, что нахожу все это очень странным. В доме полно вещей, за которые вор получил бы гораздо больше денег, чем за мой компьютер, тем не менее, похоже, приходили именно за ним. Это даже не последняя модель, но в нем содержится куча личных файлов и все, что касается моей археологической работы. Слава Богу, что я все дублирую на внешних носителях и держу на работе. — Том вспотел, лицо стало багровым.

— Мистер Карр, давайте присядем на минутку, — офицер указал рукой на кушетку, и они опустились на нее. — У нас к вам несколько вопросов. Странно, что нигде нет следов насильственного проникновения. С вами здесь живет еще кто-нибудь? Есть ли у кого-либо еще ключи от вашего дома?

— Напоминает ли вам кого-нибудь описание грабителя, которое дал ваш сосед, Сэл, кажется? — подхватил второй полицейский.

— Ключ от моего дома есть только у Сэла, с ним вы только что виделись. Кроме меня, здесь никто не живет. Цокольный этаж снимает старушка, но ключей от других помещений у нее нет. Описание, которое дал Сэл, мне никого не напоминает. И я не знаю, зачем этот человек вломился в мой дом и унес компьютер.

— В последнее время не случалось ли еще чего-нибудь странного, необычного? — спросил опять первый полицейский.

— Вот сейчас я припоминаю, что с месяц назад кто-то оставил у меня на автоответчике странное сообщение.

Летом мое имя попало в газеты: я работал на археологических раскопках в Греции, на острове Крит, и мы сделали значительное открытие — раскопали храм Александра Великого. А перед храмом нашли стелу с текстом, в котором упоминается о гробнице Александра. На сегодняшний день это последнее достоверное и поддающееся датировке упоминание об усыпальнице, местонахождение которой остается величайшей нераскрытой археологической тайной. Это произвело мини-сенсацию в прессе: статьи были напечатаны в «Нью-Йорк таймс» и в «Геральд трибюн», новость подхватило и агентство Ассошиэйтед пресс, так что она разошлась по всему миру. Так вот, как-то раз, с месяц назад, как я уже говорил, вернувшись домой, я обнаружил на автоответчике сообщение. Голос был мужской, он сказал, что является членом некой организации, тайного общества, которое ведет свою историю от самого Александра Великого. Он сказал, что сохранение тайны места упокоения Александра для них очень важно и они не допустят, чтобы она оказалась раскрытой из-за археологических изысканий. Он просил меня отзвонить ему по калифорнийскому номеру и предоставить всю информацию, какой я располагаю. — Том помолчал. — Я тогда решил, что это розыгрыш или звонил какой-то чокнутый, поэтому просто стер сообщение. Больше никаких сообщений или звонков не было.

— Похоже, это действительно был какой-то тип «с приветом», мистер Карр. А ты как думаешь, Чарли? — обратился полицейский к своему напарнику.

— Да уж, — ответил Чарли. — Я бы не придавал этому никакого значения. Наверняка какой-нибудь придурок решил поразвлечься за ваш счет.

Когда полицейские ушли, Том достал из холодильника пиво и уселся в кабинете, пытаясь точно вспомнить, что было у него в компьютере. Неужели там и впрямь было

все? Чем больше он думал, тем в больший ужас приходил. Это было чудовищное вторжение в его частную жизнь. Потом его мысли перескочили на инцидент, случившийся в конце лета на раскопках. Кто-то охотится за его исследованиями, касающимися Александра? Это казалось невероятным. Ученые не позволяют себе такого откровенного воровства, чтобы добыть информацию. По крайней мере он верил, что это так.

В компьютере содержались и все сведения о его финансах. Теперь его охватила настоящая паника, потому что он осознал, что вся его жизнь была заключена в этом компьютере: от фотографий до налоговых деклараций. Не следует ли заблокировать свои кредитные карты? Но до отъезда оставалось слишком мало времени, чтобы успеть все переоформить, не мог же он отправляться в путь без своих пластиковых финансов. И снова на ум пришло, что это дурной знак перед поездкой в Европу.

6

Черный микроавтобус «вольво» мчался по автостраде. На скоростной лонг-айлендской автомагистрали начинали скапливаться пробки: люди спешили убраться из Нью-Йорка на выходные. Виктория Прайс сидела на переднем пассажирском месте и смотрела на свою однокашницу Синтию Мэдден — теперь Синтию Мэдден Уилмердинг, с которой прожила все студенческие годы в одной комнате общежития. Приятно было снова увидеть старую подругу. Время от времени они переписывались, изредка болтали по телефону, но уже несколько лет не встречались и не проводили времени вместе. В сущности, Виктория не видела Синтию со дня ее свадьбы, а тому летом мину-

ло уже четыре года. Она с удовольствием ожидала предстоящих выходных, суливших возможность посибаритствовать с Синтией и ее семьей в Ист-Хэмптоне, вкусно поесть, выпить хорошего вина и от души наговориться, бродя по пляжу.

— Какое счастье! Наконец-то дети притихли. Когда спят, они кажутся ангелами, — сказала Синтия, глядя в зеркало заднего вида на прикорнувших на заднем сиденье малышей. — Ну, теперь ты можешь рассказать мне о своем посещении Мета, — продолжила она. — Я так тебе завидую. За последние три года я ни разу не была ни в каких культурных учреждениях. Имея двоих малолетних детей, я счастлива, если вообще удастся выбраться из дома и сделать хоть что-то для себя самой. Культурные заведения, увы, теперь не находятся в верхней части моего списка, как прежде, когда я жила одна. Да что там! Когда я успеваю сделать маникюр-педикюр и покрасить волосы — это для меня уже большая радость. — Синтия вздохнула.

Виктории так много хотелось рассказать подруге, но она еще не была готова говорить о своем «послежизненном» опыте, испытанном в Метрополитен. Она все еще пыталась сама разобраться в том, что он для нее значил. Прежде чем делиться им с подругой или родными, следовало проконсультироваться со своим психотерапевтом. Пережитое нервировало ее. Господи, она же католичка. Реинкарнация не входит в систему ее религиозных воззрений. Родители наверняка этого не поймут, она не была уверена, что и Синтия поймет. Ей самой понадобилось провести много времени в беседах с врачом, чтобы хотя бы впустить в себя эту идею. И вот — прорыв: она явственно вспомнила эпизод из своей прошлой жизни, и это стало для нее душевным потрясением. Разговаривая с Синтией, приходилось тщательно выбирать слова. Еще не настал срок обнажить душу.

— Я пошла посмотреть только что открывшиеся новые залы греческого и римского искусства. Это было изумительно, на грани откровения. С некоторыми произведениями я почувствовала прямо-таки органическую связь. — Идти дальше относительно откровений Виктория не была готова. — Какое удивительно организованное пространство! Подсветка скульптур непередаваемая. И какая коллекция! У них там есть совершенно исключительные вещи. Надо было мне привезти свой альбом эскизов. Нашу экскурсию вел один из хранителей. После мы с ним вместе выпили кофе.

— Ты пила кофе с хранителем из Метрополитен?! Как тебе это удалось? — У Синтии, что называется, даже челюсть отвисла. — Знаешь, меня всегда удивляло, как легко ты располагаешь к себе людей. И дело не только в том, что ты умопомрачительно хороша собой. Еще в колледже перед тобой открывались все двери. И еще ты всегда умела ненавязчиво попросить.

— Вообще-то это *он* попросил *меня* выпить с ним кофе, — ответила Виктория, опустив тот факт, что инициатором знакомства все-таки была она.

— В самом деле?.. Ну и как он? Красивый?

— Да, красивый. — Виктория удивилась собственному ответу, помолчала и продолжила с задумчивым видом описывать Тома Карра: — Думаю, он лет на пять — десять старше меня.

— Взрослый мужчина, — одобрительно улыбнулась Синтия, не отрывая взгляда от дороги.

— Высокий, наверное, в нем около пяти футов одиннадцати дюймов росту, широкие плечи, темные волосы, загорелый. Глаза у него серо-голубые и волевое, но доброе лицо.

— Судя по всему — парень что надо! — воскликнула Синтия.

— Но разговаривали мы в основном об искусстве, — сказала Виктория. — Это было не то кофепитие, которое ты себе вообразила. Не свидание. У нас просто общий интерес — Александр Великий. Он посоветовал мне посмотреть экспозицию, которая открывается на следующей неделе в Библиотеке Моргана.

— Не знала, что ты интересуешься античностью. Насколько я помню, в колледже ты тяготела к современному искусству, — заметила Синтия.

— Это правда. Интерес к античности возник у меня недавно, с тех пор как я живу в Риме. Там ведь эта античность окружает тебя со всех сторон. Она стала частью моей жизни, прежде со мной такого никогда не было. И она вдохновляюще действует на меня.

— Что ж, возможно, именно с таким парнем тебе и следует встречаться. А не с тем горячим итальянским любовником, о котором ты мне писала и который оказался на поверку маменькиным сынком. Как его звали? Лоренцо?

— Лоренцо, Лоренцо, — вздохнула Виктория. — Он действительно был потрясающим любовником. — Виктория помолчала, вспоминая свою страстную любовь. Даже упоминание имени Лоренцо до сих пор причиняло ей сердечную муку. — Но у него были свои пунктики — помимо его мамы. И взгляд у него вечно шарил по сторонам. А когда я узнала, что он изменяет мне с другой женщиной, я всему положила конец. Но понадобилось несколько месяцев, чтобы боль остыла.

Виктория уже давно это говорила, однако только сейчас в первый раз искренне это почувствовала.

— Наконец я снова стала сама собой. Вся эта история ввергла меня в тяжелую депрессию. Я начала писать мрачные картины. Ты бы посмеялась, если бы увидела те мои натюрморты: голые черепа и гниющие перезрелые фрук-

ты. — Виктория улыбнулась, вспоминая, как все для нее прояснилось, когда она поговорила со своим психотерапевтом. — Но опыт оказался полезным. Думаю, он мне помог. Теперь я вылезла из мрака. Не уверена, правда, что готова к серьезным отношениям, пока нет. Тем не менее, возможно, ты права насчет Тома Карра — так его зовут. Есть в нем что-то такое, что меня привлекает. Пошлю-ка я ему эсэмэску — поблагодарю, что, несмотря на занятость, уделил мне время.

Она достала визитку Тома и внесла его электронный адрес в свой БлэкБерри. Потом написала коротенькое сообщение и отослала.

Глядя в окно, она еще несколько минут предавалась приятным воспоминаниям: как они сидели в саду на крыше тем ярким раннеосенним днем, как прохладный воздух контрастировал с горячей чашкой, которую она обхватывала ладонями, как она вглядывалась в лицо Тома, слушая его рассказ и очаровываясь легендами об Александре Великом. Не осознав, что грезит наяву, она вслух произнесла:

— Не думаю, что я способна сейчас на долгосрочные отношения. И пока не планирую возвращаться. Знаю, что не могу вечно жить в Риме, но мне там нравится. Это очень полезно для моей работы. Мне кажется, как художник я стала более зрелой.

— Никогда не знаешь, когда тебя настигнет любовь, — ответила Синтия, не поняв, что подруга говорит сама с собой. — Возьми хотя бы меня. Я встретила своего суженого здесь, в Нью-Йорке, сразу же после колледжа, и счастливей меня нет на свете человека. А ведь «долгосрочные», как ты говоришь, отношения сразу по окончании учебы — последнее, о чем я мечтала. Но я искренне верю, что мы с Ньютом предназначены друг для друга. Это судьба. Ты это поймешь, когда встретишь своего Того Самого.

Конечно, никакой спешки нет. Как только это случится и ты начнешь рожать детей — фьюить! — твоя жизнь изменится так, как ты себе и представить не можешь. Но какое это имеет значение? — Синтия снова взглянула в зеркало заднего вида, проверяя, как там дети.

— Нет, Синтия, я ко всему этому пока не готова, ты слишком всерьез восприняла то, что я тебе рассказала, — с улыбкой возразила Виктория, продолжая глядеть в окно. — В эти выходные я отдыхаю, а потом... *Que sera, sera* — будь что будет. Такова моя философия.

7

Оскар Уильямс сидел у себя в кабинете за огромным письменным столом, курил маленькую датскую сигару и внимательно всматривался в экран украденного у Карра компьютера, строчка за строчкой пробегая глазами названия файлов. Найдя документ, в котором была подробно расписана предстоящая поездка в Европу, он придвинулся поближе к экрану, открыл текст и начал читать, а прочтя, откинулся на спинку кресла, выпустил клуб дыма и подумал:

«Итак, сегодня Карр летит в Афины, а через неделю будет в Риме. Проведя там еще неделю, отправится в Лондон, а потом обратно в Нью-Йорк. Будучи в Греции, он собирается посетить Крит, чтобы проверить, как проведена консервация статуи Александра в Дикте. У меня не так много времени. Конечно, раз работа над статуей на месте окончена, они перевезут ее в более надежное место».

Оскар снова обратился к компьютеру и на сей раз влез в почту Карра. Открыв последнее сообщение от работав-

ших в Греции специалистов по консервации, загрузил присоединенные к нему картинки.

«Так-так-так... Консервация действительно благополучно завершена».

Экран заполнило увеличенное изображение головы статуи. Она была великолепна.

«Стоило дожидаться, — подумал он. — Даже голубизна глаз и золотые ресницы сохранены. Какой же деликатности потребовала такая очистка! Ведь так легко, допустив малейшую ошибку, безвозвратно утратить или исказить то, что было. У меня таких специалистов по мрамору нет».

Оскар придвинулся вплотную к экрану, чтобы рассмотреть все подробно. Свет, падавший от монитора, придал его лицу зловещий вид.

Минуту спустя он снова откинулся на спинку кресла и глубоко затянулся сигарой.

«Уже много лет у меня не было портретов Александра, — думал он. — После того изящного терракотового афганского бюста — ни разу. Тот мне посчастливилось добыть в восьмидесятые, во время войны между Советами и моджахедами. Такие вещи встречаются очень редко. Интересно, сколько можно будет выручить за эту скульптурную голову Александра Великого?..»

Разумеется, он не смог бы выставить ее на открытые торги, но знал людей, которых она наверняка заинтересует. Людей, которых не заботило происхождение вещи, лишь бы она была стоящей, а эта, — Оскар снова взглянул на изображение, — уж точно стоящая. Он вспомнил ту ночь, когда стоял в древнем храме перед впечатляющей статуей великого царя, чьи мраморные черты освещала луна. Потребуется большая организационная работа, и риск велик. Предстоит хорошенько все обдумать, прежде чем приступить к действиям.

Взяв со стола мобильный телефон, он набрал номер в Греции.

— Манолис, это Оскар. Послушай, у меня есть для тебя работа. В воскресенье в Афины прилетает один человек. Его самолет приземляется ближе к полудню: «Дельта», рейс восемьдесят восемь из Нью-Йорка. Он остановится в Американской школе классических исследований. Это неподалеку от Колонаки, прямо рядом с больницей. Знаешь где это? Отлично. Я хочу, чтобы ты за ним последил. Не спускай с него глаз, куда бы он ни отправился. Мне нужны подробные и регулярные отчеты. И не делай глупостей. Он нужен нам живой, более того, он не должен заметить слежки. Будь осторожен. Остальное — как всегда: деньги переведу телеграфом. Позвони мне в понедельник или раньше, если будут новости. — Оскар отключился и снова вернулся к компьютеру.

На почту пришло сообщение от некой женщины по имени Виктория, озаглавленное «Гробница Александра». Оскар удивленно поднял бровь, губы его скривила нехорошая улыбка. Он бросил взгляд на противоположный край стола, где лежали сделанные им в Дикте оттиски надписей со стел, установленных перед храмом Александра. Он внимательно изучил их, однако то место, где сохранилось упоминание о гробнице, было частично утрачено. Осталось только сообщение о том, что она была перенесена из Александрии. Самая же важная часть, с указанием места, куда она была перенесена, стерлась до нечитаемости. Как же это типично! Археологи сообщают в газетах, что сделали новое важное открытие, ждущее дальнейшего изучения, а на проверку оказывается, что их информация прискорбно неполна. Дразнилка. Тем не менее, возможно, Карр продвинулся дальше, или у него есть идеи насчет восстановления утраченной части текста, зарытые где-то в глубинах его археологических файлов.

Нужно время, чтобы покопаться в них и определить, могут ли они быть полезны. Вероятно, письмо этой женщины экономит время. Он кликнул по строчке с ее сообщением, открыл его и прочел:

«Дорогой Том, мне было очень приятно повидаться с Вами сегодня утром. Спасибо, что не пожалели времени и выслушали то, что я Вам рассказала о гробнице Александра. Забавно, что каждый совершенно по-своему мы ищем одно и то же. Я благодарна Вам за Ваши советы и непременно во вторник утром схожу на выставку в Библиотеку Моргана. Буду оставаться на связи и надеюсь, что Ваша научная поездка в Европу пройдет удачно.

*Искренне Ваша
Виктория Прайс».*

«Не особо познавательное, — подумал Оскар, — просто какая-то коллега по поискам гробницы. Почему люди не могут выражаться определеннее?»

Он начинал сердиться.

— Нестор, зайди ко мне. — Он вызвал по телефону своего помощника.

Минуту спустя в кабинет вошел плотный, жилистый молодой человек с каштановыми волосами.

— Да, шеф?

— Мне нужно, чтобы ты отследил этот и-мейл. Выясни, кто такая эта Виктория Прайс и где она живет. К утру понедельника мне нужна ее фотография.

— Хорошо, шеф.

— И разузнай, что за выставка открывается в Библиотеке Моргана. Я сам пойду туда во вторник утром и таким образом одним выстрелом убью двух зайцев. Нестор, а почему я только сейчас узнаю о выставке, посвященной

Александру? Ты же знаешь, что Александр — моя страсть. Ты должен держать меня в курсе всего, что его касается.

— Простите, шеф. Сейчас же этим займусь. Там к вам пришел какой-то человек. Его зовут Луиджи. Он хочет вам что-то показать. Говорит, что вы захотите его увидеть.

— Он здесь? Почему ты мне раньше об этом не сказал? Где он? — кровь забурлила в жилах Оскара.

— Внизу, в вестибюле. Проводить его к вам?

— Да, идиот! Такие люди, как он, не должны торчать у меня в вестибюле! А что, если придет клиент? Нехорошо получится, Нестор, ты об этом не подумал?

— Простите, шеф, сейчас, шеф. — Нестор развернулся и направился к двери.

В ожидании посетителя Оскар перешел в гостиную. Через несколько минут Нестор вернулся в сопровождении неотесанного на вид итальянца.

— Луиджи, что ты здесь делаешь? Я же велел тебе никогда здесь не появляться.

— Извините, мистер Уильямс, но у меня кое-что важное. Я подумал, что вам захочется это немедленно увидеть. Это греческая чаша с очень тонкой росписью.

Оскар постарался сохранить невозмутимый вид, чтобы не выдать своего интереса.

— Ну раз уж ты здесь, показывай. Так и быть, взгляну, но у меня мало времени. Я очень занят.

Итальянец сел на кушетку, достал из хозяйственной сумки обернутый в противоударную пленку с пузырьками сверток и стал разматывать его.

— Вы же знаете, дела сейчас идут плохо. Никто не покупает антиквариат. Я едва свожу концы с концами. А прибавьте к этому мои накладные расходы, — завел свою обычную торгашескую песню продавец.

Отложив оберточную пленку, он открыл находившуюся внутри упаковки картонную коробку. В ней лежали

завернутые по отдельности в папиросную бумагу фрагменты керамики. Луиджи начал разворачивать их один за другим и выкладывать на кофейный столик.

Оскар вышагивал по комнате взад-вперед, притворяясь, будто о чем-то думает. Потом повернулся к Луиджи и сказал:

— Господи, я забыл, что через пятнадцать минут ко мне придет клиент. Луиджи, я сейчас не могу этим заниматься. Думаю, тебе лучше зайти в другое время — может, на следующей неделе. Если хочешь, можешь оставить это здесь. Все будет в полной сохранности. — Оскар заметил ужас в глазах мужчины. Было очевидно, что тот рассчитывал выйти отсюда с кое-какой наличностью.

— Нет-нет, мистер Уильямс, я вас надолго не задержу. Это исключительная вещь. Я знаю, что вы захотите ее приобрести. Иначе я не проделал бы весь этот путь сюда. Мой двоюродный брат наткнулся на нее как-то ночью, роясь в старье: оказалось, что моя бабка привезла ее с родины в коробке, на которой было написано «Личные медицинские принадлежности». — Луиджи улыбнулся бабкиному остроумию. — Моя бабушка — хиленькая, но находчивая старушка.

— Ты хочешь сказать, что эту вещицу ввезли в страну нелегально? — Оскар изобразил удивление. — Ты ведь понимаешь, что это сильно снижает цену. К тому же она, похоже, выкопана недавно, а не приобретена у владельца какой-нибудь старой коллекции, что было бы предпочтительней в наши дни. — На самом деле Оскар любовался свежестью рисунка на каждом осколке. Вещь была изысканной. — И слишком раздроблена. — Он понимал, что Луиджи лелеет в голове некую баснословную цену, поэтому продолжал нагнетать аргументы, призванные сбить ее, хотя буквально не мог оторвать взгляда от того, что лежало перед ним. — Насколько полно она может быть собра-

на? Выглядит так, словно недостает многих фрагментов, — высказался Оскар, садясь на кушетку, чтобы лучше разглядеть.

— Что вы, здесь все полностью. Когда мой двоюродный брат нашел ее, она была цела. Он сам разбил ее, чтобы легче было вывезти из страны. — Услышав это, Оскар вздрогнул, представив себе чашу в собранном виде такой, какой она была, когда ее создали. Луиджи между тем продолжал: — Он сначала потренировался на двух современных сосудах и только потом расчленил этот. И справился с задачей превосходно. Трещина пересекает только одну из фигур, причем, не по лицу. Осколки склеятся легко, и вид будет идеальный, не волнуйтесь, мистер Уильямс. — Итальянец просиял, заметив интерес Оскара.

Когда он закончил выкладывать фрагменты, Оскар увидел, что большая часть чаши, если не вся она, на месте. Нужно было проявлять бдительность, поскольку иногда его поставщики припрятавали ключевые кусочки, а потом приносили их, требуя дополнительной платы. Разломы на керамике были свежими, и Оскар ясно видел оголившуюся красную глину, характерную для классического периода аттического искусства. Взяв два фрагмента основной сцены, изображенной на поверхности чаши, он соединил их: два греческих воина, сошедшиеся в схватке, рядом с головой каждого было написано имя — Ахилл и Гектор, главные соперники в Троянской войне. Судя по всему, сцена изображала их кульминационный поединок, как он описан в двадцать второй песне Гомеровой «Илиады». Рисунок был изумительный, к тому же вещь, соединившая в себе древнее изображение со знаменитейшим литературным произведением древности, — большая редкость. Имя автора на чаше обозначено не было, но Оскар подумал, что это, должно быть, работа мастера из группы художников раннего аттического краснофигурного стиля,

таких как Евфроний или Эвтимид, которые в шестом веке до новой эры подняли искусство вазовой росписи на совершенно новый уровень.

— Ты правильно сделал, что в первую очередь пришел ко мне, Луиджи, — наконец смягчился Оскар. Он знал, что конкуренты за такую вещь и левого глаза не пожалели бы. — Ко мне действительно через несколько минут должны прийти. Я дам тебе пока вот это, — он достал из бумажника и вложил в жадные руки Луиджи десять хрустящих столлларовых купюр. — Оставь чашу здесь и приходи завтра. Тогда и договоримся окончательно. Хорошо? В любом случае сейчас у меня здесь нет достаточного количества денег. Скажем, завтра в час дня, устраивает? Приходи — и все уладим.

— Хорошо. *Grazie*, мистер Уильямс, спасибо.

8

Полет в Афины начинается в аэропорту Джона Фицджералда Кеннеди с длинной очереди греков, с нетерпением ожидающих прохождения паспортного контроля. Высокие штабеля их багажа в основном состоят из объемистых картонных коробок и огромных чемоданов, обклеенных упаковочной лентой. Какая-то старушка, вся в черном, сжимая в руке золотой греческий крестик, свисавший с ее шеи, подталкивала Тома вперед животом, словно это было совершенно в порядке вещей. Хорошо хоть теперь курение запрещено на всех рейсах. Том вспомнил, как когда-то возвращался из Греции на самолете греческой авиакомпании и сидел в хвостовом отсеке, предназначенном для некурящих. Сидевший впереди мужчина в первую же минуту закурил и продолжал дымить

не переставая. А когда Том пожаловался стюардессе, та просто передвинула знак «Не курить» на два ряда назад и, пройдя в конец самолета, закурила сама. А ведь это был долгий трансатлантический перелет.

Вылетев ночным рейсом, Том на следующий день днем оказался в новом афинском международном аэропорту, который греки построили задолго до летних Олимпийских игр 2004 года. Каждые четыре года друзья посылали Тому фиктивные, а точнее сказать, оптимистические футболки с эмблемами Олимпиад 1992, 1996 и 2000 годов. Но их час все же наконец пробил, и греки не ударили в грязь лицом, проведя Олимпиаду на высоком уровне и в хорошем стиле. Новый аэропорт составил небольшую, но важную часть их олимпийских усилий.

На поезде новой подземки Том доехал до площади Синтагма и задержался на станции, чтобы осмотреть археологическую экспозицию, развернутую на ней: находки, обнаруженные во время строительства, давали возможность заглянуть в богатую историю этого ареала. В Афинах невозможно что-либо построить, а тем более выкопать подземную станцию, не наткнувшись на остатки архаического города и его окрестностей. Выйдя из метро, Том остановил такси, которое повезло его вверх по горе Ликабетос, через площадь Колонаки к Американской школе классических исследований, располагающейся в доме 54 на улице Суидиас. Машина с лязгом остановилась перед входом. Запах паленой резины от покрышек, смешанный с запахом горячего асфальта, являл собой едкую смесь. Том прошел через тяжелые чугунные ворота, улыбнувшись и помахав рукой охраннику, и по гравийной дорожке проследовал к главному зданию. Представившись, он получил от дежурного администратора конверт, в который были вложены электронный ключ от комнаты и карточка с приветствием, и, перейдя улицу, направился к Лоринг-

Холлу, изящному старинному зданию в неоклассическом стиле. Он открыл ключом недавно выкрашенную зеленой краской железную калитку, поднялся по мраморным ступеням и вошел в здание. Его комната находилась в южном крыле на втором этаже. Отворив высокую деревянную дверь, Том поставил чемодан рядом с больничного вида кроватью и по коридору прошел в ванную, чтобы сполоснуть лицо холодной водой, а вернувшись в комнату, открыл окно и впустил в нее свежий воздух.

Лежа в кровати и прислушиваясь к шелесту сосен и воркованию голубей за окном, он вспоминал Викторину Прайс и ее невероятное видение. Поначалу оно показалось ему совершенно неправдоподобным, но чем больше он думал о нем, тем больше удивлялся тому, с какой ясностью и с какими подробностями она об этом рассказывала.

Том был физически изнурен путешествием. Надо бы спуститься в *saloni* выпить чаю, подумал он — он свято верил в восстановительную способность чая и знал, что спать нельзя, не следует поддаваться джет-лэгу*, иначе проснешься среди ночи и не сможешь снова уснуть. А завтра предстоит напряженный день: уже в девять утра назначена встреча в библиотеке «Геннадион». Директор библиотеки пообещал показать ему все иллюстрированные манускрипты, имеющие отношение к «Деяниям Александра», и он хотел извлечь максимально больше из этой счастливой возможности изучить материал по первоисточникам.

---

* Джет-лэг — адаптация человеческого организма к смене часовых поясов — явление, часто сопровождаемое такими неприятными симптомами, как бессонница, усталость, головная боль, раздражительность, нарушение координации движений и пищеварения.

В конце концов решив, что нуждается в чем-то более бодрящем, чем чай, Том отправился на площадь Колонати выпить фраппе — холодный кофейный напиток со льдом. Приправленный сигаретой, этот напиток поддерживал большую часть местного населения в рабочем состоянии. Он сел за столик в открытом кафе на западном краю площади и заказал свой фраппе «*meritomegala*» — с молоком и одним кусочком сахара. На этой площади было на что посмотреть. Кафе по обе ее стороны были переполнены. Наблюдая за красивыми людьми, беззаботно наслаждающимися жизнью, Том снова обратился мыслями к Виктории Прайс и ее рассказу. Он никогда не задумывался о реинкарнации, и сейчас ему пришло в голову: а что думали о ней древние? Может, удастся что-то узнать об этом сегодня за ужином. Покончив со своим фраппе и чувствуя себя взбодрившимся, он оставил сытный масляный бисквит, который к нему подавали, на тарелочке рядом с чаевыми и, вернувшись в Школу классических исследований, целеустремленно проследовал в бар *saloni*. Там он налил себе узо*, добавив в стакан лед и немного воды, и пока прозрачная жидкость от соединения с водой и льдом превращалась в молочно-белую, откусил кусочек рулетика из риса, завернутого в виноградный лист. Перекатывая лед в стакане и медленно потягивая холодный напиток, он наблюдал за тем, что происходит вокруг. Высокий бородатый мужчина, сидя в мягком кресле напротив бара, громко беседовал с молодой женщиной.

— Протагор сказал: «Человек — мера всех вещей». Кто-то думает, что он придавал особое значение индивидуальности, считая будто все пропускается через взгляд отдель-

---

* Узо — традиционный греческий национальный напиток — 40-градусная анисовая водка, которую положено разбавлять водой.

ного человека и фильтруется им. Такова, мол, его теория восприятия. Другие же полагают, будто это означает, что Протагор не верил в богов.

Том неторопливо приблизился к ним:

— А есть и такие, кто предпочитает считать, что мерой всех вещей является искусство. Подлинное искусство.

— А, это ты, — сказал мужчина. — Чего же еще ожидать от музейного хранителя? Как это тебя отпустили из музея?

— Всего на две недели, чтобы поработать здесь, в Школе, съездить в Дикту и еще кое-куда в Европу. Завтра буду работать в «Геннадии», а послезавтра уеду на Крит. — Том повернулся к даме. — Разрешите представиться: меня зовут Том Карр. Занимаюсь греческим и римским искусством. Работаю в Метрополитен.

Молодая женщина посмотрела Тому прямо в глаза, лениво протянула руку и сказала:

— Привет. Я — Сэнди Милкен, стажирюсь в этом году здесь, в Школе. А вообще учусь в Мичиганском университете. — Прежде чем она успела сообщить что-либо еще, в столовой прозвучал гонг. — Кажется, зовут ужинать, джентльмены. Давайте продолжим дискуссию за столом, если не возражаете.

И они вместе с остальной публикой проследовали в столовую, где уже были накрыты для ужина длинные деревянные столы. По всей их длине горели свечи в тускло мерцавших канделябрах, что придавало оформлению комнаты несколько средневековый облик. Здесь собралось сообщество ученых, и разговоры не стихали ни на миг. За первым блюдом — чечевичным супом под доброе пелопоннесское красное вино из Неми, Брюс, профессор классического отделения Южно-Калифорнийского университета Беркли, рассуждал о ценности бобовых.

— Вы, конечно, знаете, что у чечевицы в Греции давняя история. В древние времена она была здесь главной сельскохозяйственной культурой. Сам Пифагор расхваливал пользу бобов для здоровья.

— Кажется, он же первым заметил, что от них пучит, — в тон ему с серьезным видом подхватил, поднимая бокал с финном, Джон, другой бородатый профессор.

— Пифагор, разумеется, был блестящим математиком — его теорема до сих пор не дала течи. Но на мой взгляд, он не был чужд и некоему знахарству, и не только потому, что был вегетарианцем. Его мистические воззрения на жизнь и реинкарнацию кажутся мне граничащими с шарлатанством, — заметила Сэнди.

Тут в разговор вступил Том:

— Интересно, что в третьей четверти шестого века до новой эры Пифагор посетил святилище Зевса в Дикте. Порфирий* сообщает, что на пути из Малой Азии в Италию Пифагор заехал на Крит. Он высадился на берег в Дикте, где прошел обряд очищения, который свершил над ним один из жрецов с помощью так называемого громового камня — каменного топора эпохи неолита, который, как считалось, остался на земле в том месте, куда Зевс ударил молнией. После обряда очищения требовалось, чтобы Пифагор, надев на голову венец, сплетенный из черной шерсти, всю ночь пролежал на берегу лицом к морю, что символизировало своего рода второе рождение. Он посетил диктейское святилище, совершил паломничество в пещеру Зевса — легендарное место его рождения — и провел там целый лунный месяц. Вы знаете, что мистические обряды, посвященные Зевсу Диктейскому, имеют много общего с религией Древнего Египта, кото-

---

* Порфирий (232 — ок. 305) — античный философ-неоплатоник.

рая, как известно, интересовала Пифагора. Это и неудивительно, учитывая тесные связи между Египтом и его родным островом Самосом. Там, на Самосе, были сделаны изумительные египетские находки из святилища Геры, относящиеся к седьмому и шестому векам до новой эры... Но, Брюс, расскажите мне о воззрениях древних на реинкарнацию.

— Для греческой религии идея реинкарнации не была центральной. Но Пифагор, я думаю, не следовал господствовавшим тенденциям. Наиболее популярно и ясно это верование изложено в эпических поэмах Гомера. После смерти ваш дух, или, если хотите, душа, проделывала путь по реке Стикс в подземный мир, царство Аида. В «Одиссее», когда герой спускается туда, чтобы встретиться с духом умершего Ахилла, величайший из воинов говорит ему, что предпочел бы быть последним человеком на земле, чем царем в царстве подземном. А еще есть пассаж в «Илиаде». Ахилл выбирает свою судьбу: прожить долгую и скучную жизнь дома или короткую, но славную как величайший герой Троянской войны и обрести бессмертную славу.

Брюс перевел дыхание — теперь он сел на своего конька, подумал Том, — и продолжил:

— Греки трезво относились к Фуриям — или Паркам, как их называли. Конечно, случай и удача свою роль играют, но человеческая воля чаще выступает определяющим фактором. Всегда существует более чем одно предопределение, которому можно следовать. Ахилл хорошо знал: как только он умрет, как только испустит последний вздох, возврата не будет. Тем не менее он предпочел короткую, но славную жизнь и вечную посмертную славу. Свою судьбу творим мы сами.

Брюс откашлялся:

— Не один Пифагор верил в реинкарнацию. Например, у Платона есть глубокие размышления о душе. Взять хотя бы тот замечательный отрывок из «Республики», где он описывает, как только что скончавшийся человек пьет из Реки забвения. Он пишет: те, кто неосмотрительно выпивает больше, чем им отмерено, забывают все. Словно большой глоток этой магической воды стирает в нас память о прошлых жизнях, в противном случае мы смогли бы их вспоминать. Когда умерший ложится спать на берегу этой реки, он рождается заново, как падающая звезда. Согласно Платону, душа — нечто, отдельное от тела. Она бессмертна и возрождается бесконечно. Он даже утверждал, что она как бы обволакивает и разум, и личность.

Брюс сделал паузу, поскольку в этот момент официант поставил перед ним основное блюдо: пряного цыпленка, приправленного розмарином, оливковым маслом, морской солью, мелкими томатами. А гарнир из жареного картофеля был посыпан душицей.

Том между тем подумал, что видения Виктории соответствуют Платоновым воззрениям. Словно она выпила недостаточно воды из Реки забвения, потому и пережила эпизод из своей прошлой жизни так ясно, будто это было просто воспоминание из нынешней.

Брюс ненадолго отвлекся на еду. Ему явно нравилось развивать монолог на любимую тему, а поскольку и Том ободряюще посмотрел на него, он продолжил:

— Более того, как говорится, не могут же ошибаться все сорок миллионов индусов. Кстати, в последнее время ученые сделали предположение, что индуистская вера в жизнь после смерти ведет свое происхождение от философии Платона, занесенной на полуостров Александром Великим в ходе его завоевательных походов в конце четвертого века до новой эры. Римский автор Арриан опи-

сывает встречу Александра в Индии с группой обнаженных философов, которые при его приближении начали топтать ногами. Когда Александр через переводчика спросил, почему они это делают, они ответили ему вопросом: зачем он тратит жизнь на завоевание необъятных пространств, когда человеку в конце концов бывает нужен только маленький клочок земли, где его погребут. Поэтому, мол, они и топают. Ты не сможешь унести завоеванное с собой — таков был их посыл.

— Интересно, — вступил в разговор Джон, — почему каждый раз, когда я встречаю человека, верящего в реинкарнацию, в прошлой жизни он непременно оказывается кем-нибудь знаменитым вроде Клеопатры или Генриха Восьмого? — Тут Том, конечно же, вспомнил свою новую знакомую. — Каковы здесь шансы? — продолжал Джон. — Это напоминает мне ту книгу, «Арчи и Махитабел»*, ну вы знаете — про таракана-прусака и кошку. Я считаю ее забавной, но неправдоподобной.

— А древние греки и не верили во второе пришествие на землю в ином облике, кроме человеческого, — ответил Брюс.

Джона это не убедило.

— Но ведь римляне иногда предполагали, что люди рождаются заново в образе животных. Помните «О поедании плоти» Плутарха? Он там говорит: хоть переселение душ из одного тела в другое и не доказано несомненно, он видит достаточно тому свидетельств, чтобы проявлять

---

* «Арчи и Махитабел» (Archy and Mehitabel) — название цикла газетных колонок — беллетризованных социальных комментариев, написанных от имени таракана-прусака, которые начиная с 1916 года публиковал Дон Маркис (Доналд Роберт Пери, 1878—1937), американский писатель-юморист и журналист. Сборники этих историй переиздаются до сих пор.

осторожность и бояться есть мясо. — И тут Джон опасливо вонзил зубы в цыплячью ножку.

По мере того как разговор продолжался за десертом, перескакивая с темы на тему, касаясь то недавних поездок на места раскопок, то планов создания нового музея в Акрополе, то фильма, который будут показывать сегодня в местном зимнем кинотеатре, Том не переставал думать о рассказанной ему Викторией Прайс истории.

После крепкого греческого кофе, поданого в крохотных чашечках, Том, извинившись, встал из-за стола и отправился в свою комнату. Симптомы джет-лэга начинали сказываться в полной мере, и, когда принесли десерт, ему уже трудно было поддерживать беседу. Умывшись в ванной комнате в конце коридора, он рухнул в постель и забылся глубоким сном.

9

Выйдя из хэмптонского маршрутного такси у Центрального вокзала, Виктория посмотрела на часы. Было без нескольких минут десять. Библиотека Моргана открывалась в десять тридцать. У нее было достаточно времени, чтобы оставить чемодан консьержу в доме на Парк-авеню, где жила ее подруга, и отправиться на выставку. Она хотела добраться до библиотеки как раз к открытию. Едва ли в это время там будет много народу. Поскольку это был ее последний перед возвращением в Рим день в Нью-Йорке, девушка считала, что посещение экспозиции станет достойным завершением поездки.

Она провела приятно-безмятежные выходные с Синтией и ее семьей. Живя за океаном, Виктория уже давно была лишена таких продолжительных дружеских встреч.

Как чудесно, уложив детей спать, засиживаться допоздна у камина, попивая хорошее вино, вспоминая истории из студенческой жизни и хохоча без повода. Конечно, глядя на Синтию, счастливо вышедшую замуж, имеющую двоих детей и любящего мужа, Виктория волей-неволей задумывалась о своей судьбе. Тем не менее ей не хотелось пока менять свою жизнь. Да, она с трудом оживала после неудачного романа с Лоренцо, но именно там, в Риме, она многое поняла в себе самой, особенно благодаря живописи и беседам с психотерапевтом, которая открыла для нее канал связи с прошлыми жизнями. Конечно, Лоренцо был потрясающе красив, но ей он никак не подходил. В этом она окончательно уверилась и через несколько месяцев после разрыва наконец пришла в себя.

Оставив чемодан в доме подруги, она ощутила себя свободной. Таксист подвез ее прямо ко входу в Библиотеку Моргана. Туго натянутые красочные полотнища на фасаде над тротуаром оповещали о выставке, посвященной Александру Македонскому. Библиотека Моргана располагалась в комплексе зданий, принадлежавших великому американскому финансисту Джону Пирпонту Моргану, центральное из которых некогда было его личной резиденцией. Поднявшись по ступеням и пройдя через стеклянную дверь, Виктория направилась к стойке администратора. Перед ней в очереди стояло не больше двенадцати человек — время было рассчитано идеально. Купив билет, она напрямик проследовала к интересовавшей ее экспозиции.

Как и рассказывал Том, здесь был представлен единственный иллюстрированный манускрипт, повествовавший о выдающейся жизни Александра Великого и пересказывавший легенды о нем. На табличке, предваряющей экспозицию, она прочла, что этот манускрипт датируется двенадцатым веком, однако сам текст восходит к куда

более ранним временам, к книге под названием «Жизнь и деяния Александра», вероятно, впервые появившейся в третьем или втором веке до новой эры. В древности ее авторство приписывали современнику и другу Александра Каллисфену, однако скорее всего это ошибка. Возможно, книга сложилась вскоре после смерти Александра, хотя самый ранний из сохранившихся экземпляров относится к гораздо более позднему периоду. «Деяния Александра» в античные времена неоднократно переписывались и дополнялись, так же как и в Средние века, и в византийский период, в результате чего теперь существует целый ряд отличающихся друг от друга текстов, переведенных на множество языков. Виктория была поражена тем, как широко разошлось по миру влияние этой книги за время ее существования. Истории из нее включены в Талмуд, Ветхий Завет и Коран. Они вдохновляли древнеперсидских авторов десятого — двенадцатого веков. Латинский перевод, появившийся в конце третьего или начале четвертого века новой эры, способствовал распространению славы и легенд о приключениях великого царя по всей средневековой Европе. Там традиции эпохи Александра вновь расцвели пышным цветом в местных системах знаний и получили воплощение в различных изобразительных искусствах. Издание, представленное в зале, являлось бесценным сокровищем коллекции Дж. Пирпонта Моргана и представляло собой действительно выдающееся произведение искусства, богато иллюстрированное французским художником-миниатюристом. Должно быть, этой работе он посвятил немало лет.

Викторию манускрипт очаровал. Все иллюстрированные страницы были последовательно выложены в стеклянных витринах, что позволяло подробно рассматривать их вблизи. Естественно, все начиналось с рождения Александра, сопровождавшегося множеством предзнаменова-

ний, суливших ему великое будущее. В день, когда он родился, в 356 году до новой эры, его отец Филип Второй Македонский выиграл престижные соревнования в скачках на Олимпийских играх, проводившихся в честь Зевса. Олимпия, мать Александра, в первую брачную ночь увидела сон: Зевс сошел к ней в виде молнии. На иллюстрации, которую рассматривала в данный момент Виктория, рождение Александра было представлено как Рождество Христово — еще один намек на то, что этому младенцу предстояло стать спасителем и героем. Виктория вглядывалась в нежный лик Олимпии, держащей спеленатого новорожденного сына, и восхищалась деталями, разбросанными вокруг этого центрального образа. В правом верхнем углу был нарисован объятый пламенем храм Артемиды Эфесской, одно из семи чудес света. Согласно некоторым легендам, это ужасное событие произошло в день рождения Александра, и храмовые жрицы увидели в нем предсказание рокового будущего для всей Азии. Художник изобразил также огненную комету, прочертившую все небо, — астрономическое явление, которое было истолковано как божественный знак того, что рождение Александра — событие отнюдь неординарное.

Войдя в зал, Оскар Уильямс мгновенно узнал Викторию по фотографии. Ее трудно было не заметить. Настоящая красавица, мысленно отметил он. На ней были короткий цвета верблюжьей шерсти жакет, белая блузка, пестрый шарф по-модному заматывался вокруг шеи, а джинсы в обтяжку подчеркивали ее прекрасные формы, когда она склонилась к витрине. Оскар не стал подходить к ней сразу же, сначала оглядел зал в поисках камер наблюдения — он вовсе не желал привлекать к себе внимание. Экспозиция занимала две комнаты, витрины были низкими, и никаких перегородок не существовало. Вик-

тория разглядывала первую иллюстрацию — должно быть, только что пришла, решил он, подошел к предвещающей табличке и сделал вид, что читает, в действительности же то и дело бросая словно бы случайные взгляды на девушку.

Виктория переместилась ко второй странице, на которой была помещена особенно восхитительная иллюстрация, изображавшая юного Александра, впервые приручающего своего знаменитого коня Буцефала. Будущему полководцу было всего лет восемь-девять, когда фессалийский коннозаводчик привел царю Филипу великолепного жеребца. Конь был каштаново-коричневый, с белой отметиной на лбу. Его голова напоминала бычью, *bucephalos* — по-гречески «бык». На ляжке стояло клеймо заводчика. Хозяин просил за него тринадцать талантов, огромную сумму. Филип, а потом и его приближенные попытались оседлать красавца, но ни один из них в этом не преуспел. Филип уже было собирался сказать заводчику, что с этим конем что-то не так, но тут заговорил мальчик — заявил, что сможет объездить строптивого коня, если ему позволят. Царь счел просьбу сына проявлением хвастовства и безрассудства и спросил, что он готов выложить, если проиграет. Александр ответил, что сам заплатит за коня.

Художник выбрал критический эпизод этой истории: Александр стоит перед Буцефалом, держа в руке поводья и глядя ему прямо в глаза. Он отводит голову коня от солнца, отбрасывающего тень позади него. Мальчик и конь, оба гордые и сильные, смотрят друг на друга оценивающе. Все замерло вокруг Буцефала, Александр вот-вот вскочит ему на спину и помчится вдаль по широкой равнине. Царь с придворными стоят в стороне и глядят на происходящее с удивлением и восхищением.

Филип был так впечатлен поступком сына, что, если верить Плутарху, сказал ему: «Ты обретишь другое царство: Македонии тебе мало». Александр и Буцефал не расставались на протяжении всех походов Александра, во всех крупных сражениях царь участвовал верхом на преданном коне. Буцефал пронес его через всю Центральную Азию до самого Афганистана. Но в Индии Буцефал нашел свою смерть — после генерального сражения Александра с великим раджей Пором и его слонами; Александр устроил своему боевому коню царские похороны и назвал в его честь город.

Изучив эту картинку и налюбовавшись мастерством талантливого художника, великолепной палитрой, Виктория перешла к следующей. Там была запечатлена сцена урока на свежем воздухе, который давал Александру Аристотель. Филип Второй, отец Александра, пригласил знаменитого греческого философа в качестве учителя для своего сына, когда Александру только исполнилось тринадцать. Но он был не по годам развитым мальчиком; здесь, на картинке, он сидел, скрестив ноги, на траве под сенью дерева и слушал лекцию учителя по естествознанию. Греческого философа можно было безошибочно узнать по длинной бороде, искусно драпированной тунике и жестам. Годы, проведенные в обществе великого Аристотеля, составляют важную часть «Деяний Александра», благодаря им он стал ученым и мудрым человеком. Виктория улыбнулась: изящные птички, рассеявшиеся на ветвях оливковых деревьев, казалось, тоже слушают лекцию Аристотеля.

Какой-то мужчина слегка потеснил девушку, без нужды, как ей показалось, прижавшись к ней. Подняв голову, она увидела, что народу в зале прибыло. Пора было двигаться дальше. Она решила перейти в финальную часть экспозиции, располагавшуюся в соседнем зале. Вообще-

то Виктория никогда не испытывала потребности строго следовать установленному порядку осмотра выставок, а после столь внимательного изучения первых экспонатов поняла, что будет не в состоянии с таким же тщанием отнестись ко всем остальным иллюстрациям, это было бы слишком утомительно. Можно будет купить каталог и потом прочесть о них подробнее и вдоволь налюбоваться. Пока же надо все бегло осмотреть, потом пойти пообедать, слегка пройтись по магазинам где-нибудь подальше от центра, забрать свой чемодан и отправиться в аэропорт. При всем том мысль, что в какой-то прошлой жизни она водила знакомство с Александром и была внутри его усыпальницы, ее не покидала. Она чувствовала необходимость побольше узнать о нем. Быть может, новые сведения пробудят и новые воспоминания о другой жизни?

Заключительная часть экспозиции относилась к поздним легендам об Александре. Внимание Виктории привлекла серия иллюстраций, изображающих историю отношений великого полководца и его дочери Нереиды. Так же, как древний ближневосточный герой Гильгамеш, который отыскивал цветок бессмертия, или персонажи любого из множества греческих мифов, в которых смертный человек жаждет вечной юности, Александр искал Источник вечной молодости, или живую воду, о чем повествует легенда, вошедшая в книгу. Особенно популярна она была в арабских списках «Деяний» и даже вошла в Коран. Эта тема также была весьма востребована средневековыми художниками.

И вот первая иллюстрация серии: Александр со своими войсками возле Источника вечной молодости. Одетые как средневековые рыцари, в сияющих доспехах, воины стоят вокруг него; палатки с высокими куполами тянутся к далекому горизонту. Справа — чистый родник, повар Александра держит над водой бьющуюся рыбу. Согласно

легенде, однажды, когда войска стояли лагерем возле родника с живой водой, повар чистил сушеную рыбину, на нее попала вода, и рыба ожила. Однако повар решил не рассказывать Александру об этом чуде, он сам испил живой воды, а великого царя лишил возможности обрести бессмертие. Будучи влюблен в Нереиду, одну из дочерей Александра, повар поделился с нею тайной живой воды. На иллюстрации, которую рассматривала Виктория, два сюжета совмещались: Нереида стоит в воде по пояс, под мокрой туникой проступают очертания груди, рядом — повар с извивающейся рыбой в руках.

На следующей картинке повар и Нереида стоят перед восседающим на троне царем, только что узнавшим об их предательстве. Александр, явно разгневанный, назначает им кару; придворный писарь стоит слева от него, записывая. Александр отрекся от дочери и превратил ее в наяду, что же касается повара, то он велел своим людям привязать тяжелый камень к ногам этого человека и бросить его в море, которому тот, тоже превратившись в водяного духа, дал свое имя — Адриатическое.

Подойдя к последней картинке, Виктория почувствовала, как учащается пульс. Вот оно, в панике подумала она, начинается. Сцена изображала прощание Александра с дочерью. Нереида стоит перед отцом, слезы градом катятся по ее щекам, длинные светлые волосы, разделенные на прямой пробор, рассыпались по груди. Она протягивает ему в знак примирения амулет — знаменитый амулет Нереиды, вырезанный из чистейшего кристалла, сотворенного, согласно легенде, из самой живой воды. Желая продемонстрировать свою любовь даже перед лицом страшной кары, Нереида дарит амулет Александру, чтобы тот оберегал отца. Виктория низко склонилась к витрине, желая получше рассмотреть детали, и сердце ее забилося еще сильнее. Она поняла, что этот предмет име-

ет для нее особое значение. У нее закружилась голова, пришлось сесть на скамью, стоявшую у стены за ее спиной, — в любой момент она могла упасть в обморок.

Неужели это снова происходит? Все поплыло у нее перед глазами, и она потеряла сознание...

Когда Виктория снова открыла глаза, ей показалось, что она спит, но все вокруг было совершенно реальным. Она снова находилась внутри гробницы Александра Великого, с момента ее предыдущего видения прошло всего несколько мгновений. Ей было невыносимо грустно. Факел отбрасывал причудливые блики. Виктория смотрела на мумию великого царя, но взгляд ее был прикован не к телу и не к лицу Александра, а к тому, что висело у него на шее, — это был амулет Нереиды. На самом деле именно он в первую очередь привлек ее в гробницу: она тоже мечтала обрести бессмертие. Как раз в тот момент, когда все ее внимание было поглощено амулетом, сообщники ударили ее по голове и сбежали. Амулет обладал магической силой и, по слухам, хранил того, кто его носил, он даже мог остановить процесс старения и даровать своему обладателю бессмертие. Амулет был вырезан в форме головы большого овна — египетской ипостаси бога Зевса Амона, легендарного отца Александра, — оправлен в золото и висел на изящной золотой цепочке. Виктория склонилась ниже, сняла амулет с шеи царя и зажала в руке, надеясь, что он спасет ее от ужасной участи.

Она чувствовала себя преданной и была безутешна: ей предстояло умереть от голода и жажды или задохнуться без воздуха, который постепенно убывал, о чем свидетельствовало все более тусклое мерцание факела. А через некоторое время факел и вовсе погас, она осталась сидеть в кромешной тьме, продолжая сжимать в руке амулет. Но даже в полной темноте камень испускал призрачное сия-

ние, и Виктория чувствовала исходящую от него силу. Он оказывал успокаивающее, даже умиротворяющее воздействие, однако без пищи и воды девушка становилась все слабее и слабее. Представление о времени начисто исчезло, силы покидали ее с каждой минутой. Потом она услышала хлопанье крыльев, почувствовала легкое дуновение на лице и внезапно осознала, что это Смерть пришла, чтобы унести ее в Нижний мир. Ощутив прикосновение ее холодной руки на своем плече, она попыталась закричать, позвать на помощь, но ни звука не слетело с ее пересохших губ.

И в этот миг Виктория очнулась: она кричала и отталкивала от себя руку смотрительницы, которая поддерживала ее за плечи и пыталась успокоить.

10

Танцовщица в покрывалах медленно кружилась перед Томом, размеренно переставляя ноги, словно в замедленной съемке. Ее гибкое тело легко угадывалось под тонкой тканью, плотно облегавшей фигуру. Позади нее стояли два музыканта. Причудливое звучание двойной флейты, которой вторила черепаховая лира, наполняло воздух. Том сидел на позолоченном троне, каждый подлокотник которого покоился на сидящем сфинксе. Спинка трона имела легкий удобный изгиб и венчалась двумя львами, поддерживавшими Землю; на уровне головы была закреплена мягкая подушка, чтобы опираться на нее затылком. Том был обнажен, его тело походило на тело греческого бога, на голове — золотая корона в форме венца из дубовых листьев. В левой руке он держал скипетр, в правой — стеклянный кубок с красным вином. По мере того как танцовщица, извиваясь, медленно

приближалась к нему, он смотрел на нее все более и более заворуженно. Все ее благоухающее жасмином тело являло собой одно непрерывное текучее движение, обольстительное и эротичное. Музыка зазвучала громче, ударили цимбалы. И только когда танцовщица, простершись перед ним ниц, подняла голову, Том узнал эти сияющие синие глаза. Это была Виктория Прайс.

Он проснулся в холодном поту. Было раннее утро, около шести часов, но Том знал, что больше не заснет. Наручные часы еще показывали нью-йоркское время — на семь часов раньше. Он прошел в ванную и освежил лицо холодной водой. Почистив зубы и побрившись, оделся и решил пройтись до маленькой церкви на вершине холма Ликабетос. На крутой склон можно было подняться на фуникулере, но в столь ранний час он еще не работал. По каменной ступенчатой тропинке Том неторопливо дошел до вершины — самой высокой точки города. Солнце еще только вставало, воздух пока был прохладным. Ясное утро позволяло видеть Акрополь с его сверкающими белыми храмами и греческим флагом, развевающимся на легком утреннем ветерке. Город сплошной расплзшейся панорамой простирался до самого горизонта — до гор и Эгейского моря позади Акрополя. Летом выдавалось немало дней, когда увидеть Акрополь отсюда было невозможно из-за *нефоса* — густого, низко висящего над городом смога, напоминавшего облако пара, поднимающегося над супницей с гороховым супом. Афины расположены в низкой широкой долине между гор, и смог образуется здесь, как только стихает ветер. Том возблагодарил Бога за то, что сегодняшний день не оказался безветренным.

Войдя в церковь на вершине холма Ликабетос, он прочел короткую молитву и осенил себя крестным знаменiem, потом опустил евро в ящик для пожертвований, взял

тонкую восковую свечу, зажег ее от лампы перед иконой святого Георгия и надежно укрепил в специальном подносе с песком. Висевшее над ведущими к иконостасу мраморными ступенями кадило источало струйку дыма от курящихся благовоний, и он, поднявшись вверх, клубился перед иконами. Церковь была наполнена густым запахом ладана. Постояв немного в тишине, Том взглянул на часы: оставалось достаточно времени, чтобы до назначенной в «Геннадии» встречи выпить кофе, а может, и съесть тарелку горячих *лукумадес* — жареных пончиков, залитых сладким сиропом и присыпанных кунжутом, — поэтому он стал быстро спускаться с холма по тропинке-лестнице, шагая через две ступени.

Ровно в девять Том явился в библиотеку. Войдя во внутренний дворик, остановился, поднял голову и окинул взглядом строгий, но величественный неоклассический фасад. Потом поднялся по белой мраморной лестнице, вошел в здание и направился прямо к дежурному библиотекарю, которая сидела у входа в главный читальный зал, — обширное помещение высотой в два этажа, сплошь обрамленное книжными стеллажами, с галереей-аркадой по всему периметру. Здесь, в застекленных и запертых на ключ шкафах, хранились самые ценные книги.

— Доброе утро, я — Том Карр, — представился он. — У меня назначена встреча с вашим директором, она обещала показать мне некоторые из иллюстрированных манускриптов «Деяний Александра».

— Да, конечно, мистер Карр, мы ждем вас. Сюда, пожалуйста, — и дежурная повела его к ближайшему столу, где на клинообразных подставках-пюпитрах, предохраняющих корешок переплета от сгибов, было расставлено несколько открытых старинных фолиантов.

Том достал ручку, маленький блокнот и листок с составленным заранее списком. Он хотел посмотреть опре-

деленные страницы, те, репродукции которых видел в иллюстрированных научных статьях и книгах. Но также ему хотелось просто полистать манускрипты, поискать еще какие-нибудь интересные иллюстрации.

Литература об Александре необъятна. Она начала складываться еще при жизни великого полководца из его официального дневника и писем, которые он писал во время своих военных походов. Однако известных копий прижизненных текстов и текстов, написанных вскоре после его смерти людьми, лично знавшими его, такими как Птолемей и Неарх, не сохранилось. Ученые вынуждены были полагаться на более поздние труды римских авторов, живших спустя несколько веков, — Арриана, Диодора, Куртия и Плутарха. Составленные ими жизнеописания царя были скомпилированы из несметного количества надежных и ненадежных источников. Из них «Деяния Александра» представлялись Тому наиболее любопытными, ведь изобразительное воплощение жизни царя и связанных с ним легенд может рассказать о многом. Устроившись за большим библиотечным столом, он решил начать с некоторых позднейших приключений, добавленных к жизнеописанию Александра, таких как истории о летающей машине, водолазном колоколе, чудном камне и нечистых народах. Эти легенды позволяли взглянуть на великого военного стратега и полководца как на хитроумного героя и авантюриста, они представляли его одним из величайших мудрецов античности и даже христианским Спасителем.

Не успел он приступить к работе, как появилась директриса.

— Мистер Карр, я Мария Олимпиас. — Она протянула Тому руку. — Мы все для вас приготовили, и я выложила здесь те манускрипты, с которыми вы хотели ознакомиться. Как видите, книги установлены на специальных

подставках, и я уже открыла их на тех иллюстрациях, которые вы запрашивали. Поскольку вы сами — музейный работник, вам излишне объяснять, какого бережного обращения требуют эти фолианты. Пожалуйста, воспользуйтесь перчатками, которыми мы вас снабдили, и старайтесь как можно меньше прикасаться к текстам. С учетом этой оговорки, однако, вы, разумеется, можете полистать книги, после того как изучите те иллюстрации, на которых они уже открыты. Если вам понадобится помощь, обращайтесь ко мне без колебаний. Мой кабинет наверху, я пробуду там большую часть утра. У входа в зал постоянно сидит дежурный библиотекарь, она знает, где меня найти, если по какой-то причине я окажусь вне своего кабинета.

— Большое спасибо, — ответил Том. — Для меня будет истинным наслаждением увидеть эти материалы в оригинале — никакие репродукции не дают полного представления. Сердечно благодарю вас за разрешение полистать манускрипты, я очень взволнован вероятностью найти что-то новое, что будет полезно мне в работе. Ведь другой возможности сделать это просто не существует.

— Да, мы надеемся когда-нибудь перевести свою коллекцию на цифровые носители и сделать ее доступной через Интернет. Чтобы такие ученые, как вы, могли знакомиться с нашими материалами, не проделывая долгого пути до Афин. Но, боюсь, эти планы пока далеки от осуществления. Желаю успешной работы, — сказала Мария и повторила по-гречески: — *Kalidoulia*. — С этими словами она удалилась, предоставив гостя его занятиям.

Вооружившись лупой, Том встал и склонился над манускриптом, открытым на нужной ему странице. Перед ним было относящееся к четырнадцатому веку изображение Александра Великого в летательной машине. Могу-

шественный царь, совершая путешествие на край обитаемой Земли, сидит в позолоченной колеснице, запряженной парой грифонов — мифологических крылатых существ: полуорлов — полульвов. На двух длинных копьях он держит перед клювами животных куски мяса, насаженные на острие: по описанию в тексте — куски лошадиной печени. Прожорливые твари летят за мясом, неся Александра на его колеснице по воздуху. Согласно легенде, манипулируя копьями, Александр мог управлять их полетом и подниматься достаточно высоко, чтобы обзирать из-под неба покоренные им земли. Детали этой сцены напомнили Тому знаменитую мозаику двенадцатого века, выложенную на полу кафедрального собора в Отранто, в южной Италии. Там этот сюжет бросался в глаза среди множества других, включая изображение Древа Жизни, эпизодов из Ветхого Завета и легенд короля Артура. Тома всегда изумляло, что Александр нашел свое место среди собрания религиозных образов, столь важных для католицизма.

Затем он перешел к изучению относящегося к тому же двенадцатому веку изображения Александра, исследующего океанские глубины в стеклянном водолазном колоколе. Фолиант с этой картинкой стоял на соседней подставке. На этой подробно и изящно выписанной иллюстрации Александр сидит в стеклянном колоколе, опущенном на дно океана на веревке, тянущейся к поверхности: еще одна легенда о невероятном разнообразии его путешествий на окраины населенного живыми существами мира. Огромная безобразная рыба проплывает мимо, русалка, вцепившись в ее раздвоенный хвост, с удивлением смотрит на царя. В колоколе также находится петух. Согласно легенде, когда Александр, завершив подводные исследования, собрался подниматься на поверхность, он убил петуха и выпустил в воду его кровь,

вследствие чего море с отвращением изрыгнуло из себя колокол.

Одним из величайших подвигов Александра в «Деяниях» представлено заточение им нечистых народов, этот подвиг впоследствии вписал его имя в священную историю христианства, как утверждают позднесредневековые Библии. Нечистые звероподобные народы населяли страны, лежавшие за двумя горами (их называли Грудями Севера), — обширные неизведанные земли, считавшиеся владениями сатаны. Существовало предсказание, будто, объединившись, все эти дикие народы во главе с темным ангелом в последние времена перед концом света пойдут войной на человечество. На картинке, которую рассматривал теперь Том, эти отвратительные создания показаны столпившимися внутри замкнутой по кругу гигантской стены. Великий царь, выполнивший задачу заточить их, стоит снаружи.

Где-то через час Том закончил изучение заказанных иллюстраций и все остальное время с чрезвычайной осторожностью листал фолианты, рассматривая другие картинки. Вот Александр стоит перед воротами Вавилона во главе своей армии в доспехах рыцаря Круглого стола. А вот легендарный царь сражается с драконом, чей облик — уродливая голова, огромные волосатые уши и длинное жилистое, покрытое чешуей тело — представлял собой нечто среднее между греческим *кетос* (морским чудовищем) и китайским драконом. На еще одной средневековой картинке была изображена встреча Александрова войска с амазонками — сказочным племенем женщин-воительниц, живших за пределами изведенного мира. Царь восседает на коне впереди своей армии, протягивая амазонкам копьё — канонический фаллический символ власти — и предлагая им почтить его.

Была там также великолепная сцена сражения Александра с персидским царем Дарием в горах. После того как Александр одержал победу над армией Дария при Гавгамелах, Дарий бежал. Александру было важно захватить его, чтобы не оставалось никаких сомнений относительно легитимности его восхождения на персидский трон и никакой вероятности возвращения Дария с претензиями на свою былую империю. Древние историки повествуют, что Александр преследовал Дария, но, прежде чем он его настиг, собственные приближенные поверженного персидского царя убили его. В других версиях «Деяний» говорится, что Александр еще застал Дария живым. На картинке, которую рассматривал сейчас Том, Александр стоит на коленях перед умирающим Дарием, держа его за руку, а тот в последний миг своей жизни признает его владыкой мира.

Однако к чему Том оказался совершенно не готов, так это к тому, чтобы увидеть сцену первой встречи Александра с его будущей женой Роксаной, на которой он женился в 327 году до новой эры. Это был знаменательный момент в жизни Александра. Картинка, представшая взору Тома, была одной из очень немногих, рассказывавших о его любви — помимо отношений с Гефестионом. После того как Александр углубился в Афганистан и завоевал его, Оксиарт, местный бактрийский правитель, устроил ему чествование. За обедом гостей развлекали танцовщицы, среди которых была и дочь Оксиарта Роксана. Она покорила Александра с первого взгляда, и вскоре они поженились. Политических целей этот брак не преследовал, поскольку Бактрия, являясь дальней окраиной его владений, особой важности для Александра не представляла. Просто для молодого человека, который в свои двадцать девять лет завоевал большую часть населенного мира, судя по всему, это действительно оказалось любовью с первого

взгляда. Вообще-то в некоторых поздних версиях «Деяний» Роксану называют дочерью самого Дария — разумеется, такая легенда служила подтверждению законности владычества Александра над Персией и непрерывности кровного наследования царской власти.

От разрушительного воздействия времени уцелело очень мало надежных сведений об отношениях Роксаны и Александра. Считается, что у них был ребенок, Александр Четвертый, который родился вскоре после смерти Александра в 323 году. На самом деле мальчик, похоже, был зачат спустя недолгое время после смерти Гефестиона, когда Александр, пребывая в смятении, размышлял над проблемой собственной нравственности. После смерти великого царя мальчик — официальный наследник всех его владений, однако еще слишком юный, чтобы управлять ими, — и Роксана стали разменными пешками в политической борьбе между полководцами Александра. Поначалу мать и сын находились под покровительством Пердикки, старшего из полководцев. Доподлинно не известно, что делала Роксана после кончины мужа, — видимо, оставалась в Вавилоне, ожидая погребальной церемонии. Вероятно, она сопровождала погребальную колесницу на ее длинном пути в Египет, исполняя скорбный долг вдовы. Существуют свидетельства, что в 320 году, во время похода Пердикки в Египет против Птолемея, Роксана с сыном находились в его свите. Судя по всему, их постиг печальный конец — они были отравлены Кассандром в македонском Амфиполисе в 309 году и похоронены в безымянных могилах.

Том всегда представлял себе Роксану таинственной экзотической красавицей, похожей на Роксану из экранизации замечательной новеллы Киплинга «Человек, который хотел быть королем» или на молодую афганку,

чья запавшая ему в память фотография была помещена на обложке журнала «Нэшнл географик» в 1980 году. Тем большее удивление вызвала лежавшая сейчас перед ним иллюстрация, на которой Александр был изображен на изысканном троне в окружении Гефестиона и его товарищей. Бактрийский правитель — должно быть, Оксиарт — сидит по левую руку от него. Сбоку музыканты играют на флейтах, бьют в барабаны, встряхивают тамбуринами, между тем как группа танцовщиц, укутанных в прозрачные покрывала, исполняет для македонского царя обольстительный танец.

В памяти Тома мгновенно вспыхнул виденный накануне ночью сон. «Но ведь то было чистой фантазией, — пробормотал он про себя. — Не более чем плодом воображения, вызванным воздействием перелета, быть может, выпитого за обедом чуточку сверх меры вина и сумасбродной истории, рассказанной красивой женщиной».

Тем не менее странным образом фигура Роксаны на картинке, несомненно, напоминала Танцовщицу Бейкера. Неужели эта бронзовая статуэтка была заказана в память о той исторической встрече — то ли еще при жизни Александра, то ли уже после его смерти? От этой мысли у Тома перехватило дыхание. В конце концов Лисипп из Сикиона, возможно, величайший скульптор четвертого века до новой эры, был придворным скульптором Александра и прославился именно своими бронзовыми творениями. Плиний утверждал, что Лисипп создал более полутора тысяч скульптур, известных своей грацией и изяществом. Том сделал несколько пометок в блокноте и решил по возвращении в музей провести изыскания, касающиеся танцевальных традиций Бактрии эллинистического периода, чтобы найти другие свидетельства, подтверждающие эту интригующую гипотезу.

Очнувшись от собственного пронзительного крика, Виктория была полностью дезориентирована. Ей потребовалось несколько минут, чтобы осознать: она в Библиотеке Моргана. Смотрительница вызвала медсестру, которая в настоящий момент и приводила ее в чувство. Вокруг, естественно, собралась толпа зрителей, но явились еще две смотрительницы и оттеснили людей, чтобы освободить пространство вокруг девушки и дать ей воздух. Виктория была ошеломлена, однако никакой боли от травм или симптомов нарушения здоровья не ощущала. Точно она знала только одно: необходимо немедленно уйти отсюда, и вовсе не в больницу. Она должна увидеть дневной свет, глотнуть свежего воздуха и ощутить лицом тепло солнечных лучей. Очутиться на волосок от смерти, пусть и в одной из предыдущих жизней, оказалось опытом слишком опустошающим, удушающим, вселяющим ужас.

Немного посидев под присмотром медсестры и с ее помощью восстановив нормальное дыхание, Виктория поблагодарила ее и деликатно, но твердо заявила, что теперь все хорошо и единственное, в чем она нуждается, так это в том, чтобы покинуть помещение. Медсестра, пожав плечами, проводила ее до выхода, и они распрощались. Выйдя из здания, Виктория села на ступеньки, глубоко вдыхая освежающий воздух, и окончательно пришла в себя. Мысли проносились с бешеной скоростью. Необходимо связаться с Томом Карром. Можно послать и-мейл, но ей хотелось поговорить с ним по телефону или — лучше — при личной встрече. Она испытывала непреодолимое желание увидеть этого едва знакомого человека и рассказать о своем последнем откровении. Оно могло иметь значение для его исследований, касающихся гробницы, и вообще для

всего мира. Что, если амулет все еще там? Он мог стать вещественным звеном связи с Источником молодости.

Но, вспомнила она, Том сказал, что улетает в Европу, на рабочем месте его, стало быть, нет. Тем не менее там знают, как с ним связаться. Виктория отдавала себе отчет в том, что в учреждениях не любят сообщать подобную информацию по телефону, но при личной встрече она очень хорошо умела уговаривать, поэтому решила все же попытаться. Поймав такси прямо перед входом в библиотеку, она попросила водителя отвезти ее в музей Метрополитен.

Оскар Уильямс стал свидетелем инцидента, случившегося с Викторией Прайс в библиотеке, — это была одна из самых странных сцен, какие ему доводилось видеть, а уж он в своей жизни повидал немало странного. Когда он приблизился к девушке, она перешла во второй зал и начала пристально рассматривать одну из выставленных там иллюстраций, но вдруг покачнулась назад, отшатнулась от витрины и села на скамью. Спустя еще момент голова ее откинулась к стене, и она потеряла сознание. Если бы он наблюдал за ней не со столь близкого расстояния, то подумал, что она просто отдыхает. Это было поистине странно. Оскар подошел к витрине, чтобы понять, что она там разглядывала. Оказалось — иллюстрацию к мифу об амулете Нереиды. Он ощутил себя в роли единственного гостя на вечеринке, до которого не дошел смысл шутки. Он ничего не понимал. Спустя минут пятнадцать девушка очнулась сама, от собственного крика. Когда она начала кричать, он, изображая случайного посетителя, направился к зрителям, чтобы позвать на помощь, но не успел подойти к ним — они сами поспешили к Виктории.

А теперь ему ничего не оставалось, как ждать и наблюдать за этой странной девушкой, сидящей на ступеньках

библиотеки. Позвонив своему шоферу, он велел ему подать машину ко входу. Оскар понял, что долго она здесь не задержится, и хотел быть готовым следовать за ней. Разумеется, он оказался прав — уже через несколько минут Виктория запрыгнула в такси. Его машина подъехала ко входу как только он вышел на улицу, и теперь, сев на заднее сиденье, он наклонился вперед и скомандовал водителю: «Езжай за той машиной. Смотри не потеряй ее! Я не шучу».

— Да, мистер Уильямс. — Водитель нажал на газ, чтобы следовать за желтым такси, которое уже подъезжало к следующему светофору.

Минут через двадцать Оскар увидел, что такси остановилось перед музеем Метрополитен, Виктория вышла и устремилась по лестнице ко входу.

«Да, там, внутри, вряд ли удастся проследить за ней, — подумал Оскар. — Музей слишком велик и слишком напичкан охраной. Интересно, куда она направляется? Карр в Европе. Неужели в дело вовлечен кто-то еще?» Несколько минут он сидел в машине, размышляя, потом сказал шоферу: «Ладно, вези меня домой. Здесь больше делать нечего». И черный седан рванул вперед, влившись в автомобильный поток, двигавшийся по Пятой авеню.

Рабочий день в музее был в разгаре: в главном вестибюле хаотично перемещалось множество людей — кто-то покупал билеты, кто-то сдавал верхнюю одежду в гардероб, кто-то стоял в ожидании друзей или сбора экскурсионных групп. Виктория помнила, как пройти в отдел древнегреческого и римского искусства и, получив нагрудный значок посетителя, направилась прямо туда. Подойдя к офис-менеджеру, представилась:

— Меня зовут Виктория Прайс. Я художница из Рима, сегодня вечером возвращаюсь домой. На прошлой неделе я встречалась здесь с Томом Карром. Я знаю, он сейчас в

Европе, но мне действительно необходимо с ним поговорить. Не окажете ли вы мне любезность сообщить номер телефона, по которому можно с ним связаться? — Она хотела донести до собеседницы, что дело срочное, однако вовсе не хотела выглядеть так, словно у нее не все дома.

— Простите, мисс Прайс, но я не уполномочена давать подобную информацию. Если хотите — оставьте сообщение, я с удовольствием передам его мистеру Карру. Не могу гарантировать, что это произойдет сегодня, но обычно он связывается с нами каждые несколько дней, я разговаривала с ним вчера.

Виктория на минуту задумалась. Не хотелось оставлять сообщение относительно своего нового видения — девушка могла прочесть его, а оно было сугубо личным.

— Нет, благодарю вас, — ответила она наконец. — Он дал мне свой адрес — пожалуй, свяжусь с ним по электронной почте, и он сам сообщит мне номер своего телефона.

— Да, он регулярно проверяет почту. Это действительно самый лучший способ связаться с ним. — Девушка-администратор помолчала, словно бы оценивая посетительницу, и добавила: — В конце недели он будет в Риме, остановится в Американской академии. Вероятно, вы сможете там с ним увидеться.

— Что вы говорите? Спасибо, это было бы идеально. Я напишу ему о такой возможности. Благодарю вас за помощь. — Виктория улыбнулась и вышла.

Она решила подняться в сад на крыше, выпить чего-нибудь прохладительного и, посидев на скамейке, где они с Томом сидели в прошлый раз, подумать. Стоял такой же чудесный осенний день. Вынув свой БлэкБерри, она написала Тому и-мейл и отослала, потом, потягивая прохладный напиток, залюбовалась яркой разноцветной листвой, расстилавшейся внизу. Итак, она пережила уже два эпизода из своей прошлой жизни, оба из одного и того же пери-

ода. Все археологические подробности первого она уже поведала Тому, но не рассказала, сколь травмирующим был ее опыт. Причем второй оказался еще более болезненным, чем первый. Самое время сейчас поговорить с психотерапевтом. Пролистав список контактов в мобильном телефоне, она нашла номер доктора Илзе Винтер. В Риме было уже довольно поздно, доктор Винтер скорее всего не ответит, но можно оставить сообщение с просьбой о встрече.

Включился автоответчик.

— Доктор Винтер, это Виктория Прайс. Я в Нью-Йорке. У меня снова открывался канал связи — два удивительных видения из прошлой жизни. Мне необходимо немедленно поговорить с вами. Я вылетаю в Рим сегодня вечером, буду на месте завтра рано утром. Умоляю, не могли бы вы завтра же в любое время принять меня? Понимаю, что предупреждаю слишком поздно, но при встрече все объясню. Вы можете связаться со мной по этому номеру. Благодарю заранее.

Она посмотрела на часы. Прежде чем уйти, нужно было сделать здесь, в музее, еще кое-что. Времени до отъезда в аэропорт для этого хватало.

12

Это был последний день Тома в Афинах, и он планировал побывать на Агоре* — хотел увидеть мраморный бюст Александра, который нашли на Акрополе. Временно, пока строился новый музей Акрополя, он был выставлен в музее Агоры и представлял собой самый ранний из су-

---

* Рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегражданских собраний, которые по месту проведения тоже назывались агорами.

шествующих скульптурных портретов Александра и один из немногих прижизненных. Том знал этот бюст, однако давно не видел его и хотел взглянуть еще раз, чтобы сравнить с новой статуей, найденной в Дикте.

Историческая ирония заключалась в том, что один из наиболее ранних портретов Александра сохранился именно в Афинах, притом что демократы-афиняне четвертого века до новой эры весьма неодобрительно относились к монархической идее и возмущавшейся мощи Македонии. Их противоборство с Филипом Вторым достигло высшей точки в 338 году, когда в битве при Херонее, во время которой Александр неотлучно находился рядом с отцом, Филип разгромил союз Афин и других греческих городов-государств и стал правителем всей Греции. При этом к Афинам он решил проявить необычную снисходительность и послал туда с этой радостной вестью Александра — то было, насколько известно, единственное посещение Александром Афин. Должно быть, поначалу его встретили не слишком приветливо, однако он, с присущим ему феерическим обаянием, сумел завоевать расположение афинян.

Том шел к Агоре той же дорогой, которой ходил, когда много лет назад в качестве добровольца участвовал в здешних раскопках. Она пролегла через площадь Колоннаки, где в этот ранний час было относительно тихо, еще не началась суeta, которая обычно нарастала здесь в течение дня, но автомобильное движение уже становилось напряженным. Площади Синтагма он достиг как раз в тот момент, когда происходила смена почетного караула эвзонов* перед Могилей Неизвестного Солдата и зданием

---

* Эвзоны — элитное подразделение пехоты греческой армии, сформированное в основном из горцев как легкая пехота в годы Греческой войны за независимость в начале XIX в. и впоследствии составившее королевскую гвардию. Эвзоны носят традиционную униформу.

парламента. Высокие, как на подбор, мужчины в экзотической старинной униформе, состоящей из плотно обтягивающих рейтуз, сабо на деревянной подошве, короткой юбки типа шотландского килта, куртки и цветной, украшенной кисточками шапочки, маршировали безупречно синхронным шагом, вскинув ружья «на плечо», а немногочисленные пока туристы и прохожие, остановившись, наблюдали за этим до совершенства отрепетированным спектаклем.

Том не стал особенно на него отвлекаться и, проходя дальше по площади, вдруг испытал неприятное ощущение, будто за ним следят. Много лет назад, в Замбии, он работал проводником — сопровождал в пеших сафари фотоохотников, желавших воочию понаблюдать дикую природу и получить личный опыт похода по бушу. Пробираясь сквозь мопановые* заросли, Том тогда рассказывал туристам об уникальной флоре и фауне тех мест и о сложных переплетениях жизни внутри экосистемы Большого африканского разлома. Во время таких походов он обычно не приближался к диким животным, как делал это, совершая автомобильные рейды по бушу: пешего человека зверь воспринимает как опасного хищника. Но однажды он испытал неприятное ощущение, будто за ним наблюдают. Внимательно осмотрел местность и увидел огромного черногривого льва, кравшегося за его группой. Тогда, встретившись взглядом с огненно-желтыми глазами молодого зверя, сквозь ветви кустарника следившего за ними с расстояния каких-нибудь пятидесяти ярдов, и осознав всю рискованность ситуации, Том испытал, надо при-

---

* Мопане (лат. *Colophospermum mopane*) — вид тропических деревьев. Название *Colophospermum* взято из греческого и означает «масляные семена» — как указание на смолистые семена растения. Часть названия *colophos* (канифоль) намекает, очевидно, на сильный скипидарный запах смолы мопане.

знаться, момент небывалого ужаса. Трудно было поверить, что такое же неприятное чувство опасности можно испытать сейчас здесь, в Афинах. Увидев льва, он знал, что делать, и среагировал без промедления, не дав зверю шанса действовать по своим правилам. Он бесшумно подал знак вооруженному проводнику, и тот сделал предупредительный выстрел в сторону льва. Зверь издал мощный леденящий кровь рык, сделал вид, что собирается напасть, но потом развернулся и побежал прочь.

И теперь, остановившись перед зданием парламента, Том медленно обвел взглядом широкое открытое пространство площади. Несколько десятков человек двигались по ней в разных направлениях. Он был готов к действию, но не мог локализовать источник опасности.

В разгар лета Том обычно выбирал путь к Агоре, лежащий через королевские сады, их густая листва давала глубокую тень и отдохновение от гнетущей жары. Раз другой он заходил в тамошний маленький зоопарк, но было тяжело смотреть на жалкого изможденного льва, метавшегося по тесному, обнесенному железными прутьями вольеру. Разноцветный попугай в куполообразной сетчатой клетке свистел, когда мимо проходили девушки, и пронзительно кричал «*Малака!*» вслед мужчинам. На современном греческом «малака» означает «тот, кто онанирует», и на означенную активность действительно можно было ненароком напороться, если некстати забрести в какой-нибудь укромный уголок сада. Легко было представить себе, скольких трудов в течение, наверное, не одного года стоило кому-то обучить птицу этому трюку. Сегодня через сады идти не стоило. В это время года они пустовали и были самым подходящим местом для нападения преследователя. Лучше оставаться на открытом пространстве, так безопаснее, поэтому Том двинулся к музею Агоры через площадь Синтагма, но ощущение пре-

следования не покидало, и волосы у него на голове стояли дыбом.

Он пошел по улице Митрополеос, мимо православной греческой церковки, где Мелина Меркури, великая актриса и министр культуры, вернувшая Греции мраморные скульптуры Парфенона, покоилась в течение трех дней после кончины, между тем как тысячи людей приходили отдать ей последние почести перед погребением. Том пересек мраморную площадку перед входом в церковь и двинулся по улице Пандросу, по обеим сторонам которой впритык друг к другу теснились сувенирные магазины. В былые времена здесь работали антикварные лавки, где продавались всевозможные вещицы, от доисторической керамики и кикладских статуэток до греческих ваз и эллинистических золотых украшений. Это был центр процветавшей тогда антикварной торговли. Теперь осталось всего два-три магазинчика с очень скромным содержанием, и они терялись среди туристических сувенирных лавок, торгующих кожаными сандалиями и дешевыми безделушками.

Том старался наслаждаться прогулкой до Агоры, наблюдая, как город оживает и все больше и больше людей выходят на улицы по своим делам, но тем не менее не мог избавиться от странного ощущения, что кто-то за ним следит. Время от времени он останавливался перед витринами и озирался, хотел убедиться, что на самом деле никто за ним не наблюдает. В нескольких ярдах у себя за спиной он заметил мужчину среднего роста в желтовато-коричневом костюме. Это был типичный грек — с темно-оливковой кожей и густыми усами, шляпа глубоко надвинута на лоб, курит сигарету. Каждый раз, когда Том останавливался, он, держась на безопасном расстоянии, тоже делал вид, что разглядывает витрину. «Странно, — подумал Том, — но, возможно, это просто совпадение. Вот если он

последует за мной в музей, можно считать, что это не просто так».

Вскоре он подошел к Агоре. Прежде чем войти на территорию, перешел на другую сторону улицы и обозрел расстилавшееся внизу, в северо-восточном углу древней рыночной площади, место недавних раскопок. Некогда там находилась знаменитая Разрисованная колоннада с картинами замечательных художников пятого века до новой эры, выполненными на деревянных панелях. Картины изображали эпизоды Марафонской битвы, в которой афиняне одержали победу над персами, а также некоторые мифологические сюжеты. Хотя ни один фрагмент той живописи не сохранился, из литературных источников известно, что это было выдающееся явление искусства. Многие античные авторы описывали Разрисованную колоннаду как ранний образец художественной галереи, где картины были доступны для публичного обозрения. Рядом с ней стоял алтарь Афродиты, в котором, когда его извлекли из земли, обнаружили тысячи голубиных костей — в жертву богине предпочитали приносить именно голубей. На этих самых раскопках много лет назад Том и работал волонтером, и это оказалось для него отличной практикой. Копать в Афинах — все равно что врезаться в многослойный торт: начиная с античных времен это место последовательно заселялось много раз, и под фундаментами зданий, колодцев и туалетов оттоманского периода проявлялись развалины более ранних эпох. Но что самое замечательное, так это то, что благодаря древним описаниям строений, располагавшихся в этой важнейшей части города, часто оказывалось возможным идентифицировать знаменитые здания даже по скудным фрагментарным останкам. Американские археологи упорно работали здесь более семидесяти лет, и к настоящему времени большая часть классических руин Агоры оказалась рас-

копанной, а все постройки тщательно идентифицированы. Здешняя площадка представляла собой действительно грандиозный археологический парк.

Том повернулся, чтобы полюбоваться прекрасной панорамой храма Гефеста, стоящего на небольшом возвышении на западном краю Агоры. Гефестейон — самый сохранившийся храм классического периода истории Греции. Он был посвящен Гефесту, богу-ремесленнику, покровителю этой части города, где производилось множество всевозможных ремесленных изделий. Не позднее седьмого века новой эры храм был превращен в христианскую церковь, посвященную святому Георгию, видимо, поэтому его и удалось сохранить в таком отличном состоянии. В девятнадцатом веке, во времена правления первого греческого короля Оттона Первого, в нем был устроен музей, просуществовавший до 1934 года, когда было решено придать ему статус археологического памятника.

Вернувшись ко входу, Том показал охраннику удостоверение, дававшее право бесплатного доступа на раскоп и в музей, и направился к Колоннаде Аттала, второму в основном сохранившему целостность здешнему строению. Изначально она была выстроена по заказу Аттала Второго, царя Пергама, правившего между 159 и 138 годами до новой эры, в качестве дара городу — в знак признательности за образование, которое Аттал получил здесь в юности. Это было великолепное здание, служившее одновременно музеем и штаб-квартирой археологов, продолжавших здешние раскопки. Коллекция музея включала самые значительные находки афинской Агоры.

Том огляделся — нет ли поблизости этого типа в желто-коричневом костюме. «Кажется, исчез», — с облегчением подумал он и вошел в музей. Экспозиция была выстроена в хронологическом порядке. Сразу за экспонатами, отно-

сящимися к классическому периоду — пятому-четвертому векам до новой эры, — была эффектно, на мраморном пьедестале, выставлена голова Александра.

Это был весьма впечатляющий скульптурный портрет. Когда в 338 году Александр прибыл в Афины, горожане провозгласили его и его отца почетными гражданами города. Согласно литературным источникам, афиняне установили бронзовые статуи Филипа и Александра на Агоре — вероятно, в память о присвоении им почетного гражданства и в ознаменование милости, оказанной ими городу-государству. Считается, будто Александр лично позировал скульптору во время пребывания в Афинах, что позволяет предположить большое портретное сходство. Мраморный бюст, который теперь разглядывал Том, откопали в 1896 году на Акрополе, неподалеку от Эрехтейона*. Это был подлинный скульптурный портрет, выполненный при жизни Александра почти наверняка под влиянием бронзовой скульптуры, стоявшей посреди Агоры. Судя по стилю и контексту, он тоже мог быть заказан самим городом в честь великого полководца. В ознаменование победы в битве на реке Граник в 334 году до новой эры, ключевом сражении, в котором обратил в бегство персидского царя Дария, легендарный правитель послал Афинам 300 комплектов персидских доспехов из военных трофеев в качестве дара храму Афины на Акрополе. Эта мраморная голова вполне могла быть установлена афинянами в самом святилище в знак благодарности за щедрое

---

* Эрехтейон — храм Эрехтея — выдающийся памятник древнегреческой архитектуры, один из главных храмов древних Афин, расположенный на Акрополе к северу от Парфенона. Каменные кариатиды Эрехтейона, поддерживающие кровлю храма, — вероятно, наиболее известный символ афинского Акрополя. Это уникальный памятник, не имеющий аналогов в древнегреческой архитектуре.

приношение и признательности Александру за победу над персами, которые осквернили Акрополь и сожгли город дотла в 480 году.

Что особо отметил Том, глядя на волевое лицо, высеченное в камне, так это двоякий смысл, вложенный автором в созданный им образ: характерная львиная грива волос с ниспадающей на лоб челкой — и явственная аура юности. Следы красной краски на месте волос были остатками грунтовки для позолоты, которая была призвана создать эффект белокурой шевелюры. Идеализированные черты лица при глубоко посаженных глазах напоминали загадочную маску — мастер словно бы вопрошал: «А что на самом деле мы знаем об этом молодом человеке?» Портрет отражал граничившую порой с враждебностью двойственность отношения, которое испытывали к Александру афиняне на протяжении всей его военной кампании. Этот портрет разительно отличался от найденной в Дикте гораздо более поздней статуи, представлявшей Александра богом и символическим владыкой Ойкумены. Та превышающая человеческий рост статуя изображала Александра отрешенным, образ был тоже идеализированным, однако уже неземным. Здесь же Александр предстал молодым, пусть загадочным, но все еще человеком.

Том пустился в размышления о том, как далеко ушел Александр от того прибывшего в Афины восемнадцатилетнего юноши, который вынужден был на каждом шагу сталкиваться с враждебным к себе отношением и который победил несмотря ни на что. Ведь спустя всего несколько месяцев после его визита в Афины Филип женился на другой женщине, которая родила ему сына; это могло служить сигналом Александру и его матери Олимпии, что царь вынашивает иные, не связанные с ними династические планы. Тем не менее было замечательно в 2007 году,

спустя более двух тысяч трехсот лет, стоять в Афинах и видеть скульптурный портрет Александра, выполненный при его жизни. Том обошел бюст кругом и еще довольно долго разглядывал его, делая заметки в блокноте.

Выйдя на свежий воздух и остановившись под портиком Стои*, Том вздрогнул, снова увидев типа в коричневом. С сигаретой в руке, тот расхаживал перед музеем вдоль кустов азалии. На миг их взгляды пересеклись, и мужчина, отшвырнув окурок, повернулся, чтобы уйти. Том пошел было за ним, но у того было преимущество футов в пятьдесят, и как только он покинул пределы археологического парка, Том потерял его в толпе. Однако успел хорошо запомнить своего преследователя и по дороге назад подумал: что, черт возьми, происходит?

13

Все утро и первую половину дня Том провел в Библиотеке имени Блегена**. В ней была прекрасная научная секция, содержавшая уникальные книги об Александре, которые можно было найти только здесь, если не считать нескольких других, весьма немногих, библиотек мира. К концу дня, собрав вещи и положив два своих чемодана в багажник автомобиля, который он держал тут круглый год, Том направился в Пирей, чтобы сесть на паром

---

* Стоя — греческое наименование длинной крытой галереи с колоннами, защищающей от солнца и непогоды. Стоя нередко окружала агору, в ней устраивали лавки. Такого же рода галереи сооружали рядом с некоторыми античными храмами.

** Карл Уильям Блеген (1887—1971) — американский археолог, получивший известность как исследователь древних городищ Пилоса.

до Крита. Доехав до гавани, он встал в очередь таких же автомобилистов, как он сам, ожидавших сигнала посадки на паром «Минойских линий». Въехав на грузовую палубу, запарковал машину и направился к стойке стюарда-распорядителя узнать номер своей каюты. Койку он забронировал в четырехместной каюте: поскольку вещи лежали запертыми в багажнике, это было самым экономным решением. И если повезет, не придется даже делить помещение с громко храпящими критянами: туристский сезон завершился, паромом теперь пользовались в основном местные жители, и пассажиров было мало.

Том поднялся на верхнюю палубу понаблюдать за отплытием из Пирея. Взглянув на пирс, он с удивлением и раздражением заметил возле одной из швартовых тумб знакомый желтовато-коричневый костюм. Его обладатель говорил по мобильному телефону, глядя вверх на корабль и держа в руке неизменную сигарету. «Интересно, нет ли у него на борту сообщника, с которым он беседует?» — подумал Том. Похоже, этот тип сопровождал его от самых Афин, но садиться на паром явно не собирался. Матросы убирали сходни, задний люк, по которому на борт въезжали легковые машины и грузовики, уже был поднят.

Продолжая разговаривать с Оскаром Уильямсом, грек глубоко затянулся сигаретой, швырнул окурочек на землю и растер его носком туфли.

— Он сел на «Царя Миноса», который отправляется на Крит сегодня вечером. Я в Пирее, стою напротив парома. Первую остановку «Царь Минос» делает в Ираклионе, потом в Агиос-Николаосе и конечная остановка в Ситии. Я не знаю, где он сойдет.

— Зато я знаю — он сойдет в Ситии. Он едет в Дикту, будет принимать работу по консервации статуи Александра. Когда паром прибывает в Ситию?

— По расписанию — около полудня.

— Ты хорошо поработал, Манолис. Пока это все. До свидания. — Оскар Уильямс отключился и тут же нашел номер своего связного в Дикте — времени терять было нельзя. Набирая номер, он разглядывал крупные цветные фотографии головы Александра с диктейской статуи, которые распечатал с украденного у Карра компьютера.

«Вот уж действительно шедевр. Я должен его заполнить», — сказал он сам себе, ожидая ответа Георгоса.

— Георгос, это Оскар. Карр сегодня вечером отплывает на Крит. Будет в Ситии завтра к полудню. Нужно действовать быстро. Ты готов?

— Мистер Уильямс, это невозможно. Реставраторша и ее приятель ночуют на раскопе. Слишком опасно. Я не могу рисковать, меня узнают. Это слишком маленький остров, а жить в другом месте я не смогу.

— В чем дело? Я недостаточно плачу? Могу добавить... — разозлился Оскар. Исходя из своего опыта, он знал, что почти всегда все упиралось в деньги.

— Послушайте, мне очень жаль. Когда мы с вами это обсуждали раньше, речь шла только о том, чтобы украсть ее с раскопа, когда никого не будет поблизости. А теперь ситуация совершенно другая. Дело не в деньгах. Я просто не могу: меня здесь слишком хорошо знают, и о моем участии рано или поздно станет известно.

— Ладно, Георгос, твои соображения я понял. Жаль, что не могу поручить эту работу тебе. До свидания. — Оскар разъединился. «Значит, теперь у них там по ночам остаются два человека, — подумал он. — Ну и что? Это не препятствие. Эти греки из всего делают драму. Конечно, риск возрастает, но если уж вознамерился что-то сделать —

делай. Итак, план Б», — решил Оскар, листая Rolodex*. Найдя номер своего немецкого партнера, набрал его.

— Макс? Это Оскар. — Уильямс перешел на немецкий. — Я насчет того планчика, который мы с тобой как-то замыслили. Хочу его осуществить. Сделать это нужно в течение ближайших двух дней. Понимаю, что сроки слишком жесткие. Ты не раздумал? Отлично. Там два человека ночуют на раскопе в палатке, мужчина и женщина. Они не вооружены, но будь готов к тому, что они там. Нельзя допустить, чтобы они подняли шум. И помни, я не хочу никаких жертв. Это создаст ненужные осложнения. Хорошо? Надеюсь, мы поняли друг друга? Прекрасно. Дай мне знать, когда дело будет сделано.

14

На следующее утро Том встал рано и, выйдя на палубу, увидел, что паром входит в гавань Ираклиона — самого крупного города на Крите. Это — древнее поселение, согласно легенде, основанное самим Гераклом, сыном Зевса. В венецианский период, когда Ираклион был столицей острова и важным торговым пунктом на морском пути между Венецией и Константинополем, он пережил период бурного расцвета. В четырнадцатом-пятнадцатом веках Кандия** была красивым городом и благодаря пошлинам,

---

* Rolodex — вращающийся каталог с карточками, используемыми для хранения контактной бизнес-информации (название происходит от английских слов *rolling* и *index* методом смещения).

** Название Кандия (от *лат.* *Candeo* — блестящий, ослепительный) венецианцы дали захваченным ими в XIII в. двум греческим островам — Родос и Крит.

которые вжимались с судов, проходивших через нее, богатым, как и ее жители. Именно в тот период здесь была оборудована гавань и построен порт, который оказался единственной частью Ираклиона, не разрушенной массированными бомбардировками во время Второй мировой войны.

Топография Крита весьма примечательна. Остров состоит из гор и береговой линии, пунктирно прочерченной прекрасными пляжами. Гавань ограничена рукотворной дамбой, создающей тихую бухту, удобную для стоянки кораблей. Том вспомнил описание этого порта у Ивлина Во, когда в 1920 году тот совершил сюда короткий визит. Писатель рассказывал об оборванцах, перегружающих товары, в основном бочки и огромные бурдюки с местным красным вином, и тогда, и теперь представляющим собой весьма посредственный продукт, с маленьких набитых до отказа лодок на пристань. Сейчас, ранним октябрьским утром, когда паром входил в гавань, здесь было тихо; розовоперстая заря окрашивала все вокруг в красноватые тона.

Том с удовольствием провел бы утро в Ираклионском археологическом музее, разглядывая его бесценную коллекцию античных находок, но сейчас на это не было времени. С высоты палубы он наблюдал, как одни пассажиры сходили на берег, а другие поднимались на борт, чтобы проделать на пароме путь до Ситии. Пока корабль неторопливо следовал вдоль северного побережья острова, он смотрел на горы и думал о легендарной могиле Зевса. Легенда о могиле Зевса на Крите была одной из самых смутных легенд, связанных с богом-громовержцем. Архаические источники, повествующие о существовании здесь этой могилы, относятся ко времени не позднее шестого века до новой эры, когда ее посетил Пифагор из Самоса и даже написал эпиграмму под названием «Пифагор —

Зевсу», которая была высечена на камне, установленном над ней. Поэт и ученый эллинистической эпохи Каллимах из Кирены, живший в третьем веке до новой эры, упоминает о могиле Зевса на Крите в своем «Гимне Зевсу». Он обвиняет жителей острова в величайшем обмане, поскольку боги не умирают. Вероятно, именно вслед за Каллимахом святой Павел также припечатал критян лжецами.

Некоторые ученые истолковывают «могилу» как указание на то, что, изначально являвшийся смертным человеком, Зевс благодаря своим выдающимся деяниям был обожествлен после смерти — так же как впоследствии Александр Великий. Другие придерживаются той точки зрения, что поклонение культу Зевса простирается назад, в минойские времена. В этом случае могила Зевса особой загадки собой не представляет и является не туристическим аттракционом, как кое-кто думает, а кенотафом*, где в соответствии с освященной временем традицией проводились ежегодные ритуалы. В любом случае было странно, что монумент, который должен был быть весьма внушительным, с течением времени исчез без следа. Это навело Тома на мысль о семи чудесах света. Как мало осталось от них с древних времен — разумеется, если не считать пирамид Гизы. Висячие сады Семирамиды, храм Артемиды в Эфесе, статуя Зевса из золота и слоновой кости в Олимпии, Галикарнасский мавзолей, Колосс Родосский и грандиозный Фаросский, или Александрийский, маяк — все они либо исчезли совсем, либо от них остались лишь едва заметные следы.

Известно, что Александрийский маяк некогда находился на острове Фарос близ Александрии — первого и

---

* Кенотаф (от др.-греч. слов «пустой» и «могила») — надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила.

самого знаменитого города, основанного Александром Великим; в 332 году до новой эры от Александрии до острова была сооружена дамба, чтобы устроить безопасную портовую гавань. В некоторых версиях «Деяний» строительство маяка приписывается Александру Великому, хотя на самом деле оно скорее всего началось позднее, при его египетском преемнике. Вероятно, он был сооружен в то же время, что и Сомы, мавзолей Александра в Александрии. Следы фундамента маяка недавно были найдены подводными археологами в александрийской гавани. Изображения на некоторых монетах римского периода позволяют составить представление о грандиозности сооружения. Однако они не передают ощущения чуда, которое маяк, как известно, внушал современникам. Огромный луч света от отраженного в системе зеркал живого огня являл собой потрясающее для своего времени инженерное изобретение и, несомненно, производил неизгладимое впечатление на всех, кто его видел. Хотя античные авторы расходятся в оценке расстояния, коего достигал луч, все сходятся в том, что само сооружение было гигантским; видимое с моря за много миль, оно заранее оповещало приближающиеся корабли об опасности.

Глядя на синие воды Эгейского моря, Том продолжал размышлять о чудесах, созданных древними, о великих архитектурных и скульптурных произведениях античного искусства, о том, как мало от них осталось сегодня, и невольно задавался вопросом: что он найдет, когда — если — обнаружит гробницу Александра? Впрочем, сейчас об этом лучше было не думать. Если в надписи с диктейской стелы содержится информация о местонахождении гробницы, то он получит основание вернуться к этому вопросу. Уже скоро это станет ясно.

Когда паром пришвартовался в Ситии, Том, съехав с палубы по пандусу, напрямик направился через сельскую

местность к Дикте. Минут сорок пять спустя, сразу после часа дня, он остановил машину в тени критской пальмы у входа в домик археологов. Старенький «форд-фиеста», принадлежавший Евангелии, специалисту по консервации, стоял поблизости, и Том предположил, что она уже здесь. Поднявшись по ступенькам крыльца, он вошел в главную комнату, где работали реставраторы. Евангелия подняла голову от стола, на котором склеивала глиняный горшок, и, увидев Тома, тепло улыбнулась.

— Вот и вы. Добро пожаловать. — Она встала и сердечно обняла Тома. Это была маленькая женщина с оливковой кожей и коротко стриженными черными волосами. Но при взгляде на нее угадывалась какая-то внутренняя сила, контрастирующая с хрупким телосложением.

— Рад видеть вас, Евангелия. Здесь все в порядке?

— Да, мы ждали вашего приезда. Я только что вернулась с раскопа. Консервация статуи почти завершена. После обеда я все закончу. Если хотите, завтра ее можно будет осмотреть.

— Конечно, хочу. Утром у меня назначена встреча с настоятелем монастыря Топлу, но после полудня мы можем это сделать. Например, часа в два вас устроит?

— Абсолютно. Вы знаете, мы с Яннисом ночуем на раскопе, чтобы приглядывать за статуей. После летнего вторжения это представляется нелишним. Мы поставили там палатку и привезли двух моих собак. Рада сообщить, что больше попыток проникнуть туда не было. Тем не менее мне не терпится вернуться домой, как только статую увезут в музей. Романтикой я уже сыта по горло, к тому же по ночам становится холодно. — Евангелия улыбнулась.

— Уверен, что работу вы выполнили превосходно. Судя по присланным вами фотографиям, результат — впечатляющий. Музей готов принять статую?

— Да, я говорила с директором сегодня утром, статую можно перевезти в пятницу, если вы завтра останетесь довольны работой.

— Замечательно, — обрадовался Том. — Для музея это будет сказочным пополнением.

— Никос со своей командой работает в задней комнате над последними находками с раскопок в Моди. Он хочет вам кое-что показать. Думаю, вы удивитесь. У них есть предметы, которые могут оказаться для вас полезными.

Никос работал на новом раскопе возле деревушки Моди, расположенной на высокогорном плато между Ситией и Диктой. Это место они обнаружили прошлым летом во время полевой разведки. Поскольку раскопки были совместным греко-американским предприятием, разрешение удалось добыть сравнительно легко. Никос со своей командой начал копать в сентябре, всего месяц тому назад, но уже сообщил Тому по телефону, что они идентифицировали алтарь Зевса под открытым небом с изрядным количеством посвящений, в том числе явно относящихся к Александру Великому. Что особенно примечательно в найденном алтаре, так это датировка. Они еще только начали его изучение, но похоже, что позднейшее использование этого места ритуального поклонения относится к концу пятого — шестому веку новой эры, то есть к тому времени, когда и в Греции, и во всех других частях Римской империи уже давно действовал официальный запрет на языческие религии. Никос не мог рассказать по телефону все подробности, но настоятельно рекомендовал Тому лично ознакомиться с находками, тем более что тот, так или иначе, вскоре собирался на Крит.

Том прошел в заднюю часть дома археологов, где увидел человек двенадцать, стоя работавших за столами, заваленными фрагментами керамики, которые они очища-

ли и склеивали. Никос с какой-то молодой женщиной, склонившись над одним из столов, разглядывали лежавшие на нем осколки и оживленно беседовали. Никос был старым другом Тома еще по аспирантуре — высокий грек с добродушным характером, непревзойденный знаток острова и его археологической истории. Поскольку археологическая группа, работавшая в Дикте, завершила сезон, Никосу с его командой было разрешено использовать для работы это помещение.

— Добрый день! — Том подошел к Никосу и его коллеге.

— О, Том, привет! Добро пожаловать! Как приятно тебя видеть! — воскликнул Никос, хлопая друга по спине и тепло пожимая ему руку. — У тебя есть минутка? Иди сюда. Думаю, тебя очень заинтересует то, что я собираюсь тебе показать.

И он повел Тома в лабораторию консервации, где работала Евангелия. Здесь тоже стоял целый ряд столов, заваленных археологическими находками, над которыми усердно трудились специалисты. Сосуды, собранные из множества фрагментов, были погружены в ванночки, заполненные сырой чечевицей, — это позволяло только что склеенным частям высохнуть, не смещаясь, и таким образом сохранять неискаженной форму цельного предмета. В одном конце работали с металлическими находками, в другом с особой осторожностью — над романским стеклом. На одном столе в ожидании консервации лежали фрагменты мраморной скульптуры. Никос подошел к столу, где работала Евангелия, и поприветствовал ее.

— Ты не возражаешь, если я покажу Тому ту штуку, которую ты недавно закончила?

— Разумеется. — Она вытащила из-под стола пластиковый контейнер и сняла крышку. Внутри, помещенный в силиконовый гель, используемый в качестве осушителя,

чтобы поддерживать бронзу в среде с постоянной влажностью, лежал изящный бронзовый трезубец.

Том задохнулся от восторга.

— Он же в идеальном состоянии! Это с твоего нового раскопа в Модии? Неожиданно для горного святилища Зевса. Эта штука выглядит так, словно могла принадлежать самому Посейдону!

— Удивительно, правда? — Никос никогда не умел скрывать своего волнения. — Мы откопали его неподалеку от берега прошлым летом. Посмотри на эти завитки, они похожи на устрицу, если на нее капнуть лимонным соком. Словно живые. Возьми его в руки. Чувствуешь энергию?

Том взвесил трезубец в руке. Его друг был прав: от трезубца исходила какая-то энергия. Древняя жизненная сила. Древняя, но мощная, осязаемая. Дрожь пробежала по спине Тома.

— Он найден в углу основания постройки позднего минойского периода. Вероятно, сделан в середине пятнадцатого века до новой эры. Судя по тому, как хорошо он сохранился, его изготовили незадолго до того, как здание оказалось погребено. Не исключено, что им никогда не пользовались.

— Может, поэтому в нем сохранилась такая сила — словно он занесен для удара. — Том едва сдерживал восхищение. — И он такой типично минойский, правда? С этими зубцами в завитках. Художник, создавший его, вдохнул в него жизнь, такую же энергию, какую ощущаешь в маринистской керамике того же периода.

Никос улыбнулся:

— Представь себе, что я почувствовал, когда достал его из земли и осознал, что последний раз его держали в руках три с половиной тысячи лет тому назад!

Он забрал трезубец у Тома и снова поместил в контейнер с силиконом.

— А теперь иди сюда, — сказал он, переходя к другому столу, в дальнем конце комнаты. Там, на куске тонкого пенопласта, были разложены мелкие металлические предметы и осколки терракоты. — Это находки из Моды, которые я и хотел тебе показать. Признаюсь, было неблагоразумно с моей стороны сначала демонстрировать трезубец. Эти не идут с ним ни в какое сравнение. В ремесленном смысле они сработаны весьма грубо, но прежде чем что-либо говорить, хочу, чтобы ты на них взглянул.

Том подошел к столу и посмотрел на кучку маленьких медалей. Некоторые были круглыми, другие овальными. Похоже, сделаны они были из бронзы. Одна, сильно изъеденная ржавчиной, походила на серебряную или, возможно, свинцовую. На их плоских поверхностях был выбит рельефный портрет Александра Великого. Надпись над головой гласила — «Megas Alexandros» — «Александр Великий». В верхней части каждой медали было отверстие, чтобы ее можно было повесить на шнурок и носить на шее.

— Позднероманские медали Александра! Я видел похожие, они ходили на антикварном рынке. Их часто использовали как талисманы, приносящие владельцу удачу. Эти предметы наряду с тем, что мы читали в «Деяниях», свидетельствуют о непрекращающейся славе Александра как народного героя. Но я никогда не слышал, чтобы подобные вещи находили в таком религиозном археологическом контексте, как твой.

Никос взял одну монетку и поднес к свету.

— Это бронзовая монета шестого века до новой эры, отчеканенная в Итаносе.

В позднероманские времена Итаносу, крупнейшему из близких к Дикте городов, святилище Зевса принадлежало до того момента, как оно было разрушено в конце четвертого века нашей эры. Руины прекрасной христианской базилики шестого века до сих пор стоят на месте этого святилища, располагавшегося на обращенных к морю склонах двух примыкающих друг к другу холмов.

— Мы нашли ее среди кучки медалей неподалеку от центрального открытого алтаря. Это позволяет датировать их *terminusantequem** концом шестого века новой эры.

Том внимательно осмотрел монетку. Она была сильно потертой, но, поднеся ее к свету, он смог разглядеть рельефный портрет императора и надпись на лицевой стороне. На реверсе была изображена мужская фигура во весь рост в кирасе. Он с трудом разобрал название города: Итанос.

— Как тебе известно, когда Крит стал римской провинцией в начале первого века до новой эры, его столицей была избрана Гортина, расположенная к северу от Кносса. Остров представлял собой важный перевалочный пункт на торговом пути между Римом и Ближним Востоком, а также Египтом. И когда в 395 году Римская империя была разделена, Крит естественным образом отошел к ее восточной части. — Прежде чем продолжить, Никос взглянул на Тома. — Ты бывал в маленькой заброшенной деревушке на горном плато у подножия Моды? Наш раскоп — неподалеку оттуда, с другой стороны горы.

Том кивнул. Он знал местность, о которой говорил Никос. Моды была самой впечатляющей из трех горных вершин, расположенных вблизи Дикты. Во времена Оттоманской империи заброшенная деревушка, которую

---

* *Terminusantequem* (лат.) — датировка предела, раньше которого создано произведение.

имел в виду Никос, находилась на главной пешеходной тропе, связывавшей Дикту и Ситию, и вплоть до середины двадцатого века, пока там не построили дорогу, оставалась глухоманью. Том не раз ходил по этой тропе, прогулка занимала несколько часов. Моды — самое подходящее место для святилища Зевса, подумал он. Горы здесь образовывали почти идеальный конус, доминировавший над пейзажем на много миль вокруг.

— Бывал и не раз, — ответил Том. — От Дикты туда — прекрасная пешая прогулка. Никогда не забуду, как, приближаясь к этой заброшенной деревеньке как-то жарким летним днем, увидел пастуха, сидевшего под гигантским платаном, похожим на тот, в Гортине, под которым Зевс соблазнил Европу. — Он рассмеялся. — Пастух заметил меня, когда расстояние между нами было еще с полмили, и продолжал наблюдать за моим приближением не шелохнувшись. У его ног сидела собака, вокруг бродили козы, оглашая горный воздух чудным звоном своих колокольчиков, разносившимся по всей долине. Когда я подошел к тому месту, где он сидел — а это было самое тенистое место в округе, — он сказал: «Привет», и я с улыбкой ответил ему: «Привет». — Том замолчал, улыбнувшись воспоминанию. — Это была полная противоположность Нью-Йорку, где я тогда уже жил. Два одиноких незнакомца встречаются на древней тропе в горах и обмениваются приветствиями. Пастуху было интересно, какого черта я делаю в такое время на такой верхотуре, поскольку ни одному греку не придет в голову тащиться в гору в разгар жаркого дня, но он не хотел показаться излишне любопытным и невежливым. Обыкновенно лишь пастухи да охотники рискуют забираться в такую глушь.

Никос рассмеялся:

— Да, пока копали, мы почти никого там не видели. Рабочих мне пришлось нанимать в Русса Экклезиа, это

самая ближняя деревня, но и она расположена довольно далеко. Итак. Пока мы сумели определить лишь *temenos** — он ограничен огромными прямоугольными камнями с высеченным на них именем Зевса. В центре этого священного места стоит открытый алтарь, сделанный из ранее использованных тесаных блоков и плитняка. Откуда они брали использованные блоки, я не знаю, возможно, те могут оказаться даже минойскими. Поверхность алтаря достаточно велика, чтобы на ней мог уместиться целый бык. Животные останки пока еще в процессе изучения, но мы нашли большую кучу костей, многие из них обуглены и несут на себе явные следы убийства — на костях сохранились зарубки. Кости принадлежат быкам, коровам, козам, овцам и свиньям. В жертву, очевидно, приносили разных животных и, похоже, съедали их там же, на месте — вероятно, во время празднеств в честь богов. Мы нашли также кубки и чаны. Я еще не все выкопал, но ты можешь в следующий раз приехать туда, я тебе все покажу. — Поглядев на Тома, Никос продолжил: — Мы знаем, что восточный Крит был населен этео-критянами, старейшими, постоянно жившими на острове племенами. Есть свидетельства, что они обитали здесь еще в так называемые темные века — с одиннадцатого по девятый до новой эры. Презос, например, стал главным городом в последующие — геометрический и архаический — периоды. Этео-критяне были известны приверженностью старым традициям, некоторые из них уходят в глубину минойских времен. Твое святилище, посвященное Зевсу Диктейскому, несомненно, было самым важным центром культа Зевса в восточной части острова в течение более тысячи лет, вплоть до четвертого века новой эры, как по-

---

* *Temenos* (греч.) — участок земли вокруг храма, священное, оберегаемое место.

казали твои недавние раскопки. А это новое, открытое в Моди святилище, с моей точки зрения, особенно интересно тем, что доказывает: поклонение Зевсу продолжалось и после официального запрета языческих культов Феодосием и дожило до эпохи поздней античности.

Сделав паузу, Никос спросил:

— Ты ничего не сказал насчет терракотовых приношений. Есть мысли?

Он бросил лукавый взгляд на Тома и многозначительно улыбнулся, что заставило того присмотреться внимательно. Осколки были сильно потертыми, материал — фрагментарным и лишенным какой бы то ни было детализации, краски большей частью исчезли. Но приглядевшись, Том начал различать разные части тел животных и людей. Особенно привлек его внимание один осколок. Он поднес его к свету, ощущая под пальцами шершавую текстуру глины. Головы и ног не было, частично сохранились только торс и руки. Судя по отсутствию груди и прическе, фигура была мужской. Руки согнуты в локтях, пальцы сжаты в кулаки и прижаты к груди.

— Поза очень похожа на позу нашей минойской статуэтки из золота и слоновой кости. — Теперь сходство бросилось в глаза и Тому.

— По такому фрагменту трудно судить наверняка, но предположение заманчивое. Сходство действительно поражает, — согласился Никос. — Надеюсь, нам удастся найти другие части фигурки, когда мы изучим все выкопанные осколки и будем готовить материал к публикации. Ну ладно, у тебя ведь на все про все несколько дней и ты устал с дороги, так что не буду тебя больше задерживать.

— Никос, спасибо тебе. Все это просто изумительно, поздравляю! Возвращайся к своей работе. Мы наверняка еще увидимся.

Когда Никос отправился назад в свою мастерскую дома, Евангелия подошла к Тому:

— Я очистила и то основание статуи, которое было встроено в римскую стену, — помните, ее руины нашли на фермерском участке у моря? Если хотите посмотреть — пожалуйста.

— Превосходно. Дайте только захвачу свои вещи. — Том направился к машине и через минуту возвратился с чемоданчиком. Евангелия повела его к огороженной площадке позади дома археологов.

— Его нетрудно было очистить. Надпись прекрасно сохранилась.

Том опустился на колени перед основанием статуи. Оно было обнаружено в конце сезона во время раскопки позднеримской стены неподалеку от святилища. Достав из чемоданчика кисточку, Том стряхнул пыль с поверхности и пробежался пальцами по надписи. Основание статуи с изящно вырезанными буквами, расположенными на строго одинаковом расстоянии друг от друга, относилось к позднему периоду четвертого века до новой эры, хотя археологический контекст, в котором оно было найдено, датировался более поздним временем. Основание было отделено от бронзовой статуи, которая, возможно, пошла на переплавку, и использовано повторно в качестве материала при постройке стены в позднеримский период.

Судя по надписи, эта глыба в свое время служила пьедесталом статуи, посвященной критянину, одному из полководцев Александра Великого, Неарху. Неарх происходил из Лато, маленького городка в горах северо-восточной части острова неподалеку от Агиос Николаоса. Том хорошо знал древний город Лато: закаты, которые он наблюдал с тамошнего раскопа, запомнились ему как одно из самых прекрасных зрелищ, виденных в жизни.

Основание статуи, которое сейчас лежало перед ним, интересовало его по двум причинам. Неарх был одной из самых приближенных к Александру персон. Как командующий флотом, он описал их бесславную экспедицию по реке Инд, и его отчет, хоть он и не сохранился, стал главным источником информации для более поздних текстов, многие античные авторы ссылались именно на него. Когда Александр с огромными трудностями пересек пустыню и вернулся в Вавилон сухопутным путем, Неарх повел остатки армии морем вдоль северного побережья Индийского океана. О том, что делал Неарх после смерти Александра, известно мало. Однако найденное основание статуи свидетельствовало, что он добрался до Крита и заказал собственную статую как приношение богам в благодарность за благополучное возвращение. Статуя была посвящена Зевсу Диктейскому и почти наверняка изначально стояла в том диктейском святилище, которое теперь раскапывал Том. Каким образом ее пьедестал оказался встроеным в римскую стену спустя сотни лет, можно было только догадываться, хотя такое повторное использование строительного материала в те времена не было диковиной. Эта находка, во-первых, была осязаемой, пусть и не прямой, связью со временем жизни Александра и, во-вторых, представляла собой еще одно свидетельство важности относящегося к позднему периоду четвертого века до новой эры храмового комплекса в Дикте, посвященного Зевсу.

Том переписал в блокнот надпись на основании статуи, сделал несколько снимков и кое-какие заметки. Вроде бы не успел и оглянуться, а времени было уже четыре часа. Пришел Никос, посмотреть, как у него идут дела.

— Ну что? — спросил он.

— Потрясающе. Я только что закончил. Это действительно очень важная находка для истории диктейского святилища, ведь на ней — посвящение от реального ис-

торического лица. Как ты знаешь, Неарх был одним из самых доверенных соратников Александра. Судя по начальным словам надписи, вероятно, он сам заказал бронзовую скульптуру в полный рост. Как жаль, что от самой статуи ничего не осталось, но это неудивительно. К тому времени, когда основание было встроено в стену, саму статую — предположительно — уже переплавили и использовали металл для других нужд. — Том показал Никосу углубления, в которых скорее всего были закреплены ноги статуи — на камне отчетливо просматривались контуры ступней.

— Знаешь, я всегда считал, что культ Александра Великого на Крите основали Птолеми, правившие в те времена этой частью острова. Но, исходя из этого нового свидетельства, не могу не задаться вопросом: нет ли здесь личной связи с Неархом? Он вполне мог стоять у истоков создания культа. Как минимум принял в нем самое заинтересованное участие.

— Да, меня несколько не удивляет, что Александр Великий назначил командующим своим флотом критянина, — согласился Никос. — Критяне всегда славились как умелые мореплаватели, и вполне возможно, что Неарх захотел отдать дань памяти своему главнокомандующему и другу, когда ушел на покой и вернулся на Крит.

Никос распрощался с Томом, его рабочий день на сегодня был закончен.

А Том обратился мыслями к работе, которая ему предстояла. Что прочтет на стеле Артуров «Красный фантом»? Откроет ли камень тайну изначальной надписи, или все следы стертых слов исчезли навсегда под разрушительным действием времени? А может, будет что-то среднее: из надписи станет понятно чуть больше, но не все, и придется строить догадки. Эта мысль волновала его, и у него было предчувствие, что впереди — важное открытие.

15

Во второй половине дня Том предался сиесте. Обычно он снимал жилье в городе, но сейчас, по окончании сезона, в доме археологов имелась свободная комната, там он и устроился. Этот дом был чудесным старинным традиционно критским каменным строением, которое некогда служило маслодавильней, а после в течение долгого времени — пристанищем для семейства коз. Начавшиеся раскопки привлекли сюда команду энергичных студентов-волонтеров, которые помогли расчистить дом, а нанятые по контракту местные рабочие тщательно восстановили его, создав жилые и служебные помещения, к тому же разбили очаровательный сад. Таким образом, возникла удобная обстановка для работы и быта археологической партии; во время сезона раскопок, когда дом населяло большое количество людей, здесь царила приятная атмосфера.

Том распаковал вещи, принял душ и переоделся к вечеру. Потом прошел на кухню, налил себе стакан воды из холодильника и, усевшись на веранде, с удовольствием ее потягивал. Он не хотел нигде засиживаться допоздна, однако решил пройти пешком до ближайшей деревни Хиеронеро — пропустить стаканчик и перекусить в одной из тамошних таверн. Никого из местных знакомых о своем приезде он не предупреждал, но в таких местах новости разносятся быстро.

Когда он шел по дороге в Хиеронеро, сзади раздался автомобильный гудок. Поравнявшись с Томом, машина остановилась, продолжая урчать мотором.

— Привет, друг! — крикнул водитель потрепанного старенького пикапа.

Том присмотрелся, и его лицо расплылось в улыбке.

— Привет, старина, как поживаешь? — воскликнул он по-гречески. — Я направляюсь к Барбояннису выпить. Увидимся там?

— Да, буквально через несколько минут, — ответил мужчина, снова трогаясь с места.

Том продолжил свой путь, вдыхая свежий деревенский воздух и любуясь пейзажем, который выглядел сейчас гораздо свежее и зеленее, чем летом. Он перешел через мостик над высохшим руслом, которое наполнялось водою только весной, и вошел в деревушку. Хозяин местной ракийной Кириос Барбояннис сидел за деревянным столом в центре зала, болтая с мужчиной, зашедшим купить сигарет.

— *Ahhh, Palaikari, kalosorizete!* — затрубил он своим сиплым зычным голосом. Это было традиционное критское приветствие. «*Kalosorizete*» означает «пусти здесь свои корни и останься с нами».

Том тепло пожал старику руку, прежде чем сесть за центральный стол в ожидании своей очереди. Пока хозяин разговаривал с посетителем, он оглядел небольшой зал. Это было действительно крохотное квадратное помещение. Кроме относительно небольшого центрального стола по трем углам располагались столики еще меньшего размера и маленькая толстопузая печка с плоской крышкой у задней стены — для приготовления пищи. Стулья были традиционные для таких таверн — с плетеными тростниковыми сиденьями и спинками, сделанными из светло-коричневых перекладин оливкового дерева. Платановые столешницы опирались на зеленые — в цвет нижней части стен — ножки. Верхняя часть стен и потолок были ослепительно белыми, как и наружные стены дома. У двери, ведущей в жилые комнаты Барбоянниса и его жены Георгии, стоял огромный холодильник. Между дверью и холодильником висел телефон с круглым диском.

Когда в 1988 году Том впервые приехал в Дикту на трехмесячный — с начала марта по конец мая — сезон раскопок, это был единственный общественный телефон во всей деревне. Более того, он был единственным средством связи и для всех близлежащих деревень, поскольку ни в одной из них телефона не было. Теперь, когда у всех есть мобильные и на другом конце селения установлен еще один общественный аппарат, телефоном в ракийной пользовались крайне редко. Он стал персональной линией связи Барбоянниса и Георгии.

На другом конце ракийной находилась маленькая кухня, где хозяин мыл стаканы, разливал раки и готовил *мезе**, которое подавал с графином раки. В кухне было маленькое окно — единственное во всем помещении, занавешенное кружевной занавеской, чтобы Борбояннис, пока готовил закуски, видел, что происходит снаружи. В угол на высокой подставке был втиснут телевизор. Том вспомнил, что в 1989 году, когда его установили, Георгия закрывала пульт управления толстой пластиковой пленкой, чтобы защитить от мелкой красной пыли, которая в Дикте проникает повсюду, особенно в летние месяцы, когда дует *мелтеми* — летний ветер. Туалет находился снаружи, за домом, и был самым примитивным из когда-либо виденных Томом, он был встроен прямо в естественную скалу. Расщелину-вход вполне можно было принять за вход в подземный мир.

Наконец посетитель, пришедший за сигаретами, отбыл, и Барбояннис повернулся к Тому. Похлопав его по спине, он сказал по-гречески:

— Рад видеть тебя, Том. Что привело тебя сюда в такое время года? Мы не знали, что ты приедешь.

---

* Мезе — в Западном Средиземноморье это набор закусок или маленьких блюд, подаваемых с напитками, такими как арак, узо, раки или различными винами.

Том ответил тоже по-гречески:

— Нужно кое-что изучить на раскопе. Я ненадолго, всего на несколько дней. В пятницу улетаю в Рим.

— Итак, что будешь пить? — спросил Барбояннис тоном завязанного бармена. — У меня есть раки этого года, прямо из казана. Думаю, тебе понравится. — Барбояннис славился своим раки и тщательно оберегал секрет его приготовления. В это время года здесь все гнали домашнюю водку в собственных дистилляторах, которые называли казанами, винокурни обычно устраивали в горах.

Том заказал *карафачи* — маленькую бутылку и попросил две стопки.

— Ахиллес будет здесь с минуты на минуту, — объяснил он.

И действительно, вскоре, широко улыбаясь, в дверях показался Ахиллес. Том встал, они обнялись, потом уселись за стол, чтобы насладиться раки и беседой, наблюдая закат. Время от времени по узкой дороге, проходящей перед скромным деревенским баром, проползала машина. В остальном же благословенную вечернюю тишину нарушали лишь звуки деревенской жизни да птицы, певшие в оливковых деревьях, окружавших дом.

— Рад видеть тебя, Том, — сказал Ахиллес, поднимая стопку и провозглашая традиционный критский тост: «*Stigeiamas*».

Том стукнул дном своей стопки по столу, потом поднял ее, ответил тем же тостом, означавшим «за наше здоровье», и отпил добрый глоток бодрящего алкоголя, который согрел горло, после чего они с Ахиллесом продолжили беседу по-гречески.

— Что ты делаешь здесь в такое время года? Надолго приехал? Если на несколько недель, можем устроить отличную утиную охоту. Я знаю идеальное место, там утки останавливаются на пути в Африку. Как известно, задер-

живаются они здесь всего на три дня, так что надо ловить момент, но я провел кое-какую разведку и видел, что несколько птиц уже прилетело. Думаю, в этом году их будет много.

Раки Барбояннис подал вместе с мезе — широким блюдом, полным разных закусок, и тарелкой сырых помидоров и огурцов, нарезанных ломтиками и посыпанных морской солью. В Греции алкоголь никогда не подают сам по себе, его всегда сопровождают какой-нибудь едой.

— К сожалению, я приехал всего на несколько дней. Мечтал бы посмотреть перелет диких уток. Знаешь, в минойской настенной живописи он использовался в качестве одного из сюжетов. Видимо, и тогда пути сезонной миграции уток пролегли здесь. Особенно прекрасна нильская сцена, найденная в Акротири, на Санторине, утки там изображены очень реалистично. Думаю, художник рисовал их с натуры. — Том заглянул в глаза Ахиллеса, ожидая реакции, но у того был непроницаемый взгляд завязанного покериста. — Я привез новое специальное оборудование для исследования стелы, которую мы обнаружили летом перед малым храмом Александра Великого, — продолжал Том. — Часть надписи на ней стерлась, и я надеюсь, что это приспособление поможет восстановить не читаемые невооруженным глазом фрагменты. Завтра еду на раскоп. Результат должен быть получен сразу же, поэтому нет нужды задерживаться. Да и консервация статуи Александра практически закончена. Так что, боюсь, в этом году утиную охоту мне придется пропустить. А как прошло открытие заячьего сезона? Твой новый пес хорошо себя зарекомендовал?

Ахиллес держал двух превосходных охотничьих собак местной критской породы, одной из старейших в Европе. Минойцы охотились с такими более четырех с половиной тысяч лет назад. Несколько минойских собачьих предков

было найдено в историческом пласте позднего бронзового века. Собаки были поджарыми, мускулистыми, с отличным нюхом и острым зрением, словно являлись воплощениями Анубиса, египетского бога с собачьей головой. На охоте они были очень резвы и, что неудивительно, напоминали классическую греческую породу охотничьих собак.

— Он еще молод, но проявил себя прекрасно, — улыбнулся Ахиллес. — Принес мне двух отличных зайцев. Ты же знаешь, это мой любимый спорт. Собаки вели себя потрясающе. Они обожают охоту так же, как я. Видел бы ты их! Берут след зайца и преследуют его, как те самонаводящиеся тепловые ракеты, которые показывают в военных американских фильмах. Стоит им засечь цель — и считай, что мишень поражена.

— С другими охотниками проблем больше не возникает? — поинтересовался Том. Ахиллес в равной степени был известен и как превосходный собаководчик, и как страстный охотник-спортсмен, поэтому между ним и некоторыми другими охотниками из соседних деревень шло острое соперничество. Дважды его собак травили гнилым мясом — мучительная смерть для животных и конец охотничьего сезона для их хозяина.

— Нет. Я теперь гораздо осторожней, никого не подпускаю к собакам.

— Случилось ли что-нибудь новое с тех пор, как я был здесь последний раз в августе? — спросил Том, наливая по второй стопке раки из маленькой бутылки.

— Это — от меня, — подошел Барбояннис, ставя на стол тарелки с печеной картошкой и охотничьими колбасками — сезонным блюдом, подаваемым только в это время года.

— Вообще-то не так давно случилось нечто странное и трагическое. — Ахиллес сделал паузу для большего эф-

фекта и для того, чтобы Том успел наполнить стопки. — Старая пастушка из деревни, Даная, может, ты ее помнишь, погибла несколько недель тому назад. Она прожила необычную жизнь. В детстве, когда ей было всего шесть лет, она потеряла всю семью, все они утонули во время шторма, перевернувшего лодку. Девочку взяли на воспитание тетка и дядя. Она ухаживала за их овцами и большую часть жизни проводила со стадом на пастбище.

— Да, конечно, я помню ее, — сказал Том. Пастушество было необычной для женщины восточного Крита профессией. Почти все местные пастухи были мужчинами.

— Говорят, в молодости, задолго до моего рождения, она была очень красива. Но проведя столько времени в одиночестве, немного одичала, и никакой мужчина не сумел ее приручить. Она никогда так и не вышла замуж. Ходили слухи, будто она язычница, потому что редко — чтобы не сказать вообще никогда — посещала церковь. В нашей маленькой деревушке на такое вызывающее несоблюдение религиозных обычаев смотрят косо. Поговаривали также, что она была жрицей Зевса и, находясь в горах со стадом, исполняла странные ритуалы жертвоприношения животных. Разумеется, сам отчасти будучи пастухом, я ни на йоту не верю этим слухам. Думаю, это всего лишь домыслы суеверных селян, которые любят посудачить на подобные темы. Хотя она действительно любила носить ярко-синие одежды с золотой каймой и с возрастом стала все больше выделяться из среды своих сверстниц, которые большей частью были вдовами и одевались только в черное.

Том всегда считал эту традицию слишком суровой, тем более что в Греции женщины в основном живут гораздо дольше мужчин. В любом случае ему представлялось несправедливым, что мужчинам предписывалось носить

траур только три года после смерти супруги, а женщинам — до конца жизни.

— Даная, как я уже сказал, никогда замужем не была, и поэтому обычай не требовал от нее ходить в черном. Но согласно старинной традиции, то, что она так и не нашла себе мужа и не имела детей, считалось ее большим несчастьем, которое усугубилось странной и трагической смертью. — Ахиллес снова сделал паузу, допил свой раки и еще раз наполнил стопки. — Собирая фиги вдали от дома, она упала в заброшенный колодец, но выжила — в свои семьдесят она все еще была женщиной сильной. Несколько дней звала на помощь. Кое-кто из туристов позднее вспоминал, что слышал ее крики. Колодец находится неподалеку от старой подсобной дороги на задах Кастри, которая ведет к берегу. Но туристы не могли понять, откуда доносятся крики. В конце концов она сдалась и умерла. Тело нашли через неделю после ее исчезновения. Станный и очень печальный конец. — Слушая, Том вспоминал эту энергичную женщину. — Но кое-что еще более странное произошло через семь дней после обнаружения тела. Случилась страшная гроза. Обычно в начале октября здесь не бывает гроз с проливными дождями, поэтому фермеры очень обрадовались. А после грозы один из них обнаружил, что большая часть его стада пропала. В плохую погоду овцы, бывает, прячутся в пещерах. Поначалу фермер заподозрил, что недостающих животных украл у него какой-нибудь конкурент, такое в наших краях иногда случается. — Ахиллес глотнул раки и подмигнул Тому.

Возможно, в свое время он и сам увел у соседей немало овец, подумал Том, поднимая стопку.

— Но овец нашли при страннейших обстоятельствах неподалеку от вершины Петсофы, рядом с руинами горного минойского святилища, — продолжил Ахиллес. — Их поразило молнией. Ничего подобного я в жизни не видел:

восемь овец и два больших барана были обутлены. Я сам ходил смотреть. Люди начали говорить, что это Зевс требовал десятину за потерю своей жрицы. Можешь себе представить, что сказал наш священник, услышав это? — Ахиллес снова наполнил стопки и кивнул в сторону церкви, маленький купол которой виднелся через дверной проем. — В этих языческих разговорах он, разумеется, увидел козни дьявола. Помнишь, как в две тысячи четвертом году он отнесся к твоей затее провести на раскопе языческую церемонию?

— Да, хотя затея была абсолютно безобидной, — заметил Том.

Летом 2004 года, как раз накануне возвращения Олимпийских игр в Грецию впервые после того как они возродились в современном виде в 1896 году, Олимпийский огонь был пронесен через остров. Местные жители мечтали, чтобы путь огня прошел и через Дикту, но Олимпийский комитет постановил, что достаточно будет ему побывать в близлежащей Ситии. Бегуном, которому доверили нести факел, был критянин, завоевавший золотую медаль на Играх 1948 года. Он выглядел старше Мафусаила и бежал со скоростью улитки. Выбор был очень трогательным, но было понятно, почему Олимпийский комитет сократил ему дистанцию, не доведя до Дикты.

Так или иначе, археологи вместе с местными жителями решили провести свои олимпийские торжества. Они организовали представление в честь Зевса Диктейского, сопровождавшееся музыкой и последующим минойским празднеством на раскопе. Подготовка шла очень весело, пока об этом не прослышала церковь. Она бойкотировала праздник и всячески отговаривала местных жителей от участия в нем. Том считал тогда, что это перегиб, но потом разговоры о современных язычниках, практикующих свои ритуалы в Греции и в других местах, участились. Их рели-

гию здесь называли эллинизмом, а последователей, как оказалось, у нее насчитывались десятки, если не сотни тысяч человек. В прошлом году им даже удалось получить в Греции официальное признание в качестве культурной ассоциации. Это и взбесило православный клир. Теперь Том понимал, почему в свое время так ополчились против его затеи местные священники.

— Ну так вот, люди до сих пор не оправались от потрясения, вызванного мистическими обстоятельствами гибели Данаи — упокой, Господи, ее душу — и последующей грозой. Вот уже месяц в деревне только и разговоров что об этом. Проходя мимо, все крестятся сами и осеняют крестным знамением ее дом — ты ведь знаешь его, тот, что построен на старом минойском фундаменте в конце улицы, на краю деревни.

— Какой страшный конец и как печально сознавать, что ее можно было спасти. А о том, что в Петсофу ударила молния, я ничего не слышал. Святилище ведь находится даже не на самой вершине. Очень странно. Тебе же известно: в классический период греки верили, что каменные топоры эпохи неолита — это оставшиеся на земле физические следы ударов молнии. В Дикте их найдено множество.

— Да, я сам нашел один такой несколько лет назад. Помнишь? И передал его в отдел древностей местного археологического музея, — сказал Ахиллес.

— Да-да, я и забыл. Это был чудесный экземпляр, сделанный из характерного светло-зеленого камня, который, судя по всему, был в ходу в ту эпоху. Мы все еще не знаем, где его добывали. В этой местности находят немало свидетельств того, что в эпоху неолита здесь существовало человеческое поселение, и, похоже, те люди поклонялись богу-громовержцу Зевсу в его диктейском святилище.

Вечер тянулся очень приятно, и после еще одной бутылки раки и нескольких полных вкуснейшей еды тарелок, которые не уставал подносить Барбояннис, Том понял, что сыт и нет нужды идти куда-нибудь ужинать. В конце концов он решил, что пора прощаться.

— Ну, друзья, мне завтра рано вставать. У меня утром встреча с настоятелем монастыря Топлу: хочу посмотреть одну старинную книгу, которая хранится в их собрании. А к полудню надо быть на раскопе.

— Я был очень рад повидать тебя, Том. Удачи тебе в твоём исследовании и кланяйся от меня настоятелю, — сказал Ахиллес, подмигнув. Он не был особо ревностным приверженцем греческой православной церкви, хотя верил в Бога и во многие природные чудеса.

Том расплатился с Барбояннисом и пошел обратно к дому археологов, в свою комнатку рядом с кухней. Ночь выдалась ясной, звезды, в Дикте всегда особенно яркие, заполонили все небо. Завтра — большой день, подумал Том. Он надеялся, что устройство, которым снабдил его Артур, сработает, позволит прочесть больше текста на стеле и, быть может, приоткроет тайну местонахождения усыпальницы Александра. Прежде чем отправиться спать, он заглянул в церквушку Святого Стефана, располагавшуюся рядом с домом археологов, чтобы поставить свечку и помолиться за удачу.

16

Следующий день начался с прохладного прекрасного утра — такие выдаются на Крите в октябре. По дороге в монастырь Топлу Том опустил стекла, чтобы впустить в машину ветерок. Дорога шла параллельно берегу, но вда-

ли от него, так что море появлялось в поле зрения лишь изредка. В окружающем пейзаже доминировали следующие одна за другой горы восточного Крита с типичной для здешних краев растительностью. Это была сельская местность, и земли, начинавшиеся сразу за долиной, в которой расположена торговая гавань Дикты, принадлежали монастырю. Вскоре Том доехал до развилки, отходившая под прямым углом вправо дорога вела к пляжу возле Вая. Том повернул туда. До встречи с настоятелем оставалось время, и он решил быстренько искупаться, что должно было его освежить.

Вай представлял собой исключительную достопримечательность — единственную в Европе естественную пальмовую рощу. О возрасте и происхождении ее существовало немало противоречивых предположений. Долгое время считалось, что эти пальмы завезли на остров римляне или арабы, однако потом выяснилось, что это эндемичный подвид. Пальмы необычайно высоки и восхитительно красивы, поэтому роща выглядит как островок тропиков.

Сейчас, когда туристский сезон закончился, пляж будет абсолютно пустым, подумал Том. Вскоре он уже ехал вдоль рощи, которая простиралась на несколько сотен метров от берега, — настоящий пальмовый лес. От пляжа он был отгорожен забором и сохранял свой первозданный вид. На многих самых высоких деревьях нижние ветки увяли и обвисли. Корневые побеги дали жизнь похожим пока на кусты молодым пальмам, которые взрастали в густой тени старых, зрелых деревьев.

Когда Том подъехал к автомобильной стоянке, в каске никого не оказалось, и все пространство грунтовой парковки было пустым. В такую рань здесь, как и предполагал Том, не было ни души. Он припарковался у самого входа на пляж, достал из багажника полотенце и пошел

по деревянному настилу, доходившему до самой воды. Там скинул мокасины и босиком побрел вдоль моря по мельчайшему белому песку. Дойдя до середины пляжа, расстелил полотенце и разделся. Берег в обе стороны был совершенно безлюден. Том забежал в воду; когда она дошла ему до пояса, нырнул и доплыл под водой до глубины, где ноги не доставали дна. Прохладная вода бодрила и приятно освежала. На море царил полный штиль, поверхность воды была гладкой, по греческому выражению, как оливковое масло. Том полежал на спине, глядя в безоблачное небо. Потом, дважды проплыв из конца в конец пляжа, вышел из воды, вытерся полотенцем и снова оделся. Прекрасное начало дня. Теперь он почувствовал голод и вспомнил о маленьком кафетерии в магазинчике на Топлу, где перед встречей с настоятелем можно будет полакомиться свежим йогуртом с медом.

Он ехал по петляющей дороге, ведущей к монастырю, теперь она круто поднималась в гору. На верхней точке подъема была площадка, откуда, взглянув назад, можно было увидеть гавань Дикты, а в противоположном направлении — величественный силуэт Драгонера, необитаемого скалистого острова, где в конце лета выводят птенцов колонии соколов.

Вскоре Том миновал небольшую каменную церковь с двумя апсидами и добрался до края широкого горного плато, на котором стоял монастырь. Прежде чем сделать резкий поворот, он остановил машину в месте, откуда открывался вид, захватывавший дух. «Топлу» на старом турецком означает «пушка». Монастырь назван так в память о пушке, которую монахи установили здесь в семнадцатом веке для защиты от мародерствующих визитеров. Впервые монастырь был построен в конце пятнадцатого века и посвящен Покрову Пресвятой Богородицы. Один монах наткнулся на чудотворную икону Пресвятой

Богородицы в пещере неподалеку и решил устроить там пристанище.

Том окинул взглядом напоминающий крепость монастырь, живописно расположившийся посреди виноградников и оливковых рощ. Для здешних монастырей это было типичное окружение, хотя Том не мог припомнить ни одного, который был бы так хорошо виден издали. В свои лучшие времена монастырь насчитывал более дюжины монахов, которые жили в нем и возделывали поля. Теперь здесь монашествовало лишь несколько братьев, а в сельских трудах им помогали миряне из окрестных деревень. Том бывал в прославленных монастырях на святой горе Афон и в метеорских на севере Греции. Посещал также и знаменитый монастырь Святого Иоанна Богослова на Патмосе. Но с его точки зрения, Топлу, хоть его история и менее известна, представлял собой ничуть не менее впечатляющий образец аскетического и истинно религиозного образа жизни.

Въехав на плато, Том оставил машину возле небольшой каменной церкви и отправился в кафетерий завтракать. Он заказал вкуснейший густой греческий йогурт, политый тимьяновым медом — и то и другое монастырского изготовления, — двойной греческий кофе с кусочком сахара и свежавыжатый апельсиновый сок, занял низкий турецкий столик в прохладной тени и принялся за трапезу, любуясь фиолетовыми бутенвиллеями, каскадом ниспадавшими с крыши, и всевозможными кактусами в горшках, живописно расставленными вокруг столиков. Покончив с завтраком, он расплатился и спросил у прислуживавшей в кафетерии женщины:

— Уважаемая, вы не знаете, где сейчас можно найти настоятеля? У меня на девять часов назначена с ним встреча.

— Не может быть, сэр. Вы, наверное, ошиблись. Настоятеля сегодня здесь нет. Он сейчас в пути. Но вы можете повидаться с братом Стелиосом. Уверена, он вам поможет. Сейчас он на утренней молитве, но вы можете подождать здесь или в церкви. Он обычно заканчивает минут в пятнадцать десятого.

— Вот как? Хорошо. Зайду пока в церковь. Может, это пойдет мне на пользу.

Том с улыбкой поблагодарил женщину и направился к главному монастырскому корпусу.

Пройдя через двойную дверь в передний двор, миновав сувенирную лавку и просторную приемную, в которой настоятель обычно встречался с официальными посетителями, он подошел к главному входу, именовавшемуся Колесными воротами. Ворота были тяжелыми и открывались с помощью приводного колеса. Том остановился, чтобы полюбоваться искусной работой. Резьба по камню над притолокой изображала крест и дельфина, а над ними имелась «убойная дыра», через которую монахи в свое время выливали кипящее масло на головы незваных посетителей. Во времена венецианского владычества на монастырь нередко нападали корсары-мусульмане, а позднее — рыцари Мальтийского ордена. Монахи были вынуждены оборонять свой дом, как крепость. И не без успеха, мысленно отметил Том. Топлу был едва ли не единственным местом на восточном Крите, которое большей частью сумело отразить подобные атаки. Многие деревни были сожжены дотла и больше никогда не возродились.

Пираты обожали восточный Крит и близлежащий остров Карпатос, поскольку оба лежали на главном морском пути от Западного Средиземноморья на восток, но при этом были расположены достаточно далеко от больших городов, поэтому здесь можно было разрабатывать

планы нападения и укрываться в случае необходимости, не опасаясь ответных ударов. Согласно местной легенде, бухта, расположенная сразу за Диктой в прибрежных скалах, была потайным пиратским сходом. В молодости, впервые приехав на раскопки, Том прыгал там со скалы. Это была глубокая расщелина, довольно узкая, но все же достаточно просторная, чтобы в ней могли спрятаться и команда, и само большое пиратское судно, и достаточно скрытая от посторонних глаз, чтобы использовать момент неожиданности, внезапно появляясь из нее и перехватывая плывущую мимо добычу. Поскольку место здесь было глубокое, корабль сразу же развивал максимальную скорость и таранил вражеские суда. Любой, у кого хватало духу, мог взобраться на крутую скалу, как это делали в свое время пираты, чтобы обозреть побережье острова в обе стороны, а потом, как тогда с приятелями Том, прыгнуть в море с высоты шестидесяти футов. Ощущение было ошеломляюще жутким. Это молодость смеялась в лицо смерти, подумал Том, или по крайней мере испытывала судьбу, преодолевая страх, от которого сводило все внутренности, и все же бросаясь в пропасть. С тех юных пор он кое-чему научился и образумился.

Колесные ворота были открыты, поэтому, пройдя через маленькую прихожую, Том вышел в открытый двор, вымощенный мозаикой из бело-голубой морской гальки. Справа находился вход в католикон — основное помещение монастырского храма. Старинная деревянная дверь была приоткрыта, и Том слышал звуки молитвы. Прежде чем войти, он остановился, чтобы прочесть античную надпись, вырезанную аккуратными буквами на мраморном блоке, встроенном в фасад. Надпись была на древнегреческом и датировалась 138-м или 132 годом до Рождества Христова. Судя по рисунку букв, она относилась к более раннему периоду, чем та, что была найдена на стеле

перед храмом Александра Великого и которую он собирался обследовать.

Войдя внутрь, Том перекрестился перед иконой Богородицы с младенцем, установленной у входа на изящной деревянной подставке восемнадцатого века. Слева в заполненном песком подносе было вертикально воткнуто несколько тонких восковых свечей. Их фитильки трепетали, излучая теплое сияние, отбрасывавшее тени на каменные стены. Прямо перед Томом находилась апсида северного нефа, посвященного Рождеству Девы Марии. Это была самая старая часть церкви, ее изысканный серебряный иконостас отделял эту святая святых храма с ее иконами в богато украшенных окладах от молящихся. Многочисленные серебряные и золотые пластинки с обетами были прикреплены к передней части иконостаса ленточками или проволокой, на цепях перед иконами висели две серебряные лампы, заправленные оливковым маслом.

К северному примыкал чуть более просторный южный неф, посвященный святому Иоанну Богослову. Монах стоял на деревянной кафедре, украшенной изящной резьбой: распростерший крылья орел держал на спине тяжелый молитвенник, молитву из которого брат Стелиос читал в размеренном напевном ритме, словно наизусть. Том сел в заднем ряду на одну из скамей с высокими спинками, изначально предназначавшихся для насельников монастыря. Он несколько раз встречался с братом Стелиосом прежде. Этот молодой человек — похоже, ему не было и тридцати — жил здесь уже несколько лет. Был он высок ростом, с длинной окладистой черной бородой и густыми черными волосами, которые завязывал на затылке хвостом. Благодаря своему трудолюбию брат Стелиос стал правой рукой настоятеля. Он родился в Афинах, там же вырос, окончил университет, стал участвовать в семей-

ном бизнесе, но потом почувствовал призвание и присоединился к Церкви. Пройдя послушание и посвящение в одном из монастырей на святой горе Афон, был направлен на служение в Топлу. Монастырское уединение пришлось ему по душе после афинской суеты, однако он сохранил острое деловое чутье и любовь к техническим новшествам. Именно брат Стелиос помог настоятелю расширить производство натурального оливкового масла и вина, теперь оно процветало и приносило монастырю существенный доход. Потом к продукции хозяйства были добавлены мед и горный чай, а в последнее время монахи начали подумывать и о производстве раки. Брат Стелиос установил деловые связи в Афинах, куда — наряду с разными городами самого острова от Ситии до Ираклиона — они представляли плоды своих трудов.

Том сидел тихо, прислушиваясь к молитве. Через маленькое окошко за кафедрой в церковь проникали дневной свет и легкий ветерок. В какой-то момент слышался византийский колокольный перезвон. Том подумал, что это часть службы, пока не увидел, как брат Стелиос, одной рукой перелистывая молитвенник, другой достает из кармана мобильный телефон, отключает звук и читает текстовое сообщение, притом ничуть не сбиваясь с молитвенного ритма. Если не считать этого немного комичного вторжения современности, разворачивавшаяся сцена могла иметь место и в восемнадцатом веке. Том сидел так, чтобы видеть главное сокровище монастыря — икону, называющуюся «Велик ты, Господи» и считающуюся одним из самых прекрасных образцов критской религиозной живописи. Она висела на центральной стене между двумя апсидами.

На этом многофигурном полотне были изображены четыре основные сцены: схождение Христа в ад; Богоматерь на троне с младенцем Христом на руках, Адамом,

стоящим справа, и Евой — слева от нее; крещение Иисуса в Иордане и святая Троица: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой в окружении небесных сил. Эти основные картины обрамлялись пятьюдесятью семью сценами, последовательно рассказывающими о Великом Благовещении. В тусклом освещении церкви Тому пришлось придвинуться поближе, чтобы рассмотреть икону и оценить богатство изображения. У него был любимый эпизод, когда Ноев ковчег плывет по необозримому морю во время Великого потопа. Соседняя сцена изображала, как с ковчег, причалившего у горы Арарат под гигантской радугой, сходят на сушу животные. А сцена над ней — Иону, выходящего из чрева похожего на гигантскую рыбу кита у побережья древнего ближневосточного города Ниневии. Все сценки были занимательны: Моисей, ведущий евреев через картинно расступившиеся воды Красного моря, Тайная вечеря... и каждый сюжет был воплощен в красивой живописной миниатюре.

Том всегда любил рассматривать эту икону, а в то утро она вызвала в нем особый интерес, поскольку книга конца восемнадцатого века, на которую он приехал взглянуть, представляла собой версию «Деяний Александра», иллюстрированную тем же монахом-иконописцем Иоаннисом Корнаросом, который написал эту икону. О книге настоятель рассказал Тому минувшим летом, но у него не было времени посмотреть ее, и теперь не терпелось увидеть, как воплотил «Деяния Александра» мастер-миниатюрист. Тем более что эта его работа была практически неизвестна даже специалистам. За все время своего пребывания на посту, настоятель никому ее не показывал. В монастыре имелся небольшой, но ценный музей, где монахи выставили многие из своих сокровищ, однако иллюстрированный Корнаросом манускрипт «Деяний Александра» там представлен не был. Настоятель не считал его

церковной реликвией, поскольку текст не являлся религиозным в строгом смысле слова.

Закончив молиться, брат Стелиос направился к выходу. Том пошел ему навстречу и, остановив прямо перед великой иконой, представился:

— Брат Стелиос, я — Том Карр, работаю на раскопках Диктейского святилища. Мы с вами коротко встречались этим летом и в прошлом году. У меня сегодня утром была назначена встреча с настоятелем, но женщина из магазина сказала, что он уехал, и предложила поговорить с вами.

— Мистер Карр, конечно же, я вас помню. Добро пожаловать в Топлу. Настоятель предупредил меня, что вы приедете сегодня утром. Он просил передать вам свои извинения и велел оказать любую помощь. Его вчера срочно вызвали в Ираклион по церковным делам. Я уже выложил для вас манускрипт, которым вы интересуетесь.

— Замечательно. Я с особым волнением жду встречи с ним, поскольку его иллюстрировал Иоаннис Корнарос, художник, написавший эту восхитительную икону.

— Да. Вы и впрямь получите удовольствие. Я вчера полистал этот манускрипт. Иллюстрации превосходны. А знаете, на этой иконе, возможно, Александр тоже присутствует. Взгляните на сцену, в которой два царя преклонили колени перед Адамом. — Брат Стелиос подошел поближе к иконе и указал рукой на упомянутую им сцену: — Это сцена мольбы: «Спаси, Господи, рабов твоих, наших верных правителей, и храни их под заступничеством Своим; смети всех врагов с пути их и даруй им спасение и вечный покой». Как видите, один из царей очень напоминает Александра Великого в зрелые годы, каким Корнарос изобразил его в «Деяниях». Думаю, для Корнароса было естественным выбрать Александра Великого, поскольку всех земных владык он воплотил всего в двух

фигурах. Кто второй — не знаю, возможно, кто-то из римских императоров, например Август или Константин. Или еще кто-нибудь из византийских правителей. — Стелиос направился к выходу и сделал знак Тому следовать за ним. — Манускрипт наверху, в библиотеке. Обычно мы посетителей туда не допускаем, поскольку библиотека находится в той части монастыря, где живут монахи, но раз настоятеля нет, и я здесь вообще один, я решил, что так будет лучше для сохранности манускрипта — чтобы не переносить его.

Том последовал за Стелиосом по внешней лестнице, пристроенной к зданию и ведущей со двора на второй этаж. Поднявшись по ней и обойдя угол дома, они подошли ко входу в библиотеку. Брат Стелиос достал старинный ключ и отпер дверь. Небольшое помещение со встроенными в стены деревянными полками было сплошь заставлено старинными книгами. В центре стоял обширный стол, в середине которого на специальную подставку был водружен манускрипт. Брат Стелиос раздвинул шторы на двух ближайших окнах, а потом распахнул сами окна, впуская дневной свет и свежий воздух.

— Устраивайтесь поудобней. Сколько времени вам потребуется? — спросил он Тома.

— Благодарю вас, брат Стелиос. Я чрезвычайно признателен, что вы не пожалели времени, чтобы помочь мне. Думаю, управлюсь часа за два.

— Очень хорошо. Можете не спешить. Через некоторое время я загляну, чтобы справиться, как у вас идут дела.

Монах вышел, оставив дверь открытой — вероятно, чтобы усилить движение воздуха. Сделав глубокий вдох, Том сел напротив манускрипта и приготовился его изучать. Он достал блокнот, лупу и выложил на стол. Манускрипт был одет в изящный кожаный переплет. Том начал с волнением листать страницы. Многие сцены были ему зна-

комы по другим изданиям. Должно быть, Корнарос видел более ранние версии «Деяний Александра», поскольку целый ряд эпизодов воспроизводил каноническую иконографию. Возможно, художник изучал старинные списки во время пребывания в монастыре Святой Екатерины на горе Синай. Или когда жил на Кипре, где старые греческие традиции очень сильны. Страницы манускрипта были сделаны из пергамента, каждой главе предпосылалась иллюстрация.

Первая, привлекая внимание Тома, изображала сюжет, традиционный для всех «Деяний», — миф, возникший спустя много времени после смерти Александра. Картинка представляла Олимпию, мать Александра, и египетского фараона-чародея Нектанебо Второго — по совпадению того самого, чей саркофаг был привезен в Британский музей и поначалу, пока не расшифровали иероглифическую надпись, принят за саркофаг Александра. Согласно «Деяниям», когда персидский царь Артаксеркс вторгся в Египет в 442 году до новой эры, правивший тогда фараон Нектанебо, провидя свое неминуемое поражение, бежал в Македонию, где был принят Филипом Вторым под покровительство царского двора. Нектанебо якобы влюбился в Олимпию и замыслил соблазнить ее с помощью искусства магии.

Изготовив восковые фигурки и погрузив их в волшебное зелье, Нектанебо внушил Олимпии во сне, будто ночью к ней снизошел Зевс Амон, соблазнил ее и предсказал, что от их союза родится сын, который станет правителем мира. Этот миф был призван кровными узами связать Александра с египетским престолом, так же как некоторые версии «Деяний», представляя Роксану персидской царевной, легализовали его персидское владычество. Это было и эхом легенды о происхождении Александра от отца-Зевса, которая имела повсеместное хождение при

жизни Александра и всячески культивировалась Олимпией. В этой легенде Зевс нередко предстал в виде змея или разряда молнии. Хитроумная сказка про Нектанебо была более правдоподобна и к тому же весьма выгодна.

На иллюстрации Корнароса Олимпия в соблазнительной позе возлежала на необъятном ложе, устланном мягкими подушками. На стенах горели факелы в шандалах. Нектанебо в образе Зевса Амона с головой овна и длинными золотыми рогами приближался к ней. Его спина была покрыта черной бараньей шерстью. Спереди на груди курчавились собственные черные волосы. Держа в руке золотой скипетр, он осторожно подступал к изножью кровати Олимпии. Она же, приподняв голову, благосклонно смотрела на него. Художник давал понять, что царица не так уж и заблуждалась относительно его обмана, а может, и сознательно участвовала в нем. Так же как на иконе, краски были насыщенными, а детали тщательно выписанными, несмотря на мелкий масштаб картинки.

Следующая сцена, на которую обратил внимание Том, нечасто становилась сюжетом живописи. Александру было всего двадцать два года, когда в 334 году до новой эры он со своей армией выступил из Македонии, чтобы начать беспрецедентную кампанию военных завоеваний. Переплыв из Европы в Азию через Дарданеллы, он первым сошел с корабля и воткнул копье в землю. Этот жест должен был символизировать, что вся Азия покорится его оружию. Таким образом он отождествлял себя с гомеровским героем Протесилаем, который первым высадился возле Трои. Протесилай был также первым убитым греческим воином, чем снискал себе бессмертную славу. Александр, однако, хотел, как Ахилл, стяжать вечную славу на поле брани. Его любимой книгой действительно была «Илиада» Гомера, и, как свидетельствовали современники, он повсюду возил ее с собой. Согласно легенде,

царь каждую ночь клал под подушку экземпляр, подаренный ему учителем Аристотелем. Вот почему Александру так хотелось увидеть руины Трои и вот почему именно там он сделал свою первую остановку в Азии. Особенно он мечтал побывать на могиле Ахилла.

Именно этот эпизод из жизни великого полководца стал сюжетом рисунка Корнароса. Александр и его ближайший друг Гефестион верхом скачут друг за другом вокруг огромного могильного кургана Ахилла, воздвигнутого на Троянской равнине, где он пал. Художник запечатлел один из начальных моментов прославленной биографии великого героя. В ликовании от того, что воочию видит могилу кумира своей юности, Александр, отрешившись от всех царских забот, соревнуется со своим наперсником. Молодые люди наслаждаются жизнью и обществом друг друга, все великие завоевания еще впереди. Это трогательный момент молодости Александр будет вспоминать годы спустя, когда неподалеку от Вавилона умрет Гефестион. И тогда Александр устроит роскошную тризну по другу и поминальные спортивные игры, подобные тем, какие Ахилл устраивает в память о Патрокле в предпоследней песне «Илиады».

В античной литературе есть упоминания о могиле Ахилла. В Восемнадцатой песне «Илиады» дух Патрокла сообщает Ахиллу: он желает, чтобы их прах покоился вместе в золотой урне — драгоценном даре матери Ахилла Фетиды. «Илиада» заканчивается накануне гибели Ахилла, но в конце «Одиссеи», когда Одиссей спускается в подземный мир, дух Агамемнона описывает ему погребение Ахилла, во время которого золотую урну захоранивают под гигантским курганом. Есть письменные свидетельства о том, что могилу Ахилла в древности посещали немало знаменитых людей, в том числе персидский царь Ксеркс и многие римские императоры. Она стала своего

рода местом паломничества и поклонения герою — в отличие от могилы Александра, местонахождение которой с определенного времени было неизвестно. В античном искусстве Ахиллову усыпальницу иногда изображали в сцене жертвоприношения, совершаемого Поликсеной, младшей дочерью троянского царя Приама. Более поздние европейские художники предпочитали рисовать ее как могилу, находящуюся при храме. Иллюстрация Корнароса следовала античной традиции.

Том с особым удовольствием отметил еще одну картинку, на которой Роксана танцевала перед Александром. В плотно обволакивающем покрывале она кружилась перед царем и его придворными. В трактовке Корнароса, однако, она при этом смело смотрела на царя, и их скрестившиеся взгляды предвещали общее будущее. Том неожиданно опять вспомнил Викторию Прайс и позу Танцовщицы Бейкера, которая очень напоминала позу танцовщицы на иллюстрации Корнароса. Неужели этот шедевр эллинистической бронзовой скульптуры действительно изображал Роксану, танцующую для Александра? Сходство было поразительным, но недостаточно точным для уверенного вывода — особенно учитывая большие хронологические и географические различия. Однако неправдоподобное видение Виктории Прайс делало сравнение чрезвычайно заманчивым, хотя подтвердить ее фантастическую историю не представлялось возможным.

Был заинтригован Том и иллюстрацией, изображавшей Александра и Роксану в их первую брачную ночь. Она явно перекликалась со знаменитой картиной на тот же сюжет, написанной художником Этионом еще при жизни Александра. Роксана сидела на брачном ложе, Александр стоял перед ней. Здесь она, напротив, не смотрела на него, а,

чуть отвернувшись в сторону, скромно опускала взгляд долу. Розовощекий Эрос, приподняв край свадебной фаты, открывал ее прекрасное лицо, а другой херувим, стоя перед ней на коленях, снимал с нее сандалии. Александр, держа в руке диадему, восхищенно смотрел на Роксану. В дальнем правом углу картины другие амуры играли его доспехами. По словам античного автора Лукиана, картина Этиона, оригинал которой висел в Олимпии, а позднее был увезен в качестве трофея в Италию, привлекал внимание зрителя к другой любви Александра — войне, и передавал мысль о том, что он никогда не забывал об оружии. Произведение Этиона было утрачено, но считалось, что именно с него неизвестный римский художник скопировал одну из своих настенных росписей в городе Помпеи, которую Тому довелось видеть самому. Корнарос явно вдохновлялся другой античной копией картины Этиона, ведь в восемнадцатом веке Помпеи еще не раскопали. На картине, которую Том рассматривал сейчас, Александр определенно не думал об оружии. Местоположение его доспехов вызывало в памяти другое знаменитое полотно, изображавшее Ареса и Афродиту с амурами, снимавшими доспехи с бога войны, который готовился предаться любви с богиней. Иносказание, заключенное в картине, можно было трактовать как «любовь разоружает войну».

Манускрипт и впрямь оказался поразительным, и Том решил поговорить с настоятелем на предмет временного предоставления его для выставки, посвященной Александру, в Метрополитен. Но этот разговор придется отложить на потом, поскольку настоятель вряд ли вернется до его отъезда. Настоятель был человеком широких взглядов, однако Том прекрасно понимал, что он никогда не согласится предоставить манускрипт во временное пользование музею, не получив от хранителя гарантий того, что с цен-

ной книгой будут обращаться должным образом. Трудность состоит в выборе: какие из иллюстраций экспонировать — ведь одновременно выставить на обозрение можно только один рисунок.

Когда вернулся брат Стелиос, Том поблагодарил его за предоставленную ему исключительную возможность, и монах проводил его за ворота монастыря. Что ж, утро прошло очень плодотворно, оставалось лишь надеяться, что таким же окажется и день.

17

После дальнего перелета Виктория все еще находилась под действием джет-лэга, но чашка крепкого кофе, свежая дыня и еще теплая итальянская выпечка из любимой булочной оказали весьма благоприятное воздействие на ее состояние. Как хорошо было снова оказаться в Риме. Здесь она действительно чувствовала себя как дома. Сидя за кухонным столом, она взглянула на часы. До встречи с психиатром оставалось всего минут тридцать. Когда доктор Винтер написала, что сумеет утром выкроить для нее время, Виктории сразу стало легче. Составив посуду в мойку и взглянув на себя в зеркало, она вышла из дома. Был чудесный осенний день, и, поскольку времени хватало, она решила пройтись пешком.

Кабинет доктора Винтер находился в небольшом жилом доме на другом конце Трастевере, района, в котором жила и сама Виктория. Поднявшись по ступеням крыльца, она позвонила. Несколько секунд спустя доктор Илзе Винтер открыла дверь. Это была миниатюрная, изящно сложенная женщина с птичьими чертами лица, короткими черными волосами и темно-кариими глазами.

— Виктория, вы исключительно точны, — сказала она. — Входите и располагайтесь, как вам удобно. Похоже, нам есть что обсудить.

Она повела девушку в комнату, где принимала пациентов. Стены в ней были выкрашены в приглушенно-белый цвет, три из них заставлены книжными стеллажами. У окна на продолговатом столике цвела белая орхидея. Виктория сняла пальто и села на кушетку. Доктор Винтер устроилась в кресле напротив.

— Я так благодарна, что вы нашли возможным встроить меня в свое расписание, доктор Винтер, — начала Виктория. — Никогда бы не посмела обременить вас подобной просьбой, если бы не крайняя необходимость. Дело в том, что в Нью-Йорке со мной дважды случилось то, что вы назвали «открытием канала связи». Я потеряла сознание, и видения... они были такими реальными, словно все это действительно со мной случилось.

— Пожалуйста, сделайте глубокий вдох и продолжайте, — подбодрила доктор.

И Виктория начала излагать события. Говорила она быстро, словно, не закончив предыдущей, торопилась начать следующую фразу. Сначала описала то, что случилось в музее Метрополитен.

— Прежде чем двинуться дальше, давайте обсудим ваше первое видение, или, если хотите, сон, — перебила ее доктор Винтер. — Я поражена вашим описанием древнего места действия. Честно признаться, у меня еще не было пациента с такими живыми и давними воспоминаниями о прошлой жизни, хотя, разумеется, документальные свидетельства о подобных случаях существуют. Чаше такие видения бывают у детей, чья психика еще не окончательно устоялась; их в раннем возрасте, обычно в восемь-девять лет, нередко посещают видения-воспоминания о предыдущей жизни. У меня было два таких случая

здесь, в Риме. Одна девочка — ей было всего шесть — увидела себя в образе мальчика-подростка, который умер за много лет до того здесь же, в Италии. Девочка никоим образом не могла ничего знать о нем и его трагической кончине. Другой ребенок в мельчайших подробностях описал расположенный в горах город на Сицилии, где он якобы жил молодым человеком, хотя родители мальчика клялись, что на Сицилии он никогда не бывал. Он сумел весьма подробно описать и свою предыдущую семью. Удалось выяснить, что эта семья по-прежнему живет в том маленьком городке и что двадцатью годами ранее они действительно потеряли сына. Они были крайне шокированы сообщением и не захотели встретиться с мальчиком.

Ваш опыт представляется совершенно иным, — продолжала доктор Винтер. — Ваше видение было спровоцировано предметом, который запустил вашу память — если произошло именно это — о прошлой жизни. Вполне вероятно, что статуэтка, которую вы увидели в музее, была именно той, что вы держали в руках много веков назад в усыпальнице Александра. Предметы обладают мощной силой воздействия на память, но чрезвычайно редко можно встретить подлинный предмет — своего рода путешественника во времени, — сохранившийся со столь древних времен. Однако могут быть и другие объяснения. Вы должны помнить: все, о чем я говорю, носит характер всего лишь теоретический. Никаких доказательств не существует. Согласно другой теории, вам могла передаться энергия, заключенная в предмете, и именно она вызвала воспоминание. В таком случае вы стали каналом передачи этой энергии. Вроде медиума на спиритическом сеансе. Впрочем, мне очевидно, что это не ваш случай, поскольку то, что вы ощущали, воспринималось вами как лично пережитый опыт. Я права?

— Да, абсолютно, и именно это меня беспокоит, — призналась Виктория. — Но позвольте рассказать вам о втором видении, чтобы у вас сложилась полная картина.

— Хорошо, продолжайте.

Виктория описала врачу свое второе видение, посетившее ее в Библиотеке Моргана. О том, насколько близко к смерти она в нем оказалась, когда во мраке гробницы Александра сжимала в руке амулет Нереиды.

— Знаете, что меня особенно тревожит? Мысль о том, что в предыдущей жизни я была одиозной личностью. Неужели то была действительно я? Как я могла совершить такое — осквернить чью-то могилу в поисках амулета, который якобы способен даровать мне бессмертие? Что это, тщеславие? Но знаете, от чего у меня действительно заледенела кровь? От того, что я испытала невероятную близость смерти. Я по-настоящему почувствовала, что умираю, и это было ужасно. А в самом конце смерть настигла меня, я физически чувствовала ее присутствие, чувствовала, что она вот-вот заберет меня в нижний мир. У меня не было ощущения, что я вознесусь на небеса. Интересно, если бы я не пришла в себя в тот момент, удалось бы мне ускользнуть? Медсестра прибежала уже после того, как я с криком очнулась сама. Мне сразу же измерили пульс, и оказалось, что сердце у меня колотилось бешено. Я до смерти испугалась. — Девушка все больше волновалась и была уже на грани слез, а потом и впрямь разразилась рыданиями.

Доктор Винтер дала ей несколько минут, чтобы успокоиться, после чего заговорила:

— Позвольте мне сначала обратиться к вашему вопросу о том, как вы могли сделать такую ужасную вещь. У Фрейда есть теория — не слишком, впрочем, приветствуемая в науке, — что человек способен прорываться в кол-

лективное подсознательное. Можно взглянуть на это и с другой стороны: рассмотреть ваш интерес к амулету и бессмертию на более общем уровне. Смерть — нечто, с чем сталкивается любой из нас, и рано или поздно мысли о смерти проникают в наше сознание и подсознание. Карл Юнг, в свою очередь, соотносил сны с текущим опытом человека, считал их способом проявления мыслей, подавленных на сознательном уровне. Если все в вашем видении соотносится с вами или вырастает из событий вашей собственной жизни, значит, наверняка оно порождено вашими личными тревогами. Вы упомянули, что провели выходные у подруги на Лонг-Айленде и о том, насколько тверже определилась она в выборе жизненного пути, посвятив себя мужу и детям. Не думаете ли вы, что ваше видение могло быть вызвано тревогой или даже паникой как следствием этой встречи и явилось продолжением предыдущего видения, которое, безусловно, тяжестью лежало у вас на душе после посещения музея?

Вопрос застал Викторию врасплох. Мог ли пережитый опыт в самом деле быть порождением ее собственного воображения? Потом она вспомнила о разговоре с Томом Карром, отнявшем у него столько времени. Не считал ли он ее самовлюбленной мечтательницей? От этой мысли у нее подвело живот. Она решила, что непременно должна повидаться с ним, когда он в конце недели придет в Рим.

— Но оно было таким реальным, — словно оправдывалась она. — Все подробности были невероятно отчетливыми, не говоря уже о том, что оно лишило меня сознания. Я не думаю, что это было сновидением. Да, то, что я испытывала оба раза перед тем как упасть в обморок, напоминало паническую атаку! Я говорила вам, они случались у меня и прежде, особенно в связи с боязнью замкнутых пространств. Но теперь ощущение было еще более

острым и отличалось по качеству: оно было очень определенным, хотя мне трудно облечь его в слова. И в то же время узнаваемым, таким же, какое мне довелось испытать прежде.

Они молча поразмышляли над этим, потом доктор Винтер сказала:

— Возвращаясь к вашему вопросу и допуская, что виденное вами было памятью о вашей собственной прошлой жизни, вы не должны чувствовать никакой вины. Трудно сказать, передалась ли ваша натура как составляющая вашей души в последующую жизнь. Предположение заманчиво, однако вы должны помнить, что вам приоткрылось лишь маленькое окошко в очень ограниченную часть предыдущего существования. Вы не знаете всей своей истории, поэтому не судите себя на основе ее единственного эпизода. Я наблюдаю вас не первый год и не заметила в вас ни малейшего намека на склонность к преступности. Важнее всего знать, что сейчас вы живете этой своей жизнью, а не прошлой. И все, что вы узнали во время своих видений, должно быть использовано, чтобы помочь себе укрепить дух и стать сильнее в настоящем.

— Это уже помогло мне в борьбе с клаустрофобией. Наши с вами беседы несравненно улучшили ситуацию, теперь я могу функционировать как нормальный человек. Здесь произошел настоящий прорыв. Я уже не впадаю в панику, входя в лифт, и даже обошлась без своих лекарств во время последнего перелета.

— Вот видите, об этом я и толкую. Узнав, что ваш страх коренится в опыте прошлой жизни, где вы были заживо погребены, вы должны понять, что он не должен вас снедать в этой. Теперь вы живете в совсем другой ситуации...

18

Сразу после полудня Том собрал снаряжение, чтобы отправиться на раскоп, попытаться прочесть стертую часть надписи на стеле и проверить качество консервации статуи. После утреннего посещения монастыря он чувствовал себя немного усталым, к тому же плохо спал предыдущую ночь. Снился гигантский паук, наползающий на него, а когда он проснулся среди ночи, испуганный и несколько дезориентированный, оказалось, что по нему действительно ползет крупный паук. От страха холод пробежал по спине. Выскочив из постели, он убил паука туфлей. Паук был величиной с тарантула, но на самом деле не опасный, хотя укусить мог болезненно. На Крите водятся только одна разновидность по-настоящему опасных пауков — гораздо более мелких, очень компактных, формой напоминающих миниатюрный футуристический танк. Они обладают невероятно сильным ядом, их укус смертелен даже для взрослого мужчины.

Этого паука редко можно встретить в живой природе, но Том его видел. Видел он также и его изображения в минойском искусстве, так что на острове такой паук, похоже, являлся старожилом. Минойцев, видимо, тоже удивляла сила его яда. В Метрополитен хранилась изящная минойская каменная печатка с изображением смертоносного паука, относящаяся к середине бронзового века и являющаяся частью коллекции, завещанной музею археологом Ричардом Сигером; он вел раскопки на восточном Крите, в Моклосе и многих других местах. Немалую часть своих печаток Сигер собрал у местных крестьян, которые называли их галлопетрами, или молочными камнями. Критские земледельцы находили их, обрабатывая поля, и дарили кормящим женщинам, которые носили их в ка-

честве талисманов. Они верили, что эти древние камни вызывают обильный приток здорового грудного молока. Возможно, женщина, носившая печатку с изображением паука, верила, что та защитит ее от яда.

Вообще-то Том не любил останавливаться в доме археологов. Днем там было прекрасно, но по ночам его окутывала негативная аура. Говорили даже, что там встречались призраки мертвых. Сам Том ничего подобного никогда не видел, но порой ощущал какое-то томительное дурное предчувствие. Впрочем, это было неудивительно: считалось, что на этом месте некогда располагалось турецкое кладбище. Поговаривали также, будто поблизости было захоронено много местных жителей, убитых в кровавой резне, устроенной нападшими на деревню пиратами. Одна студентка, работавшая на раскопках, как-то вернулась домой поздно вечером и, войдя в большую общую комнату, оказалась лицом к лицу с высоким мужчиной в тюрбане, мешковатой рубаше и турецких шароварах. Из страшной раны у него на лбу фонтаном била кровь. Девушка с диким криком выбежала из комнаты, разбудив весь дом.

Так или иначе, Тому пришлось стряхнуть с себя усталость. Он был взволнован перспективой увидеть результат работы Евангелии над статуей Александра Великого и опробовать «Красный фантом». За ленчем он выпил двойной крепкий кофе по-гречески, чтобы в нужной мере «кофенизировать» себя для дневной работы. Предстояло заехать в караулку, взять ключи от ворот, ведущих на огороженную территорию нового раскопа, и от временного ангара, построенного вокруг двух стел и руин храма, посвященного Александру Великому. Статуя Александра Космократора — повелителя Вселенной, Царя мира, восседавшего на троне, все еще находилась внутри. Для этого нового важного экспоната, а также для других находок из

святилища Зевса Диктейского в местном музее уже приготавливали отдельный новый зал. Все должно было быть отправлено туда на следующий день, если Том одобрит результат консервации. Охранник сообщил ему, что Евангелия уже ждет его внутри.

Проехав через главные ворота, Том оставил машину напротив караулки, вышел и окинул взглядом территорию святилища. Определенности относительно ее границ все еще не было. Обычно такие храмовые комплексы тщательно огораживали стеной или как минимум обкладывали священными камнями. Для древних греков было весьма важно разделение пространства на священное и мирское. Тем, кого допускали в святилище, запрещалось осквернять его под страхом смерти. Изнасиловав Кассандру в стенах троянского храма Афины, гомеровский герой Аякс этим святотатством обрек себя на неминуемую гибель. Осознав, что натворил, он сошел с ума и, не вынеся угрызений совести, бросился на собственный меч. Том догадывался, где почти наверняка могла находиться монументальная арка, или главный вход в диктейское святилище, — в восточном квадранте. Но они не могли начать прокладывать там пробные траншеи, пока эта гипотеза не подтвердится, что могло произойти только следующим летом.

Открыв ворота, ведущие на территорию святилища, он подошел к ангару, где находился храм с двумя стелами перед ним, медленно отворил дверь, заглянул внутрь и увидел, что Евангелия, стоя на лестнице, осматривает статую. Стелы твердо покоились на своих цоколях точно так же, как тогда, когда он в последний раз видел их в агусте. За ними, в *целле** храма, возвышалась статуя Алек-

---

* Целла (*лат. cella*) — внутренняя часть греческого и римского храма. — *Примеч. ред.*

сандра. Том задержался на миг, чтобы полюбоваться, и отметил явный прогресс в ее состоянии, который был достигнут благодаря процедуре консервации. Даже когда статую еще только откопали, было видно, что большая часть львиной шевелюры царя покрыта позолотой, а радужные оболочки глаз — черной краской. Евангелия писала ему, что ресницы тоже были черными. Теперь было видно, как хорошо удалось закрепить краски.

— По-моему, он выглядит великолепно. Вы поработали на славу, так что давайте, завтра же отправляем в музей. Лучше от греха подальше перевезти ее в более безопасное охраняемое место. Можете это организовать?

— Да, в музее ждут только моего звонка. Я сейчас с ними свяжусь. Можно будет начать перевозку завтра утром. Это займет, наверное, часа два. Мы все продумали. Приходите на раскоп к десяти, если хотите посмотреть.

— Здорово. А сейчас я собираюсь немного поработать со стелой. Я привез оборудование, которое должно помочь прочесть надпись.

— Хорошо, тогда не буду вам мешать. Увидимся завтра. — Евангелия улыбнулась и отправилась в караулку заканчивать приготовления.

А Том вернулся к своему «лендроверу», открыл заднюю дверцу и достал сумку с компьютером и «Красным фантомом». Поставив ее перед стелой и расстелив на земле кусок брезента, разложил на нем все необходимое. Поскольку дул довольно сильный ветер, он решил, что скопирует надпись со стелы при помощи «Фантома», а загружать информацию в компьютер будет в машине, чтобы не подвергать его воздействию пыли. Этот раскоп иногда называли «руссолокос», то есть «красной ямой», — из-за цвета земли, имевшей структуру мельчайшей пыли, которая проникала повсюду. У Тома немало электронного оборудования вышло из строя после длительной экс-

плуатации на этом раскопе, так что теперь он проявлял предусмотрительность. Тем более что процесс считывания можно будет повторить, если первый опыт окажется безуспешным. Скорее всего, прежде чем прибор заработает как нужно, придется предпринять несколько попыток. Артур показал ему целый набор разных режимов, если тот, что установлен по умолчанию, не даст желаемого результата.

Чтобы снаружи проникало достаточно света, дверь в ангар пришлось держать открытой. Он прикрепил рамку к краям стелы, они идеально вошли в нее. Потом достал прибор и включил, хотел убедиться, что он работает. Никакой реакции. Том сделал глубокий вдох и пробормотал: «Вот так-так». Выключил прибор и включил еще раз. Тот же результат. Он заменил батареи на новые. На сей раз индикатор питания зажегся и шторка линзы открылась. Том вытер лоб и прикрепил камеру к подогнанной рамке так, чтобы линза располагалась над тем местом в тексте, которое он хотел прочесть. После этого нажал кнопку включения, и прибор начал медленно и методично двигаться вдоль поверхности стелы, наподобие сканера собирая информацию со стершихся мест. Процесс и впрямь был чрезвычайно простым, во всяком случае, с механической точки зрения.

Том не до конца понимал технологические тонкости устройства, но принцип действия ему был ясен: краска, на протяжении веков взаимодействуя с камнем, оставляла в нем след, пусть даже невидимый. Используя инфракрасное излучение и другие методы научного анализа, не причиняющие вреда объекту изучения, но позволяющие выявить следы стершейся и обесцвeticившейся от времени краски, ученые выяснили: мраморные статуэтки раннего бронзового века, хранившиеся в кикладской коллекции

Метрополитен, в древности были ярко раскрашены. Точно так же как многие греческие и римские мраморные скульптуры, сохранившие следы красок, которыми их изначально расцвечивали. Хотя принято считать, что античные статуи — это только гладкий белый мрамор, большинство из них в древности были на самом деле многоцветны.

Отсоединив прибор, Том отнес его в машину, чтобы перевести данные в компьютер и посмотреть результат. Откинув крышку, загрузил лэптоп, потом подсоединил к нему электронный сканер. Программа «Красного фантома» открылась автоматически, и собранные Томом данные начали загружаться в нее, о чем свидетельствовало маленькое похожее на Каспера привидение, летавшее по экрану. Через минуту появилось изображение. Том с изумлением увидел, что текст на мониторе стал гораздо отчетливей, чем на стеле. Буквы были уже не такими изношенными, на дисплее их края все еще «крошились», однако они были различимы, и слова — вполне читаемы! Он не верил своим глазам и тому, что прочел: «...гробница Александра, находившаяся в Александрии, божественным повелением императора Требония Галла была перенесена в Римский Пантеон».

«Боже праведный», — подумал Том и вслух произнес:

— Пантеон, храм всех богов. Возможно ли? Неужели останки Александра до сих пор покоятся там, в Пантеоне?

Это был один из немногих римских храмов, сохранившийся в первозданном виде таким, каким был построен во времена Римской империи. Какое счастливое совпадение: ведь теперь Том направлялся именно в Рим. Когда смысл открытия дошел до него в полной мере, он набрал на сотовом телефоне номер своего греческого агента бюро

путешествий, не сводя при этом взгляда с надписи: «...гробница Александра, находившаяся в Александрии, божественным повелением императора Требония Галла была перенесена в Римский Пантеон».

— Яннис? Это Том Карр. Как поживаешь? Отлично. Послушай, мне нужна твоя помощь с бронированием. Я должен был улететь в Рим в пятницу, но теперь мне надо перенести вылет на завтра. Посмотри, не сможешь ли поменять мой билет на какой-нибудь утренний рейс из Ситии до Афин и соответственно состыковать его с римским рейсом. У меня забронирован билет в компании «Дельта эйрлайнз» на самолет, вылетающий из Афин в пятницу в час дня. Мне нужен тот же рейс, только на завтра. Сейчас pošлю тебе копию своего электронного билета. — Он сделал паузу. — Все понял? Прекрасно. Позвони мне на этот номер, когда сделаешь. Большое тебе спасибо, друг.

После этого Том позвонил в Американскую академию в Риме и попросил соединить его с секретарем.

— Привет. Это Том Карр из нью-йоркского музея Метрополитен. У меня зарезервирована комната в вашей академии на несколько дней, начиная с пятницы. Не мог бы я поселиться у вас на день раньше?

— Одну минутку, мистер Карр, сейчас проверю.

Он ждал не отсоединяясь.

— Вам повезло. Ваша комната освободилась сегодня, так что мы можем принять вас завтра. Я оставляю ключ в конверте у охранника в караулке при входе в академию. Счастливого полета! Ждем вас завтра.

— Большое спасибо. Буду рад увидеться с вами.

Том отключил мобильный и долго еще сидел, уставившись на экран компьютера, где светилась надпись со стелы.

19

Как только Тому удалось прочесть надпись, сразу что-то изменилось. Ушла усталость. По венам побежал адреналин. Он никак не мог поверить в свое новое открытие. Агент бюро путешествий позвонил и сообщил, что удалось перебронировать билет Тома. Значит, в Риме он будет уже завтра после полудня. Надо будет отправиться в Пантеон сразу, как только зарегистрируется в Американской академии. Вернувшись в дом археологов, он начал собирать вещи, но мешало чрезмерное возбуждение. Требовалось успокоиться, выпустить пар, и он решил совершить пробежку. Таким образом можно израсходовать лишнюю энергию, что явно пойдет на пользу. Переодевшись в спортивный костюм, он сделал большую петлю вдоль берега бухты, потом побежал вверх по проселкам через оливковую рощу и, обогнув Кастри, направился к раскопу. Оказавшись на старой подсобной дороге, спускавшейся к морю и археологическому раскопу, он, следуя интуитивному побуждению, сбавил скорость.

А потом, внезапно осознав, где именно находится, остановился. В пятидесяти футах от дороги находился заброшенный колодец, в котором нашла свой роковой конец Даная. Медленно приближаясь к колодцу, Том словно бы слышал эхо ее криков. Ощущение ее присутствия было очень сильным. Чем ближе он подходил к устью колодца, тем громче казались крики. Дикта была населена духами: ведь, как Олимпия или Дельфы, она некогда была посвящена богам. Том никогда не считал себя особо религиозным человеком, но каждый раз, возвращаясь в музей из Дикты, чувствовал некий духовный подъем. Прожить несколько недель или хотя бы дней здесь, в единении с землей и морем, было все равно что пройти ритуал очи-

щения. В конце сезона он всегда чувствовал себя в гораздо большей гармонии с самим собой и окружающими. Это было состояние, требующее сосредоточенности, наверное, такое же, по его представлениям, как то, в каком пребывали древние греки, совершавшие паломничество в Дельфы, являвшиеся, согласно их верованиям, центром мироздания.

Он стоял у края колодца возле старого фигового дерева с огромными зелеными листьями. На дереве висело много спелых плодов, еще больше гнилых валялось под ним на земле. Над этой падалицей жужжали пчелы, собирая с нее сладкий нектар. Здесь крики Данаи стали оглушительно громкими. Том постоял некоторое время, боясь заглянуть на дно колодца — что он там увидит? — но потом опустил на колени и, держась за холодные камни, которыми тот был обложен, посмотрел вниз. Энергетика древнего колодца была угнетающе-горестной, и хотя при непосредственном контакте со смертоносным местом крики, казалось, рассеялись, приглушенное эхо стонов Данаи словно бы отражалось от камней, обрамлявших его. Он всмотрелся в темноту шахты. Дна не увидел и, бросив вниз камень, ждал, когда тот приземлится. Вскоре раздался звук камня, ударившегося о камень. Том прочел молитву за упокой души Данаи. Какую бы религию она ни исповедовала, она была доброй женщиной. Он вспомнил, что много раз видел ее, когда ходил через деревню, вспомнил ее темную кожу, белозубую улыбку, пронизательный взгляд голубых глаз и мощные кривоватые ноги под выгоревшим простым синим платьем. Вспомнил, как, повязав платиново-белые волосы синим платком на деревенский манер, она носила в сильных руках большие ведра свеженадоенного козьего молока.

Том побежал дальше, к раскопу на берегу моря. Добежав до песка за солончаками, где местные иногда играли

в футбол, перешел на шаг и подумал, что почувствовал бы себя гораздо лучше, если бы мог после пережитого у колодца освежить лицо морской водой. Подойдя к кромке моря, снял туфли и неглубоко зашел в воду. Она была прохладной и бодрящей, берег вблизи оказался пуст, если не считать трех девочек-подростков, напоминавших трех Граций, — воплощение красоты, радости и полноты чувств. Сидя у самой кромки прибоя, они что-то писали на песке тонкими палочками. Том прошел мимо, но они его даже не заметили, поглощенные своим занятием. Похоже, писали имена мальчиков, своих будущих, как они надеялись, возлюбленных. Их гибкие тела были исполнены желания. Ритуал имел смысл, противоположный античному: тогда люди писали заклинания-проклятия на маленьких свитках, которые потом сворачивали и, запечатав прямо поверх текста, закапывали в землю. Том оглянулся. Зайдя в воду по щиколотку, девочки наблюдали, как их любовные послания смывали ласковые волны, накатывавшие на берег.

Он решил взбежать на Петсофу, к горному минойскому святилищу. Туда несколькими годами раньше проложили тропу, и сверху открывался величественный вид. Надеялся он увидеть и останки овец, в которых ударила молния. Пробежав по проселку через оливковую рощу и миновав археологический раскоп, Том повернул налево, не доходя до деревни Хиеронеро, и устремился в гору.

Тропа, разве что чуть более широкая, чем козья, вилась по склону и была негусто присыпана щебенкой. Чем выше, тем прекраснее становился вид. Минут двадцать пять спустя, Том обогнул дальний склон. Теперь ему была видна вершина с усеченным бетонным столбом, которым геодезисты отметили высшую точку. Под самой вершиной, защищенные нависающим утесом, раскинулись руины минойского святилища. Добравшись туда, Том с изумлением увидел следы бойни, устроенной молнией. Под сте-

ной святилища лежало с десятков овечьих скелетов, разбросанных, словно на поле боя. Он представил себе, что случилось здесь в ту роковую ночь, когда восемь овец сгрудились под внешней стеной святилища — в самом защищенном месте на вершине горы. Том много раз проводил ночи в этом месте под открытым небом. По обе стороны от груды костей овец лежали останки крупных баранов, охранявших стадо при жизни.

Он наклонился над одним из них. Рога были огромными, круто изогнутыми и блестящими. Он напомнил Тому о том баране, под которым прятался Одиссей, сбегаая из пещеры Полифема в Гомеровой «Одиссее». Пастух наверняка был в отчаянии, потеряв двух таких крупных баранов и восемь здоровых овец. Том прикоснулся к кончику рога и провел пальцами по бороздчатой поверхности. В юности, живя в Монтане, он слышал о некоторых индейских племенах, которые считали молнию доброй природной силой. Шаманы, а особенно женщины-целительницы племени кроу, искали места, куда ударила молния, и собирали там всевозможные осколки — с их точки зрения, символические и целебные, способные, согласно их верованиям, приносить богатый урожай и придавать силу атлетам. Том осторожно взял в руки один из огромных рогов и почувствовал, какая мощная от него исходит энергия.

Подобные сильные грозы обычно случаются в этих местах весной. Том был свидетелем одной из них, пришедшей с моря. Мощные вспышки молний то и дело низвергались с высоты и вонзались в воду, причудливо подсвечивая ее и набухшие влагой тучи, затянувшие ночное небо. Глядя на скелеты овец, Том представил себе, как электрический разряд прошел сквозь мокрую шерсть и вмиг убил их. Никогда прежде не приходилось ему видеть ничего подобного. Какая невероятная сила природы! Ничего

удивительного, что молния была избрана главным атрибутом Зевса.

Проведя на печальном месте еще несколько минут, он направился вверх, к геодезическому столбу. Отсюда открывался хороший вид на склоны горы, археологический раскоп внизу и бухту Дикты. Вдали в море выдавался мыс Сидеро, за которым виднелся остров Драгонера. Уезжать не хотелось, он всегда с сожалением расставался с этими местами. И в то же время с трудом сдерживал нетерпение. Подняв над головой бараний рог, словно бы вливавший в него свою внутреннюю энергию, Том мысленно преподнес его в дар богам, прося об удаче. Завтра он будет в Риме и, возможно, сделает еще один крупный шаг на пути к гробнице Александра.

20

Стоя на мостике роскошной большой яхты, капитан, стройный гладко выбритый мужчина в белоснежном морском мундире, посмотрел на часы. Был час ночи. Сюда они выдвинулись лишь под покровом темноты и встали на якорь напротив восточного берега Крита, неподалеку от Диктейской бухты. Луна еще не взошла, и звезды ярко светились на черном ночном небе. Судно мягко покачивалось. Море было спокойным, все вроде бы шло по плану. Пора начинать, подумал капитан.

Спустившись на верхнюю палубу, он перегнулся через перила и обратился к своей тщательно подобранной команде, ожидавшей его распоряжений:

— Пора, — сказал он по-немецки своему первому помощнику, одетому, как и остальные, во все черное. — Будь осторожен и помни: человеческие жертвы нам не нужны.

Сделай все чисто. Как только закончите, сообщи мне. За вами придут через десять минут после получения твоего сообщения.

— Есть, капитан! — ответил первый помощник, и все стали спускаться в ждавший их «Зодиак». Лодочник завел мотор и направил катерок вдоль берега. Как только они приблизились к бухте, он заглушил двигатель и включил электромотор, который тащил лодку медленней, но не производил почти никакого шума. В бухте было безлюдно и совершенно спокойно в этот поздний час. Они поплыли прямо к наминавшему очертаниями огарок свечи холму Кастри, маячившему вдали, его массивный усеченный конус выдавался в море. За ним, в глубине острова, сквозь заросли олив просвечивали скопления деревенских уличных фонарей.

Лодка подошла к берегу со стороны раскопа, и трое мужчин высадились на сушу. Как только они оказались на земле, лодочник развернул свой «Зодиак» и направил обратно. Первый помощник проверил магазин своего девятимиллиметрового «вальтера» — убедиться, что тот полон, — после чего навинтил на дуло глушитель, натянул на лицо черную шапочку-маску и жестом велел остальным сделать то же самое и тихо следовать за ним. Один из мужчин нес тяжелый баул с оборудованием, а замыкающий держал наготове снайперскую винтовку с инфракрасным оптическим прицелом и прикрученным глушителем. Пока они шли, поднялся ветер и тихо зашелестел листьями оливковых деревьев.

Прибыв на раскоп, они увидели палатку, разбитую под большим оливковым деревом, а рядом — двух крупных сторожевых немецких овчарок, свернувшихся клубком друг подле друга. Первый помощник обернулся к спутникам и сделал знак тому, который нес баул, опустить его. Тот осторожно поставил ношу на землю, достал скручен-

ную кольцом веревку и огромный нож. Пока он это делал, собаки насторожились и сели.

Мужчины мгновенно перешли к действиям. Снайпер опустил на колено, снял винтовку с предохранителя и прицелился в одну из собак. Луч инфракрасного прицела обозначил точку на лбу пса. Секунда — стрелок спустил курок, и собака упала на землю. Вторая с рычанием бросилась на них, но снайпер выстрелил снова, собака взвизгнула и рухнула. Первый помощник и человек с веревкой быстро направились к палатке, где проснулись и зашевелились люди.

— Яннис, вставай. — Евангелия села и потрясла своего напарника за плечо. — Ты слышал? Собаки что-то учуяли.

— Может, это просто заяц. Спи, — сонно ответил Яннис.

— Нет, это что-то серьезное. Выйди посмотри, что там. Это наша последняя ночь здесь. Пожалуйста...

Человек с веревкой, беззвучно приблизившись к палатке, сделал длинный разрез на ее заднем полотнище. Евангелия закричала, но прежде чем Яннис сумел что-либо предпринять, первый помощник прицелился ему в голову и сказал по-английски:

— Не двигайся или я убью тебя. Делай, что скажу, и вы останетесь живы.

Снайпер стоял чуть позади него, держа на мушке Евангелию, лазерная точка светилась у нее на груди в районе сердца.

— Не трогайте нас, — взмолилась женщина. — Мы сделаем все, что вы скажете.

Третий мужчина опустил на колени позади них и связал им руки за спиной, после чего оглушил рукояткой пистолета, оттащил под дерево и привязал к стволу.

Затем все трое двинулись к святилищу. Им заранее объяснили, где находится ангар со статуей. Когда они подошли к нему, первый помощник отстрелил замок, и дверь распахнулась, скрежежтнув петлями. Сверху из полумрака на них взирала статуя Александра Великого.

— Матерь Божья! — воскликнул первый помощник. В темноте образ Александра и впрямь внушал благоговейный страх.

— Ты уверен, что мы должны взять только голову? Статуя в таком отличном состоянии, — заметил человек с винтовкой, пока его подельник открывал баул и доставал из него большую камнерезную пилу.

— У нас приказ. К тому же мы не смогли бы унести всю статую, для этого нужен автопогрузчик, она весит не меньше тонны. Манфред, как только будешь готов, начинай.

Мужчина, к которому он обратился, влез на лестницу, накануне оставленную реставраторами, надел защитные очки, проверил уровень топлива в своей бензопиле и дернул шнур стартера. Со второй попытки мотор заработал. Тогда он приставил режущее полотно к горлу статуи и начал пилить. Острые зубья с алмазным напылением врзались в мрамор, из-под них полетела мелкая, как пудра, пыль. Несколько пропилов с разных сторон — и дело было сделано, мужчина передал голову искалеченной статуи вниз. Раскрашенные глаза Александра бесстрастно взирали на первого помощника, когда тот принимал его отпиленную голову. Властная сила, которую, казалось, излучала мраморная фигура, когда, войдя в ангар, они увидели ее впервые, испарилась. Теперь перед ними был прекрасный, но незавершенный неодушевленный объект.

— Чертовски хороший портрет. Ну все, давайте сматываться отсюда, — сказал первый помощник, доставая

мобильный и соединяясь с капитаном. — Порядок. Ждем, — произнес он в трубку.

— Понял вас. Уже в пути.

Первый помощник захлопнул крышку телефона и взглянул на бухту.

— Отлично. Пакуйте. Скоро они будут здесь.

Его подчиненные завернули мраморную голову в одеяло, положили в брезентовый мешок, потом упаковали пилу. Несколько минут спустя, пролетев низко над поверхностью воды, возле храма приземлился вертолет. Мужчины погрузили голову, сами взобрались на борт и вскоре уже были на яхте. В два тридцать она находилась на безопасном расстоянии от Крита, полным ходом направляясь к побережью Северной Африки.

— Операция «Саломея» завершена, — сообщил капитан по телефону Оскару Уильямсу.

— Прекрасно. Переправьте мне объект по обычным каналам как можно скорей.

Откинувшись на спинку кресла, сидевший за письменным столом Оскар довольно улыбнулся.

21

Сидя на деревянном стуле у себя в студии перед мольбертом, Виктория рисовала. Мягкий утренний свет лился через окно, освещая сложную драпировку покрывала на модели, которую она переносила на холст. Одета Виктория была просто, как одеваются во время работы художники: старый мягкий свитер, удобные джинсы и сандалии на веревочной подошве; длинные светлые волосы собраны в пучок. Нанося тонкие мазки, она смотрела то на полотно, то на изящный силуэт укутанной в покрывала танцов-

щицы в маске. Она купила эту репродукцию в магазине музея Метрополитен перед возвращением в Рим. Снова взглянуть на оригинал, когда вернулась в музей после происшествия в Библиотеке Моргана, она не решилась, но мысль о статуэтке не давала покоя.

Проснувшись из-за джет-лэга очень рано, еще до рассвета, она отправилась прямо к себе в студию и начало утра провела, пытаясь мысленно воспроизвести форму амулета Нереиды и его причудливое сияние. Ей в большой степени удалось вспомнить голову огромного барана с человеческим лицом: изгиб рогов с массивными бороздами и величественное выражение благородного лица. Образ, сложившийся в воображении, был не совсем точным, но близким к оригиналу. На лбу, словно родимое пятно, рельефно выделялся символический знак с симметрично расходящимися от центра зубцами. Ничего подобного она прежде не видела. Он напомнил ей забавный белый вопросительный знак на лбу пегого белогривого пони, который был у нее в детстве, когда она жила на Среднем Западе. Эта лошадка была ее первой любовью и самым милым на земле существом.

Девушка немного нервничала, приступая к изображению статуетки. Она не знала, какое воздействие это на нее окажет — если окажет, — но после вчерашней беседы с доктором Винтер и успешного мысленного воспроизведения амулета она обрела некоторую уверенность и решила попробовать. Пока все шло хорошо: никаких странных ощущений она не испытывала. Что ее удивило, так это то, что, когда она смотрела на статуетку и рисовала ее под разными углами, ей представлялось естественным расцветить ее — не только одеяния, которые хотелось разукрасить сложными рисунками, но особенно глаза женщины, она представляла себе их пронзительно-синими.

Мыслями она постоянно возвращалась к разговору с доктором Винтер. Уходя из ее кабинета, она чувствовала

себя гораздо лучше. Мозги прочистились, и казалось, что теперь она получила верное направление. Она знала, что Том должен прибыть в Рим к концу недели, может быть даже завтра, и что остановится он в Американской академии. Еще более важным, чем прежде, казалось ей повидаться с ним. Она была знакома кое с кем в Американской академии. Для римской общины художников-эспатриантов это было весьма значимое место. Она сама часто посещала разные мероприятия, устраивавшиеся там, и заходила в библиотеку посмотреть материалы по Бернини.

Взглянув на часы, Виктория решила, что надо прямо сейчас поехать в академию и узнать, когда там ожидают Тома. К тому же она могла посидеть в тамошней библиотеке и почитать что-нибудь об Александре Великом. Библиотекарь был ее другом и, несомненно, мог оказать помощь в подборе книг о царе, видимо, сыгравшем незаурядную роль в ее предыдущей жизни, и об амулете Нерейды.

Поднявшись по старой ступенчатой тропе на вершину Яникула, она дошла до величественного фасада Американской академии, сообщила охраннику, что идет в библиотеку, показала ему документ, удостоверяющий личность, и получила разрешение войти. В офисе секретаря на месте не оказалось. Тогда она решила оставить Тому записку, которую ей пообещали передать ему, как только он появится. В записке она приветствовала его в Риме и просила позвонить ей домой. Затем пересекла центральный дворик и вошла в библиотеку.

Показав свой библиотечный билет и расписавшись в книге посетителей, Виктория заглянула в кабинет хранителя библиотеки, где за столом сидел ее друг Вирджил Честнат.

— Виктория, давненько вас не было видно! Какживаете, моя дорогая? — приветствовал ее Вирджил, вставая из-за стола.

— Я только что вернулась из Штатов — совершала обязательный семейный визит в Мичиган, потом провела несколько дней в Нью-Йорке. Побывала в музее Метрополитен и на интересной выставке в Библиотеке Моргана. Это было... просто откровение.

— Рад слышать. Путешествия дают мощный заряд вдохновения. Выглядите прекрасно. Добро пожаловать домой, — просиял Вирджил. Это был пожилой господин в безупречном твидовом костюме, питавший слабость к красивым молодым дамам. Виктория была одной из его любимиц. — Чем мы можем быть вам полезны сегодня? Продолжаете свои исследования творчества Бернини? Или что-то, понадобившееся для вашей живописи? Кстати, как идет ваша работа?

— Моя работа принимает другой оборот, но это долгая история. Надо будет нам с вами в ближайшее время победать вместе. А сейчас не могли бы вы помочь мне подобрать книги об Александре Великом? Мне нужно составить представление о его жизни и узнать подробнее про амулет Нереиды. Я знаю, что литература по этим вопросам необъятна, так что мне действительно нужен поводырь. Сможете помочь?

— Разумеется. Александр Великий? Это и впрямь интересное чтение. Только в нашей библиотеке сотни книг о нем. А вот амулет Нереиды — более специфический предмет. Давайте посмотрим вместе. Конечно же, я знаю эту историю, но подробности столь запутанной легенды не мой конек. В моем возрасте человек невольно задумывается о смерти и бессмертии. Но мне не хотелось бы жить вечно. Это было бы очень утомительно, особенно если все твои друзья умерли. Следуйте за мной. — Вирджил повел Викторию в главный читальный зал и усадил за просторный свободный стол. — Дайте мне несколько минут, и я кое-что вам принесу.

Через десять минут он вернулся со стопкой книг.

— Этого вам на первое время хватит, — сказал он, кладя книги перед девушкой. — Здесь вы найдете фолиант восемнадцатого века о знаменитых амулетах, в том числе амулете Нереиды. В свое время эта книга считалась классическим трудом на эту тему. Рискну сказать, что она не утратила своего значения по сей день — хотя бы благодаря эрудиции ее автора. Даже притом что с тех пор вышло много новых произведений. Наслаждайтесь!

— Спасибо, Вирджил. Для начала этого действительно более чем достаточно. Я искренне благодарна вам за помощь и руководство. — Виктория улыбнулась ему.

— Увидимся позже. Удачной охоты, — ответил Вирджил и направился к себе в кабинет.

Удобно устроившись в кресле, Виктория взяла в руки старинную книгу об амулетах. Переплет ручной работы из красной марокканской кожи с тисненными золотом буквами был восхитителен. Она открыла титульный лист: *Магические амулеты Древнего Египта, Ближнего Востока и античного мира. Джеймс Тернбулл. Напечатано в частной типографии во Флоренции в 1786 году.* Что ж, похоже, будет правильно начать именно с этого, подумала Виктория. Она взглянула на стопку из шести других книг, посвященных Александру, и поняла, что собственную работу придется на время отложить.

22

Прибыв на раскоп в пятницу утром и не успев выйти из машины, Том почувствовал неладное. И вскоре более чем в двадцати футах от себя увидел лежавшую на земле мертвую

овчарку Евангелии. Она выглядела так, словно рухнула внезапно, на бегу. У палатки он заметил вторую мертвую собаку, жужжащие мухи роились вокруг ее глаз и на груди, где зияла рана от крупнокалиберной пули.

Он заглянул в палатку, опасаясь худшего, но внутри никого не оказалось. Вход был застегнут на молнию, а вот задняя стена разрезана сверху донизу, и края разреза, тихо хлопая, полоскались на ветру. Том с облегчением отметил, что по крайней мере крови в палатке не видно. Интересно, где могут быть Яннис с Евангелией, подумал он и тут же увидел их, со скрученными руками привязанных к ближайшему оливковому дереву. Он бросился к ним и, достав из кармана перочинный нож, разрезал веревки. Его друзья были живы, хотя и сильно избиты. Том помчался к машине за водой. Евангелия пришла в себя первой.

Она села, положила голову Янниса себе на колени и, ласково глядя его по лицу, сказала:

— Боже мой, Том. Это было ужасно! Они угрожали нам оружием. Связали нас, потом оглушили, мы лишились сознания. Они были похожи на иностранцев. Все в черном и с лыжными масками на лицах. У одного была винтовка с огромным глушителем и инфракрасным оптическим прицелом. Он убил моих собак. — Она всхлипнула. — Он целился мне прямо в сердце. У другого, похоже, их предводителя, был пистолет, тоже с глушителем. Он говорил с нами по-английски, но с сильным акцентом, кажется, немецким. А третий нес баул. — Она помолчала, потом спросила: — Со статуей все в порядке?

У Тома бешено заколотилось сердце. Статуя! Ошеломленный происшествием с друзьями, он забыл о ней. Почувствовав, как кишки узлом завязываются внутри, он ответил:

— Я еще не смотрел — очень испугался за вас. Вы с Яннисом оставайтесь здесь, а я схожу проверю.

Он подошел ко входу в ангар, выстроенный для сохранности храма и статуи. Дверь была открыта, сломанный замок валялся неподалеку на земле. Первой его мыслью было: слава Богу, статуя на месте. Но в следующее мгновение он увидел, что у нее нет головы. Том смотрел на обезглавленную фигуру, отказываясь верить собственным глазам. От потрясения он лишился дара речи и чуть не плакал, ошеломленный таким невероятным святотатственным вандализмом. Подойдя ближе, он заметил зубчатый край на срезе шеи и пришел в ярость. Снаружи донеслись звуки подъехавших грузовиков и голоса рабочих, прибывших, чтобы транспортировать статую в музей. Теперь в них не было надобности. По крайней мере пока. Придется вместо этого звонить в полицию. Необходимо также уведомить представителей Греческой службы археологии. Уйдут часы, если не дни, прежде чем разрешат что-либо передвигать на этом месте, внезапно превратившемся в место преступления.

Кто бы это ни сделал, он теперь далеко. Судя по всему, здесь поработали профессионалы, которые не станут без нужды слоняться поблизости. С момента похищения наверняка прошло много часов. Вероятно, голова уже вывезена с острова, если не из страны. Учитывая географическое положение Крита как самого южного острова в Эгейском море, ее могли переправить куда угодно: в Турцию, на Кипр, в Ливан, Сирию или куда-нибудь в Северную Африку. Ливия расположена менее чем в двухстах морских милях к югу, грабители вполне уже могли находиться там. А могли отправиться на любой из многочисленных отдаленных греческих островов, чтобы дожидаться подходящего момента выехать из страны. Возможностей у них — масса.

Том взглянул на часы. Было почти восемь тридцать. Нужно было спешить в аэропорт: самолет до Рима отпра-

лялся через полтора часа. Том присел перед обезглавленной статуей и задумался. Скорее всего то, что грабители совершили нападение в последнюю ночь перед отправкой статуи в музей, где охрана была бы несравненно более надежной, не случайность. Так что, кем бы они ни были, планы археологов были им хорошо известны. Каким-то образом произошла утечка информации. Конечно, статуя находилась здесь уже несколько месяцев, о ней сообщали газеты, и вся деревня о ней знала. Но решение перевезти ее в музей на этой неделе окончательно было принято лишь несколько дней назад. Так что те, кто это сделал, наверняка подготовились к похищению давно и пребывали в полной готовности действовать.

В ангар вошла Евангелия. При виде статуи она в ужасе закричала, потом подбежала к Тому и, уткнувшись ему в плечо, горько разрыдалась. Том постарался ее утешить, произнеся тоном, исполненным куда большей уверенности, чем он реально испытывал:

— Мы вернем ее, Евангелия. У нас есть ваши превосходные фотографии, голову невозможно будет продать открыто — сообщим в Интерпол и в Международный фонд исследований в области искусства. Как только голова объявится где бы то ни было, мы поймаем этих бандитов.

— Надеюсь, вы правы, Том, — всхлипнула Евангелия.

23

«Боинг-737», мягко коснувшись шасси бетонной полосы аэропорта Фьюмичино, проехал до ее конца и подрулил к стойке. Выглянув в иллюминатор, Том увидел крупные кучевые облака, плывущие по ярко-синему небу.

Температура воздуха снаружи составляла 65 градусов по Фаренгейту*, что было типично для этого времени года. Днем обещали дождь, но Том был к этому готов. В Риме бурные грозы обычно налетают внезапно и продолжают недолго, а после них небо чудесным образом мгновенно проясняется, и воздух становится чистым и свежим. Аэропорт находился довольно далеко от города. Из самолета Том любовался поросшими буйной растительностью зелеными холмами Лациума и думал: «Какая все же красивая страна Италия!»

Забрав чемодан с ленты транспортера в отделении выдачи багажа, он взял такси и направился прямо в Американскую академию. По мере того как машина приближалась к элегантному неоклассическому строению, расположенному на самой вершине Яникульского холма, он ощущал все большую радость от того, что снова оказался в Риме. Как и обещала администратор, ключ от комнаты ждал его у охранника при въезде. Он прошел в основное здание и поднялся по лестнице в южное крыло, где располагался его апартамент. Том не останавливался здесь уже много лет. Это было самое подходящее место для человека, приехавшего поработать, и чрезвычайно цивилизованное. Здесь не приходилось беспокоиться, что, проснувшись, увидишь, как по тебе ползет паук. Поставив вещи на диван в гостиной, он выглянул в окно и залюбовался восхитительными зонтичными соснами в саду. Было бы приятно немного поваляться и отдохнуть, но ему не терпелось поскорей добраться до Пантеона.

Утро выдалось долгим. Полиция продержала его на раскопе до тех пор, пока времени до самолета осталось в обрез, и он был вынужден мчаться в аэропорт как сумасшедший. Перелетев на легком самолете с острова в Афи-

---

* Около 20 градусов по Цельсию.

ны, пересел на стыковочный рейс до Рима. Случившееся казалось ему дурным сном. Он все еще не мог поверить, что кто-то варварски обезглавил статую Александра. Тем не менее пришлось на время отодвинуть эти мысли на дальний план, иначе он не смог бы сосредоточиться на предстоящей работе. Теперь все было в руках властей. Если повезет, полиция выследит преступников и правосудие свершится.

Вместе с ключом Тому передали конверт, адресованный ему и подписанный явно женским почерком. Внутри оказалась записка от Виктории Прайс. Он удивился, узнав, что она в Риме — в письме был номер ее телефона. Взглянув на телефонный аппарат, стоявший у него в номере, Том подумал, не позвонить ли прямо сейчас, но решил, что должен извлечь максимум пользы из того, что оказался в Риме в столь ранний час. Позвонить не поздно и завтра, а сейчас его ждало важное дело. До Пантеона он предпочел пройти пешком, это пойдет на пользу. В конце концов Рим — один из самых «пешеходных» городов в мире. Прихватив камеру и сунув в карман блокнот, он начал спускаться с Яникульского холма.

Быстро пройдя по узким мощеным улочкам Трастевере, он пересек Тибр по пешеходному мосту Систо, расположенному выше по течению от маленького острова — некогда это было место изоляции заболевших чумой, — и решил выпить капучино в кафе «Святой Евстафий».

Для любителей капучино это одно из самых замечательных заведений в мире, и располагается оно неподалеку от Пантеона. Заплатив и получив чек в кассе, Том передал заказ бармену и с удовольствием наблюдал, с каким мастерством тот готовит кофе, взбивая молоко в воздушную пенку, но не доводя его до кипения. Он всегда удивлялся, почему в Штатах нет места — во всяком случае, он такого не знал, — где можно выпить капучино, не опа-

саясь обжечь себе язык. Вдыхая дивный аромат, он смотрел, как горка сахара, насыпанная поверх молочной пенки, медленно исчезает, погружаясь в жидкость. Встряхнув флакон с шоколадной пудрой, бармен сверху посыпал им содержимое чашки. Том кивком поблагодарил его, взял свой кофе и, выйдя наружу, устроился за одним из столиков, расставленных перед входом в кафе.

С того места, где он сидел, была видна маячившая вдали крыша Пантеона. В древности этот район был известен как Марсово поле и находился за пределами городских стен по меньшей мере до периода правления императора Аврелия в третьем веке новой эры. Изначально эта земля принадлежала тарквинским* королям, и так было до установления в Риме республики, когда она перешла в собственность народа. Свое название это место получило от древнего алтаря, посвященного Марсу, богу войны, здесь римские войска традиционно проводили военные учения. Поднеся ароматную чашку ко рту, Том взглянул на зеленое рельефное изображение оленя с крестом между ветвистых рогов — эмблему кафе, потом перевел взгляд на площадь перед церковью, фронтон которой был украшен такой же оленьей головой с большим крестом между пышных рогов — христианским символом святого Евстафия, покровителя охотников и всех находящихся перед лицом вражеского нападения.

Том допил кофе, маленькой ложечкой тщательно собрал остатки пенки со стенок чашки и запил все холодной водой.

До Пантеона оставалось идти недолго, и вскоре он уже стоял на Пьяцца-делла-Ротонда перед величественным храмом. Он дошел до центра площади, где распола-

---

* Древний город Тарквиния был главным городом в этрусской лиге, состоявшей из 12 городов.

гался фонтан шестнадцатого века, увенчанный египетским обелиском. Обелиск был найден во время проводившихся неподалеку раскопок святилища Изида и водружен на площади в 1711 году. Том хотел получше рассмотреть фасад Пантеона. С того места, где он стоял, не был виден купол, и здание производило впечатление традиционного прямоугольного романского храма. Величественный портик с фронтальной колоннадой, так называемый пронаос*, изначально покоился на ступенчатом цоколе, что также характерно для римских храмов, но с тех пор уровень земли повысился. Задуманный эффект состоял в том, чтобы человек, подходящий к храму, не догадывался о поразительной круговой панораме, которая ждала его внутри.

Здание на редкость хорошо сохранилось, несмотря на то что, как большинство античных памятников архитектуры, имело долгую историю периодических ограблений, а также перестроений, не всегда соответствовавших оригинальному облику. Византийский император Фока подарил Пантеон папе Бонифацию Четвертому, который в 609 году превратил его в церковь Санта-Мария ад Мартирес, посвященную Богородице и святым мученикам. Считается, что это был первый языческий храм в Риме, подвергшийся христианизации. В эпоху Возрождения Пантеоном восхищались как символом Римской империи.

От фонтана на Пьяцца-делла-Ротонда Том перешел к портику Пантеона. С обеих сторон от главного входа имелись отделенные двумя массивными колоннами проходы,

---

* Пронаос (от *греч.* про — перед и паос — жилище божества), в древнегреческой архитектуре — предхрамие, преддверие. Часть внутреннего помещения храма между входным портиком и наосом.

ведущие к высоким нишам, где некогда стояли ныне утраченные статуи императора Августа и Агриппы*. Том остановился, восхищенный массивными египетскими колоннами из серого и розового гранита, и провел рукой по прохладному гладкому камню цилиндрического не каннелированного основания одной из них. Высота этих колонн достигала чуть более сорока четырех футов. Для античности отнюдь не предел, но все они, что казалось невероятным, были высечены из цельных глыб камня. Коринфские капители представляли собой замысловатую резьбу по мрамору в форме акантового орнамента и листовенных сплетений. Впечатление было ошеломляющим.

Том вошел внутрь через тяжелые бронзовые двери, восстановленные в 1560 году папой Пием Четвертым, но — на удивление — сохранившие свой первоизданный вид, и попал в круглое пространство ротонды. Это на самом деле было одно из величайших архитектурных чудес всех времен: взгляд человека сразу же привлекло отверстие в центре купола, открытое прямо в небо. Солнечный свет проникал сквозь это огромное окно внутрь, словно мощный луч прожектора. Чем выше, тем тоньше становилась стена, а сам купол был сделан из легкого вулканического камня.

Это было величайшее архитектурное сооружение Адриана, символ Рима как центра античного мира. Римский историк Кассий Дион, в начале третьего века новой эры написавший восьмидесятитомную историю Рима, упоминая о Пантеоне, утверждал, что в храме находилось множество изображений богов, в том числе Марса и Венеры.

---

* Марк Випсаний Агриппа (63—12 г. до н.э.) — римский государственный деятель и полководец, друг и зять императора Октавиана Августа. Покровительствовал искусствам, построил Пантеон.

Предположительно эти статуи располагались в семи нишах, в каждой из которых могло находиться более одной статуи, поскольку их общее число не соответствует каноническому пантеону двенадцати богов. Между главными нишами на равном расстоянии друг от друга расположено восемь ниш поменьше. Было нечто мистическое, космическое в общем виде внутреннего пространства; такое впечатление, подумал Том, возникает из-за его идеальной геометрии и ориентации на четыре стороны света — север, юг, восток и запад. Пол, вымощенный разноцветным мрамором, усиливал этот эффект, поскольку узор складывался из чередующихся квадратов и кругов — идеальных фигур, дополняющих геометрическое совершенство самого здания.

Том медленно прошел в центр Пантеона и методично обвел помещение взглядом по кругу, пытаясь определить, где мог император Требоний Галл захоронить останки Александра в середине третьего века новой эры. По идее одна из ниш или скрытых люков в полу были бы самым подходящим местом для входа в усыпальницу. В некоторых нишах, как заметил Том, были устроены часовни, в других теперь находились христианские надгробия.

Обойдя все помещение и обследовав каждый квадратный фут, он не смог найти никаких признаков гробницы Александра. Более того, стало ясно, что пол подвергся капитальной реставрации. Он осматривал все снова и снова, но ничто не указывало на место последнего упокоения великого полководца.

Между тем небо потемнело и начался дождь. Это была одна из обычных в здешних местах внезапных гроз; вода сквозь окно в куполе лилась на мраморный пол. Вспышки молний то и дело озаряли величественное пространство храма, а раскатистый гром эхом отдавался от чаши гигантского купола. Том понял, что скорее всего поддался оче-

редной химере. Что он надеялся найти? С античных времен Пантеон всегда оставался действующим храмом. Как он мог подумать, что войдет в него и обнаружит гробницу Александра, если за минувшие семнадцать веков этого никому сделать не удалось? Или удалось? Нужно будет лучше изучить постантичную историю здания и его реконструкций. Если останков Александра здесь нет, значит, кто-то мог найти их, и у этого кого-то были весьма веские причины не предавать свое выдающееся открытие огласке. Том знал, что в девятнадцатом веке археологи систематически изучали здание, роя пробные траншеи, а реставрация пола большей частью проводилась именно в то время. В результате этих исследований была обнаружена прямоугольная планировка здания, которое изначально было воздвигнуто на этом месте Агриппой. Но ввиду отсутствия необходимости те ранние исследования коснулись лишь отдельных участков пола. Если бы тогда нашли что-нибудь, имеющее отношение к Александру, об этом было бы объявлено как о величайшей находке. А вот в более ранние времена подобное открытие можно было сохранить в тайне. На мраморных памятных табличках внутри Пантеона описывались значительные обновления, произведенные в семнадцатом веке под патронажем папы Урбана Восьмого и позднее — под патронажем папы Александра Седьмого в рамках общей городской реконструкции Рима.

Том посмотрел на часы. Дождь прекратился, и небо снова прояснилось. Пора было возвращаться в академию, принять душ, пообедать и заняться кое-какими изысканиями в тамошней библиотеке. Он не мог избавиться от разочарования, но оставлять надежду было рано. Пока рано. Надо проследить все ниточки. Выйдя из Пантеона на площадь, Том направился на близлежащую улицу

Ларго Аргентина, где, как он знал, можно было поймать такси.

Стоя на стоянке в ожидании машины, он посмотрел на огороженные развалины четырех храмов времен Римской республики на противоположной стороне улицы. У него за спиной находился театр Помпея. А вот и место, где был убит Юлий Цезарь, не отмеченное никаким мемориальным знаком, — теперь это просто обычный тротуар перед галереей видеоигр. Время многое меняет, подумал Том, но некоторые события история навсегда запечатлевает в потомстве. Сегодняшние римляне по-прежнему чтят память Цезаря в день его убийства, в мартовские иды, принося розы к его храму на Императорском форуме, где его кремировали. Время и случай протянули новую нить, ведущую к местонахождению гробницы Александра. Теперь Тому нужна была дополнительная информация о новейшей истории Пантеона, чтобы определить место ее вероятного нахождения — если, конечно, она все еще там.

24

Вернувшись в свою маленькую квартирку в Американской академии, Том обнаружил адресованный ему конверт на чайном столике красного дерева времен королевы Анны. Внутри оказалось короткое письмо, написанное изящным почерком на плотной кремовой почтовой бумаге:

Вам грозит страшная опасность.

Нам нужно поговорить сегодня вечером.

Приходите к Паскино. Он Вам скажет, где меня найти.

Друг.

Рядом со словом «друг» был нарисован стилизованный романский знак молнии, орнаментированный, с зубцами, расходящимися во все стороны от рукояти, — персональное оружие Зевса. Сев на диван, Том посмотрел в окно, за которым на ветру качались кроны зонтичных сосен, возвышавшихся над безукоризненно ухоженной зеленой лужайкой, окруженной кустарником. День клонился к вечеру, и свет уже начинал меркнуть. Клочковатые облака усеивали ярко-синее небо. Что все это значит? Никто не знает, что он уже в Риме, кроме секретаря академии, которая помогла ему забронировать жилье на день раньше. Вначале предполагалось, что он появится здесь только завтра, но даже в этом случае он никому не сообщал о своем приезде, кроме хранителя библиотеки Ватикана. И каким образом кто-то проник в его комнату? Дверь была заперта, никаких следов взлома... Он быстро проверил свои вещи и компьютер, чтобы убедиться, что все на месте. Да, все было на месте — по крайней мере на первый взгляд.

О какой такой опасности говорилось в письме? Он вспомнил о проникновении в его дом в Кэрролл Гарденз и о человеке, который следил за ним в Афинах. И об этом кошмаре со статуей Александра в Дикте. Неужели все это связано одно с другим? Может, на самом деле происходит что-то еще, о чем он не знает? И кто такой, черт возьми, этот Паскино? Том задумался. В студенческие времена он провел в Риме два года, но это было очень давно. Позднее он несколько раз приезжал в академию в качестве приглашенного лектора. Но встречался ли он когда-нибудь с человеком по имени Паскино? Может, это кто-то, кто работает в академии? И тут его осенило. Он улыбнулся. Конечно же, он знает Паскино и знает, где его найти.

Том сверился с часами и решил, что это новое загадочное направление развития событий стоит того, чтобы им

заняться. Что он теряет? В конце концов можно же позволить себе небольшое римское приключение. Переодевшись в непринужденный костюм, подходящий для вечера, он снова вышел на улицу. Охранник, дежуривший у въезда в академию, вызвал ему такси, и Том попросил шофера отвезти его на Пьяцца Навона. Водитель вихрем слетел с Яникульского холма, промчался через Трастевере, переехал Тибр и по дальнему берегу направился в центр города. Вскоре он со скрежетом остановил машину в конце улицы Занарделли, рядом с Пьяцца Навона. Том расплатился и ступил на булыжную мостовую.

Это была одна из его любимых римских площадей. Она имела форму длинного овала, поскольку была построена поверх основания стадиона, сооруженного императором Домицианом. Таксист высадил Тома возле единственного места, где все еще можно было видеть часть основания римской аркады, некогда окружавшей игровое поле стадиона. Он подошел к перилам, огораживавшим древний фундамент, и посмотрел вниз, на древние туфовые блоки, располагавшиеся теперь гораздо ниже уровня земли, потом повернулся и пошел к площади по узкой пешеходной улице.

Было начало чудесного осеннего вечера, в воздухе после дождя повеяло свежестью и прохладой. Солнечные лучи еще отражались от верхней части домов, делая более рельефными изящные детали барочной церкви, обращенной фасадом к центру площади. Том неторопливо подошел к знаменитому Фонтану четырех рек Бернини, находящемуся прямо напротив церкви.

Становилось прохладно, уличный торговец неподалеку продавал жареные каштаны. Доставая их из старой холщовой сумки, свисавшей с его тележки, он коротким изогнутым ножом расщеплял кожуру, вынимая блестящие сердцевинки, и жарил их на угольной жаровне в традици-

онной сковороде с дырками, через которые огонь время от времени лизал их. Запах от жаровни шел такой восхитительный, что Том не выдержал, купил небольшой паке-тик каштанов, чтобы пожевать, пока будет обходить площадь. По периметру ее располагалось множество небольших кафе, перед каждым из которых было выставлено несколько столиками под большими круглыми полотняными зонтами. Между столиками были расставлены газовые обогреватели, чтобы, несмотря на вечернюю прохладу, посетителям было уютно посидеть на свежем воздухе и выпить аперитив или кофе. Наблюдать за людьми было, как всегда, интересно. Вдоль площади бродил уличный аккордеонист, исполняя свою версию песни Дина Мартина «Это любовь»; несколько художников стояли за мольбертами в окружении своих произведений, выставленных на продажу. Некоторые из них рисовали портреты туристов или карикатуры. Африканцы, скорее всего нигерийцы, разложив на одеялах прямо на земле свои национальные поделки или псевдодизайнерские сумки, зазывали покупателей. Пьяцца Навона была большой площадью, и народу на ней было много. Одни шли куда-то целенаправленно, другие просто наслаждались вечерней прогулкой. Повсюду расхаживали, впархивая время от времени, голуби, выискивавшие крошки и ожидавшие подачек от туристов.

Том подошел поближе к фонтану полюбоваться выразительными статуями, символизирующими четыре крупные реки: Дунай, Ганг, Нил и Ла-Плату, которые представляли соответственно Европу, Азию, Африку и Америку. Он посидел несколько минут на парапете фонтана, потом дошел до улочки, под углом отходившей от площади в том месте, где аркада загибалась полукругом, и свернул в нее. Все улицы в этой старинной части города повторяли контуры древних дорог и то и дело поворачивали туда-сюда.

Сразу за углом Том оказался в точке, где сходились три боковые улочки, образовывавшие небольшое треугольное пространство, которое трудно было назвать площадью, но которое тем не менее было известно как Пьяцца ди Паскино. Там, напротив дворца Браши, на высоком туфовом пьедестале стояла так называемая говорящая статуя Паскино. Эту мраморную скульптуру нашли около 1501 года во время раскопок дворца Орсини неподалеку отсюда, и на этом самом месте она стояла уже более пятисот лет. Вероятно, эта старинная скульптура являлась сделанной в период Римской империи копией знаменитой эллинистической скульптурной группы, которая украшала стадион Домициана. По одной версии, она изображала Аякса с телом Ахилла на руках. Но правдоподобней казалась другая, согласно которой это был спартанский царь Менелай, держащий тело мертвого Патрокла — ближайшего друга Ахилла, убитого троянским героем Гектором. Статуя была сильно повреждена, но все же передавала изначальный накал драматизма.

Не случайно она так нравилась Бернини, который считал ее одной из самых прекрасных античных статуй Рима. Том задержался, чтобы еще раз оценить красоту скульптуры. Коленопреклоненный бородатый Менелай, опустив безвольно обмякшее тело Патрокла на левое колено, поддерживал его правой рукой. Перевязь прикрывала его полуобнаженную грудь, на боку висел меч, вложенный в ножны. Голова Менелая в сдвинутом на затылок шлеме была резко повернута вправо, словно царю было невыносимо смотреть на мертвого Патрокла. Мрамор сильно пострадал от времени, тем не менее возможно было представить себе, как выглядела эта скульптурная композиция в свои лучшие времена.

Когда в начале шестнадцатого века скульптура впервые была выставлена на обозрение, кардинал Оливьеро Кара-

фа учредил поэтический конкурс. Каждый год двадцать пятого апреля люди вывешивали возле статуи свои стихи или прикрепляли их к пьедесталу, чтобы прочесть их мог каждый. Со временем здесь в течение всего года стали появляться послания и другого рода. Античная скульптура превратилась в место, где люди помещали критические комментарии или сатирические заметки, зачастую направленные против правительства или видных политических деятелей, включая пап. В конце концов статую начали называть «Паскино» — по псевдониmu самого активного автора, задиристого анонимного подстрекателя, которым, как считалось, был местный брадобрей или портной, обладавший особенно острым языком. Согласно легенде, бесчисленные заметки Паскино более всего способствовали распространению слухов во время проведения конклавов по избранию нового папы. Со временем тирады Паскино стали настолько язвительными, что религиозные власти подумывали даже утопить статую в Тибре, но в конце концов, убоившись насмешек, отказались от этой идеи. Однако они издали закон, запрещающий вывешивание записок, и была выставлена охрана, призванная следить за его исполнением. А в результате по всему Риму стали появляться другие «говорящие статуи», например, колоссальная скульптура речного бога Марфорио, стоявшая тогда у подножия Капитолийского холма, а ныне перенесенная в Капитолийский музей. Что же касается Паскино, то он «разговаривает» и в наши дни, а слово «паскинада», означающее сатирическое сочинение, выставленное в публичном месте, можно найти даже в самых серьезных академических словарях.

У основания статуи и к стенам дворца Браши было и сейчас прикреплено несколько десятков записочек. Многие из них, судя по внешнему виду, висели здесь очень давно. Некоторые были напечатаны на машинке, неко-

торые — на компьютере, а некоторые написаны от руки. Здесь были выражения недовольства премьер-министром и требования увеличения зарплаты рабочим — членам профсоюзов. В одной записке подвергались критике внешняя политика Соединенных Штатов и ее имперские цели. А кто-то даже написал поэму о любви к Риму. Все сочинения были разными, но подпись везде стояла одна: «Паскино». Наконец Том заметил на правой стороне пьедестала написанное четкими печатными буквами послание — на такой же плотной кремовой бумаге, как и записка, найденная им у себя в комнате. Послание состояло из одной латинской фразы: «*Quod non fecerunt Barbari fecerunt Barberini*» — «То, чего не сделали варвары, сделали Барберини»*.

После подписи «Паскино» стоял тот же самый римский значок молнии Зевса, что и на предыдущей записке. Цитата была повтором одного из самых ранних посланий Паскино, относящегося к началу шестнадцатого века. Оно было адресовано папе Урбану Восьмому из рода Барберини, чья безжалостная погоня за античными ценностями сравнивалась со средневековыми вторжениями в Рим варваров, после которых многие объекты культурного достояния города оставались лежать в руинах. Это конкретное послание касалось распоряжения папы раз-

---

* В 658 г. Пантеон лишился золоченой кровли, ее сняли по приказу византийского императора Константа II. В 735 г. папа римский Григорий III распорядился восстановить кровлю. Однако позднее, в 1624-м, папа Урбан VIII для возведения бронзового кивория в интерьере собора Св. Петра по проекту Дж. Л. Бернини приказал снова снять золоченую кровлю и переплавить ее. Поскольку папа Урбан VIII происходил из рода Барберини, жители Рима придумали поговорку: «*Quod non fecerunt Barbari fecerunt Barberini*» (лат.) — «То, чего не сделали варвары, сделали Барберини».

рушить бронзовый потолок портика Пантеона — весьма интересный факт, учитывая интерес Тома к этому храму. Том аккуратно открепил записку от пьедестала. На другой стороне тем же изящным почерком, что и записка, найденная им утром, было написано: «Встретимся в «Аталанте» в 7.30». «Аталанта» была хорошо известным Тому маленьким рестораном в Трастевере, специализировавшимся на мясных блюдах и блюдах из дичи, приготовленных на гриле. Том взглянул на часы. Было четверть восьмого, времени оставалось как раз на то, чтобы дойти туда пешком, если отправиться немедленно. Он по-прежнему не знал наверняка, кем был его корреспондент, но интуиция кое-что ему подсказывала.

Том прибыл в ресторан, опоздав лишь на несколько минут. Войдя, он был встречен метрдотелем, который учтиво приветствовал его:

— Добрый вечер, сэр. У вас заказан столик?

— Я встречаюсь здесь с приятелем. Надеюсь, что он позаботился о столике.

— Как его зовут?

— Видите ли, я точно не знаю. Кто-нибудь здесь у вас ждет сейчас кого-нибудь? — смущенно ответил Том.

— Да, конечно. — Выражение лица метрдотеля сделалось более дружелюбным, он улыбнулся и спросил: — Вы мистер Карр? Вас ждут. Сюда, пожалуйста, — и повел Тома в глубину зала, где за столом, скрыв лицо за картой меню, которое он изучал, сидел мужчина. Приблизившись, Том наконец увидел, кто это: большие голубые глаза мужчины лукаво-застенчиво смотрели на него из-под седых кустистых бровей.

— Господи, Вирджил, мне следовало догадаться, что это вы! — воскликнул Том. Он тепло пожал руку вставшему ему навстречу Вирджилю.

Вирджил Честнат был автором учебника латыни, по которому двадцать лет учились школьники по всем Соединенным Штатам, пока латынь еще была востребована в американском школьном образовании. Гонорары от продажи книг и небольшое наследство, полученное от отца, позволили ему рано уйти на пенсию, оставив должность преподавателя латинского языка в высшей школе, в чем он весьма преуспел. С тех пор он полгода проводил в Риме, занимаясь своими делами, а полгода работал учителем в маленькой школе-интернате в Массачусетсе. Теперь это был представительный на вид пожилой господин, едва ли не пародия на себя прежнего. Если бы нужно было изобразить его персонажем детской книги, то скорее всего это был бы мистер Тоуд из Тоуд-Холла — персонаж «Ветра в ивах».

— Рад видеть вас, Том, — сказал Вирджил. — Простите за эти шпионские записочки.

— Откуда вы узнали, что я здесь? — удивился Том.

— О, мне сообщила секретарь академии. В этом городе новости распространяются быстро, как вы знаете.

— А как вы пробрались в мою комнату, чтобы оставить записку? Дверь ведь была заперта?

— Мария, горничная, впустила меня. Мы с ней давние приятели. Но послушайте, — Вирджил поднял палец, призывая собеседника к молчанию, — есть кое-что, о чем я должен безотлагательно с вами поговорить. Я сейчас пишу «тайную историю» торговли антиквариатом здесь, в Италии. Имейте в виду, что я тоже коллекционер, в старом понимании этого слова, но считаю себя лишь распорядителем и хранителем ряда значительных произведений искусства, которыми пока наслаждаюсь сам, но в один прекрасный день передам их какому-нибудь музею. — Вирджил посмотрел на Тома и, осознав, что отклонился далеко в сторону, решил перейти ближе к делу: — Что

представляется мне возмутительно незаконным, так это нелегальные раскопки, наносящие непоправимый ущерб итальянскому культурному наследию. Черт возьми, эти бандиты повсюду. Они наводнили всю страну. Почему правительство ничего не предпринимает, я понять не могу — это, скажу я вам, для меня какая-то тайна египетская. А теперь слушайте. — Вирджил перегнулся через стол поближе к собеседнику: — На той неделе я был в Лукании, останавливался в маленьком пансионе. Во время утреннего моциона я столкнулся на дороге с парнем, который торговал пармской ветчиной прямо из кузова своего «БМВ». Думаю, эта ветчина выпала из трейлера где-то по дороге. Было ему лет пятьдесят с хвостиком, настоящий провинциал, но с шиком. В красно-золотом асконском галстуке и мятом льняном пиджаке цвета бронзы. Волосы с седыми прядями зачесаны назад, понимаетесь, набриллиантинены, а на макушке — солнечные очки в золотой оправе. Уверяю вас, ему казалось, что он выглядит шикарно.

Вирджил выпил глоток воды, чтобы промочить горло.

— Когда я сказал ему, что я — профессор-классик, он с гордостью сообщил в ответ, что он — местный гробокопатель! И стал рассказывать о богатой истории своего края, о римлянах и греческих колонистах, живших здесь до них. Он оказался весьма осведомлен. Поначалу меня это забавляло, но потом он начал описывать древние захоронения в окружающих горах. Он считал, что имеет полное право их раскапывать. Как он выразился, это его культурное достояние. Можете себе представить? Поскольку полиция не жалуется грабителей могил, он занимается своим ремеслом по ночам. Берет длинный металлический шуп и, тыча им в землю, ищет могилы. Когда натывается на одну из них, — Вирджил стукнул кулаком по столу в негодовании, — достает лопату и начинает копать. И еще —

вы только послушайте, это самое интересное и неправдоподобное! — оказалось: он любит больше всего, и это для него все равно что наркотик, рассматривать живопись сразу после того, как вскроет усыпальницу. Как он описывал мне непередаваемую свежесть этой живописи и то, как она меркнет в течение нескольких минут по мере того как натуральные пигменты, много веков лишенные контакта с атмосферой, вступают во взаимодействие с воздухом! Затем он рассказал, что быстро хватает какие-нибудь вазы или драгоценные украшения, а потом, сидя прямо на останках покойника, разглядывает рисунки, подсвечивая себе фонарем. Невозможно передать, говорил он, это ощущение, — когда видишь их такими, какими они были, когда их только закончили рисовать. По его словам, он чувствует себя почти виноватым из-за того, что он — единственный, кому выпадает радость полюбоваться этими картинами, прежде чем они померкнут и превратятся в бледную тень себя самих — точно так же, как человеческая плоть после смерти теряет свой жизненный цвет, превращаясь в свое восковое подобие.

Мир таков, каков он есть, — продолжил Вирджил. — Бог свидетель, человек должен на что-то жить. И признаюсь вам честно, я почти позавидовал этому человеку. Почти, но не совсем. Это значит, что я понимаю восторг открытия, но — Боже милостивый! — цена слишком высока! — Он снова обрушил кулак на столешницу и тут же извинился: — Простите, Том. Иногда я сам себя завожу.

Они заказали флорентийский стейк на двоих — превосходный кусок мяса, идеально прожаренный на открытом гриле. Том попросил официанта откупорить красное домашнее «фиаско» — двухлитровую бутылку, оплетенную ивово-й лозой. В этом ресторане посетители платили лишь за то, что пили, и официант приносил счет в конце трапе-

зы. Он делил содержимое бутылки на четверти, и если обедающие осиливали всю бутылку, то они были, мягко выражаясь, навеселе. Том и Вирджил пили умеренно.

— Я снова отклонился от темы, — сказал Вирджил. — Вы знаете за мной этот грешок. Вот что я хотел сказать. Работая над своим исследовательским проектом, я познакомился с довольно странным контингентом персонажей, похожих на того парня, которого я только что описал. До меня доходила самая разная информация. И вот как-то, разговаривая с одним из своих информаторов, я с удивлением услышал ваше имя. Разумеется, я не могу раскрывать своих источников — журналистская этика и все такое прочее, — но меня удивило, что ваша работа находится в поле зрения подобных людей. Я не располагаю никакими подробностями, однако решил, что вам следует это знать.

Вирджил сделал паузу, посмотрел на Тома и продолжил:

— Вам, конечно, известно, что я все еще работаю на полставки в библиотеке Американской академии на должности, которую исполнял много лет. Я обожаю весь день находиться среди книг, но это немного смахивает на работу в кегельбане. Привожу полки в порядок, расставляю книги по местам, а люди приходят, достают их с полок, и мне приходится начинать все сначала — как Сизифу, если хотите, только я ношу не камни, а книги.

Он отпил вина.

— Скажите, есть ли причина, по которой *томбароли* могут проявлять интерес к вашей работе? Простите, я слишком много болтаю. Расскажите мне лучше о своем путешествии. Сгораю от нетерпения узнать о ваших находках. Между прочим, вам не следует доверять электронной почте слишком много информации. Эти люди весьма

смекалисты в техническом плане, они могут взломать чей угодно аккаунт.

Тому показалось, что Вирджил слегка впадает в мелодраматизм, однако его встревожило то, что он услышал. Ведь компьютер у него украли как раз накануне поездки в Дикту, а сразу после этого грабители, специализирующиеся на антикварных ценностях, осквернили самую главную тамошнюю находку. Не могут ли эти два события быть связаны? В конце концов, вероятно, то, что говорит Вирджил, не так уж и абсурдно.

— Вирджил, мой они, видимо, уже взломали! Какие-то грабители наведались в Дикту на раскоп прошлой ночью и отрезали голову нашей статуи Александра Великого.

— *Porco Dio* *! Бессовестные сукины дети! — выругался Вирджил.

— Мы только-только закончили консервацию и собирались транспортировать статую в музей — время они выбрали идеально. У них должна была быть информация изнутри, чтобы совершить налет в самый последний момент. Но в моей почте этой информации не было. Мне стало физически плохо, когда я сегодня утром увидел обезглавленную статую — словно ее подвергли глумливой экзекуции. Но я должен сообщить вам и еще кое-что, а вы должны мне пообещать, что это не выйдет за пределы нашего стола.

Вирджил кивнул и, перегнувшись через стол, обратился в слух, пока Том рассказывал ему о расшифрованной им надписи на стеле и о том, что, согласно ей, наиболее вероятным местом нынешнего нахождения гробницы Александра Великого является римский Пантеон. Вирджил тихо присвистнул, съел еще кусочек стейка и попрощал Тома продолжать.

---

* Итальянское ругательство, которое можно перевести как «черт возьми».

— Сегодня я пошел в Пантеон в надежде, что это место имеет какой-нибудь отличительный признак. Однако храм, хоть и является одним из самых замечательно сохранившихся архитектурных сооружений Рима, за минувшие со времен его создания годы подвергся радикальной перестройке. Я надеялся найти какую-нибудь мету на полу или еще где-нибудь, но обновления, произведенные в семнадцатом веке, особенно те, которые были предприняты папами Урбаном Восьмым и Александром Седьмым, судя по всему, полностью исключили такую возможность.

Вирджил указал на человека за соседним столом, похожего на сатира, — черная шевелюра, нависавшая над остроугольными ушами, напоминала звериную шерсть. Скороговоркой рассказывая что-то своей спутнице, сидевшей напротив, он весело смеялся.

— Помните прелестный пассаж из книги Лоуренса «По следам этрусков»? Там он попадает в Тоскану и отмечает, что после войны в тех местах уже далеко не так часто можно встретить сатира. Разумеется, он имел в виду Первую мировую.

— Думаете, он хотел сказать, что их всех поубивали в окопах? Или они просто больше не могли мириться с человеческим безрассудством?

— Трудно сказать, — вздохнул Вирджил. — Но я склоняюсь к тому, что он имел в виду последнее. Конечно, лесные существа вроде сатиров и менад — нам с вами не чета. Они живут в гораздо большей гармонии с природой и естественным порядком вещей. Война — сугубо человеческое изобретение. Она не является порождением природы, и сатиру трудно принять ее разрушительные последствия. В крови у этрусков, должно быть, имелась небольшая примесь сатирической крови. Во всяком случае, их погребальное искусство, похоже, уходит корнями в под-

водные течения природного мира. Думаю, старина Лоуренс согласился бы со мной.

— А знаете, — отхлебнув вина, задумчиво сказал Том, — я когда-то видел одного Пана. Это было на острове Тасос лет пятнадцать тому назад. Я тогда только что поступил в аспирантуру и путешествовал с группой из Американской школы классических исследований. В начале октября, в один из тех прекрасных, безмятежно-спокойных дней бабьего лета, какие выдаются иногда в Греции, у нас среди дня оказалось свободное время. Туристский сезон закончился, хотя туристов там вообще бывает не много, поскольку остров лежит в стороне от проторенных дорог. Так или иначе, в тот день он казался безлюдным. Я взял напрокат мопед и отправился на прогулку. Мопед был арендован на полдня, поэтому возвратиться я должен был до наступления темноты. Отъехав довольно далеко по проселочной дороге, я заметил, что солнце начинает садиться. Находился я в тот момент в горах и наткнулся на большое пшеничное поле в окружении оливковых деревьев. Типично сельский пейзаж. И там, ближе к дальнему концу поля, посреди белого дня я увидел гигантского лесного Пана с косматыми козлиными ногами и человеческой верхней частью тела. У него были высокие изогнутые рога, и на них бликами играли лучи предзакатного солнца. Немного сутулясь, он медленно шел в противоположную от меня сторону. Не в силах поверить своим глазам, я резко затормозил. Пан находился в сотне ярдов от меня, и, когда я заглушил мотор, он оглянулся. А потом так же медленно и целеустремленно двинулся дальше. Была в его облике какая-то грусть, но и неподдельное осознание собственной силы. Я, конечно, мог за ним погнаться, но что-то внутри — или, быть может, что-то, исходившее от него, — удержало меня. Минута — и он уже был на другом краю поля, а потом и вовсе исчез в оливковых зарослях.

Пусть теперешние люди и не верят в живых греческих богов, но я уверен, что, будучи бессмертными, они живут и поныне. Вспомните, какими обширными и великими были владения Пана в античности. Все леса, все царство природы принадлежало ему. Сегодня на земле остались лишь отдельные ареалы дикой природы, она все больше и больше исчезает. Неудивительно, что мой Пан выглядел таким грустным. Когда же мы осознаем, какой вред наносим природе и какие невозполнимые утраты навлекаем на себя?

— Я отнюдь не удивлен тем, что Пан явился именно вам, Том, — заметил Вирджил. — В вас всегда жила страстная любовь к природе. В конце концов, вы ведь выросли в Монтане, не так ли? Это Божья земля. А еще вы провели какое-то время в Южной Африке, да? В сущности, я даже не понимаю, почему вы стали археологом.

— Не забывайте, что я семь лет отучился в Бринмор-колледже, — улыбнулся Том.

— А теперь что касается Пантеона, — продолжил Вирджил. — Я знаю человека, который, вероятно, способен помочь вам выяснить, что случилось с мумией Александра. Ее зовут Виктория Прайс. Она ученый из Америки, специализирующийся на римском искусстве периода барокко, и знает все, что можно знать о папских предприятиях в области искусства семнадцатого века. Кроме того, мне известно, что она специально изучала историю Пантеона. Она мой друг и, не премину добавив, очаровательная женщина. Я много лет помогал ей с поиском нужных книг в нашей библиотеке. По материнской линии она происходит из рода выдающихся варшавских историков искусств. Ее семья эмигрировала в Америку после Второй мировой войны. Около семи лет назад Виктория переехала в Италию, чтобы продолжить работу над докторской диссертацией, и она успешно защитила ее в своем родном

Мичиганском университете. Сейчас она больше времени посвящает живописи. Если кто и может ответить на ваши вопросы относительно обновлений, коим подвергся Пантеон, и гробницы Александра, так это, уверен, она. Я могу позвонить ей и организовать вам встречу. Она живет в Риме и, что немаловажно, ей можно доверять — она исключительно сдержанна и благоразумна.

Том не верил своим ушам.

— Вы сказали Виктория Прайс? Такая высокая красивая блондинка? — Эта блондинка продолжала удивлять его.

— Да. Вы знакомы? Я видел ее вчера, и она сказала, что только что вернулась из Нью-Йорка, где посетила Метрополитен. Ах вы, старый проказник! — Вирджил подмигнул.

— Мы познакомились совершенно случайно. Она была в группе, которую я водил по музею, ну а потом мы выпили кофе. А уже здесь я нашел от нее записку с просьбой позвонить. — Том не хотел вдаваться в подробности. — Как вы думаете, сейчас еще не поздно это сделать?

— Конечно, нет, я позвоню ей, как только мы закончим. Она женщина со средствами, как говорится, ей нет необходимости служить, но при этом я вовсе не хочу сказать, что она бездельница, — по утрам она часто приходит в библиотеку поработать. Только, Том, я должен вас спросить: чего вы хотите добиться в результате своего поиска? После того как останки Александра Великого в течение многих веков переносили с одного места в другое как священную реликвию, трудно себе представить, чтобы от них много чего осталось. Даже если вы найдете место его последнего упокоения, там скорее всего будет несколько костей, и не более того. Между тем типы, которые, похоже, отслеживают каждый ваш шаг, весьма опасны. Я сталкивался с ними лишь мимоходом, но могу сказать: не

хотелось бы мне, чтобы они сели мне на хвост. Лично я рекомендовал бы вам держаться от всего этого подальше. Вы же не хотите оказаться под дулом заряженного пистолета или на конце острого ножа? Они живут совсем в другом мире. Для них человеческая жизнь — расходный материал.

— Я искренне ценю вашу заботу и доброе расположение, Вирджил. И буду осторожен. Но я могу о себе позаботиться, — ответил Том. «Фиаско» начинало оказывать свое действие. — Я не могу сдать теперь. Это слишком для меня важно. Сказать по правде, я и сам не знаю, что ожидаю найти. Вы правы: в гробнице Александра может оказаться не так уж много, если вообще что-нибудь окажется. Было бы самонадеянно ожидать чудес. Но разве вам не хочется узнать? Господи, вы только подумайте, как мы близки к разгадке! Люди веками ищут ответ на этот вопрос, а после нашего открытия в Дикте вдруг оказывается, что он в пределах нашей досягаемости. Открывается последняя глава в истории одного из величайших людей, когда-либо живших на земле. Я должен ее прочесть — по крайней мере настолько, насколько смогу. Кто знает, может, эта история действительно заканчивается в Пантеоне? Нужно же проверить.

25

Расплатившись по счету, они вышли на свежий вечерний воздух. По римским меркам было еще не поздно, и по улицам бродило много народу. Дойдя до ближайшей площади, Вирджил вынул мобильный и набрал номер Виктории, Том стоял рядом.

— Привет, Виктория! Добрый вечер, дорогая. Простите, что так поздно. Это Вирджил. Вы можете сейчас говорить? Если я не вовремя, скажите.

— Привет, Вирджил. Какой приятный сюрприз! У вас все в порядке? Обычно вы в такое время не звоните.

— Да-да, все замечательно. Совершенно замечательно. Но я прямо к делу. Со мной сейчас друг, Том Карр. Вы, кажется, с ним встречались.

У Виктории екнуло сердце.

— Том Карр сейчас с вами?

— Да, мы старые друзья. Думаю, вы знаете, что он занимается весьма специфической темой. А вот чего вы, возможно, не знаете, так это то, что ему требуется консультация специалиста по Риму периода барокко. Особенно по Пантеону. Я сразу же подумал о вас и хочу спросить, не согласитесь ли вы ненадолго встретиться с нами? Должен предупредить, что дело это конфиденциальное. — Вирджил обернулся к Тому и подмигнул ему, как бы призывая не волноваться.

Виктория ждала от Тома ответа на свою записку, но, разумеется, не такого. Выходит, они поменялись местами. Теперь он нуждался в ее помощи.

— Ну, Вирджил, вы мастер преподносить сюрпризы! Где вы находитесь? Хотите встретиться сегодня или завтра?

— Сегодня было бы замечательно, — ответил Вирджил. — Очень любезно с вашей стороны так быстро откликнуться на нашу просьбу. Обещаю: мы не отнимем у вас много времени. Насколько я помню, вы живете в Трас-тевере, и по случайности мы сейчас как раз рядом с вашим домом. — Вирджил снова подмигнул Тому.

— Если бы это были не вы, Вирджил, меня бы смутил визит мужчины в столь поздний час. — Виктория подхватила игривый тон Вирджила. Он любил в разговоре с ней

иногда притвориться эдаким повесой, и Виктория предпочитала поддерживать игру, нежели выказывать смущение. В качестве поклонника Вирджил был не более опасен чем плюшевый мишка. — Дайте мне пятнадцать минут, чтобы навести относительный порядок, и приходите прямо ко мне домой, здесь обстановка будет более приватной, чем в общественном месте. Жду вас обоих. — Виктория повесила трубку.

Вирджил закрыл крышку телефона и повернулся к Тому.

— Мы получили приглашение. Она ждет нас через пятнадцать минут. Я не сомневался, что так и будет. Она просто прелесть. И живет прямо тут за углом, так что у нас остается время на дижестив*. Как насчет «Фернет Бранка»**? — поинтересовался он, ведя Тома в ближайшее кафе.

«Фернет Бранка» был самым отвратительным напитком, какие знал Том, он напоминал ему ложку горького лекарства. Однако итальянцы его обожают, и Том не знал, подначивает его Вирджил или говорит искренне. Тем не менее обстоятельства сложились прекрасно: он все еще не мог поверить, что Виктория Прайс оказалась специалистом именно по истории перестройки Пантеона в эпоху барокко. Это сэкономит ему немало дней — а возможно, недель и даже месяцев, — поскольку сам он отнюдь не являлся экспертом в этой области.

---

* Дижестив (от *лат.* *digestivus* — средство, способствующее пищеварению) — коктейли, традиционно пьющиеся во время или после еды. — *Примеч. ред.*

** «Фернет Бранка» (*Fernet Branca*) — специфичный по своим вкусовым качествам травяной напиток с высоким содержанием спирта (40%). Итальянское понятие «фернет» и означает крепкий алкогольный напиток, настоянный на разнообразных травах и специях.

Они остановились у барной стойки. Вирджил заказал «Фернет Бранка», Том предпочел «Амаретто». Потягивая свои напитки, они наблюдали за публикой, и Том рассказывал Вирджили полную версию своего знакомства с Викторией, включая ее видение об ограблении усыпальницы Александра Великого.

— Ну теперь вы меня ошарашили. Никогда не держал Викторину за посланца древнего мира. Она так молода и прелестна. — Вирджил улыбнулся и продолжил: — Кстати, вчера в библиотеке она интересовалась как раз эпохой Александра Великого, я помог ей отобрать несколько книг. А особенно она хотела прочесть что-нибудь об амулете Нереиды.

— В самом деле? Интересно почему? — Том был слегка озадачен.

— Вы рассказывали ей о своих поисках гробницы Александра? Думаю, вы должны поведать ей о последних драматических событиях. Она вполне заслуживает доверия.

— Вы уверены, что ваша симпатия к ней не определяет ваше суждение? — с сомнением спросил Том.

— О, признаю, что испытываю слабость к женщинам, но вы должны знать, что в серьезных делах, подобных этому, я никогда не руководствуюсь сердечными порывами. Да, Виктория красивая девушка, и ум у нее острый, как лезвие, но я лишь немного дразню ее, суждения же мои абсолютно трезвы. Она никому ничего не скажет, могу поручиться. Ну, пора идти. Вы готовы? — Вирджил допил свою «микстуру», поставил бокал на стойку и направился к выходу. Том последовал за ним, и они снова вышли на площадь.

Как и обещал Вирджил, дом, где жила Виктория, находился прямо за углом. Это было красивое старое здание, которое напомнило Тому лучшие образцы жилых

домов Остии — древнего римского порта — времен империи. Войдя в парадную дверь, Вирджил подошел к сидевшему в вестибюле за большим письменным столом дежурному.

— Добрый вечер, милый юноша, — сказал он. — Мы к Виктории Прайс, квартира 5С. Она нас ждет. Меня зовут Вирджил Честнат.

— Одну минутку, сэр. Я проверю, дома ли она. — Дежурный снял трубку старинного телефонного аппарата с вращающимся диском и позвонил.

— Мисс Прайс? К вам пришел ваш друг мистер Честнат, он говорит, что вы его ждете. Могу я его пропустить? Благодарю. — Молодой человек повернулся к Вирджи-лу: — Вы можете подняться, сэр. Лифт справа.

— Спасибо, — ответил Вирджил, и они направились к лифту через просторный зимний сад под стеклянным сводом, пропускающим внутрь дневной свет.

— Удивительно, как эти старые римские жилые дома похожи на свои древнеримские аналоги, — сказал Том, пока они поднимались на пятый этаж. — Те же оштукатуренные кирпичные фасады, светлые лестничные проемы и маленькие оранжереи.

— Да, в некоторых отношениях жизнь не так уж сильно изменилась с античных времен. Однако приятно, что теперь на пятый этаж можно подняться на лифте, — заметил Вирджил.

Когда они вышли из лифта, он постучал в дверь квартиры 5С. Несколько секунд спустя дверь открылась, и на пороге предстала Виктория, элегантно одетая, со свежим цветом лица, ее большие сияющие глаза приветливо смотрели на них.

— Вирджил, какая нечаянная радость видеть вас. Том, я надеялась получить от вас ответ, но не ожидала

такой скорой встречи. — Она отступила в сторону, пропуская их.

Ласково поцеловав ее в обе щеки, Вирджил ответил:

— Виктория, очень любезно с вашей стороны принять нас в столь поздний час. Вы поймете, почему мы попросили о срочной аудиенции, когда Том объяснит вам, в чем дело.

Том галантно поцеловал Виктории руку:

— Рад снова видеть вас.

— Взаимно, — кокетливо ответила Виктория, глядя ему в лицо.

— Можем мы присесть на минуту и поговорить? — спросил Вирджил. — Нам нужен ваш совет по исключительно деликатному вопросу.

— Разумеется, давайте пройдем в гостиную. Сегодня слишком холодно, чтобы сидеть на балконе. — Пока Виктория вела гостей из прихожей в гостиную, Том успел окинуть взглядом ее хорошо обставленную и прибранную квартиру. Большое зеркало в золоченой раме простиралось почти от пола до потолка и визуально увеличивало объем комнаты едва ли не вдвое. Две стены были увешаны картинами маслом, третья покрыта деревянными книжными стеллажами. Стол напротив мягкого дивана, на который предложила им сесть хозяйка, украшала изящная терракотовая скульптура в стиле барокко, изображавшая молодую женщину. Повсюду глаз радовали комнатные растения. Перед кушеткой на столике стояла пышная цветущая орхидея.

— Выпьете что-нибудь? — спросила Виктория, теребя тяжелое янтарное ожерелье у себя на шее.

— Нет, спасибо, — ответил Вирджил. — Мы только что пропустили по стаканчику на ночь в кафе за углом.

— Прекрасно, господа. Тогда чем я могу быть вам полезна?

Обернувшись к Тому, Вирджил взглядом предложил говорить ему.

— Я только что вернулся с восточного побережья Крита, — начал тот, — с раскопок святилища Зевса Диктейского, где сейчас работаю. Мне удалось сделать значительное открытие — расшифровать стершуюся надпись на стеле, в которой говорится о гробнице Александра. Там утверждается, что гробницу, Сому, в середине третьего века новой эры, когда правил Требоний Галл, перенесли из Александрии в римский Пантеон. В тексте нет указаний на то, где именно в храме располагается гробница. — На лице Тома появилось выражение озабоченности. — Я был сегодня в Пантеоне, но не смог найти никаких ее признаков. — Том сделал паузу и пристально посмотрел в глаза Виктории. — Вот я и подумал: не смогли бы вы помочь мне понять постантичную историю здания, чтобы определить местонахождение гробницы — если она действительно там — или узнать, не перенесли ли ее оттуда еще раз в какое-то время.

— Бог ты мой! Гробница Александра Великого находится в Пантеоне?! Об этом говорится в надписи, найденной вами в Дикте? Это потрясающе! — Девушка несколько секунд молчала, осмысливая информацию, потом воскликнула: — Это для меня совершеннейшая новость! Ведь я весьма скрупулезно изучала это здание — наверное, Вирджил сказал вам. Это — великолепное сооружение. Тем не менее в его истории много белых пятен. Странно, что столь важный факт больше нигде не упоминается. Как вам наверняка известно, считается, что, когда в 609 году здание превратили в храм, посвященный Пресвятой Деве и святым мученикам, около двадцати восьми вагонеток костей, принадлежащих христианским мученикам, было свезено в Пантеон и должно было быть там захоронено.

— Учитывая мировую известность Александра как исторической фигуры, — вклинился Том, — и приятие его Церковью — в Библии упоминается о его спасительном деянии, то есть заточении нечистых народов до конца света, — маловероятно, чтобы его останки были осквернены. Скорее их оставили в храме вместе с мощами святых.

— Вполне возможно, — согласилась Виктория. — Мне почти не известны упоминания об этом здании в последующие несколько веков, хотя оно всегда оставалось действующим храмом. Большинство источников указывает на различные реставрационные работы. После того как в 679 году с крыши сняли позолоченные бронзовые пластины, она в первой половине восьмого века, при папе Григории Третьем, была покрыта оцинкованными. Починка крыши, как вы догадываетесь, проводилась неоднократно: в начале пятнадцатого века при папе Мартине Пятом, в начале шестнадцатого при папе Клименте Седьмом, а папа Пий Четвертый примерно в 1560 году приказал полностью отреставрировать массивные бронзовые двери.

— Я сегодня имел удовольствие их созерцать. Они великолепны, особенно когда вспоминаешь, сколько других бронзовых артефактов кануло в Лету.

— Да, и к тому же они прекрасно работают до сих пор, — продолжила Виктория, посмотрев на Вирджила, удобно устроившегося на диване и следившего за ней щенячьим взглядом. — В конце шестнадцатого века произошло страшное наводнение — самое пагубное в римской истории. Воды Тибра просочились в храм, нанеся большой ущерб полу. Однако вплоть до девятнадцатого века его надлежащим образом не ремонтировали.

Том поднял брови: наводнение могло обнажить или повредить захоронение Александра, что потребовало бы немедленного ремонта или перенесения гробницы.

— Великое наводнение 1598 года, — подхватил Вирджил, — действительно было самым разрушительным в Риме со времен другого, относящегося к 54 году до новой эры и красочно описанного Цицероном в одном из писем. Тогда дождь лил пять дней подряд — не библейский, конечно, Великий потоп, вынесший на сушу лишь Ноев ковчег, но тоже достаточный, чтобы породить всеобщую панику. Городу был нанесен весьма существенный ущерб. В древности разливы Тибра были постоянным бедствием.

Виктория согласно кивнула:

— Можно утверждать, что наиболее существенные реставрационные работы в Пантеоне проводились в семнадцатом веке, при папах Урбане Восьмом и Александре Седьмом. Мне кажется, если могила Александра и была найдена, то случиться это могло именно в тот период. Но я очень тщательно изучала папские документы того времени и ни разу не наткнулась даже на намек, что в Пантеоне были найдены останки какой-нибудь знаменитой личности — а уж тем более Александра Великого. — Виктория замолчала и погрузилась в раздумья.

Двое мужчин с восхищением смотрели на девушку. Она и впрямь была хороша, к тому же, как любил повторять Вирджил, нет ничего более сексуального, чем умная женщина. Оба были очарованы ею.

Очнувшись от своих мыслей, Виктория подняла голову.

— Тем не менее есть кое-что, заслуживающее внимания. То, что вы рассказываете о гробнице Александра, наводит меня на мысль о загадочном пассаже в личном дневнике папы Александра Седьмого, который хранится теперь в Библиотеке Ватикана. Александр Седьмой — урожденный Фабио Киджи — родился в Сиене в 1599 году. Конклав, на котором его избрали папой, прославился

длительностью — он продолжался восемьдесят дней. Когда при интронизации будущий папа взял имя Александр, это оказалось сюрпризом. Официально он сделал это в память о папе Александре Третьем, но Александр Седьмой был глубоким знатоком античности и страстным поклонником Александра Великого. Вполне вероятно, что имя себе он выбрал, имея в виду мудрость Александра, превозносимую в «Деяниях». Впрочем, к чему я вам это рассказываю, вы все знаете сами, — с улыбкой оборвала себя Виктория. — Александр Седьмой смолodu был слаб здоровьем и являлся скорее интеллектуалом, нежели мировым лидером, как Александр Великий. Тем не менее он обладал большими амбициями и с самого начала своего понтификата в 1655 году и до своей кончины в 1667-м проявлял большой интерес к Пантеону. Пассаж из его личного дневника, о котором я упомянула, быть может, имеет отношение именно к гробнице Александра Великого, а не папы Александра. Насколько я помню, он как-то связан с монументом, установленным перед Пантеоном, — скульптурой слона, несущего на спине обелиск. Скульптура была заказана Александром Седьмым Бернини. Том, думаю, нам с вами следует завтра утром наведаться в Библиотеку Ватикана и взглянуть на этот пассаж. Я там постоянная посетительница и знакома с хранителем, думаю, он сможет нам это устроить.

— А у меня как раз есть договоренность о том, чтобы в начале следующей недели посмотреть там некоторые манускрипты «Деяний Александра». Разрешение на посещение и читательский билет в Библиотеку Ватикана уже ждали меня, когда я приехал сегодня в академию, так что мое имя им тоже известно, — подхватил Том.

— Прекрасно. Давайте встретимся у обелиска в центре площади Святого Петра завтра в десять. Я сегодня же пошлю и-мейл коллеге, чтобы нам все подготовили.

— Виктория, это просто чудесно. Большое вам спасибо за помощь и за то, что согласились принять нас без промедления в столь поздний час.

— Да-да, Виктория, — прошепел Вирджил, — я знал, к кому обратиться. Вы — просто ангел.

— Я была только рада. Вы оказали мне любезность, уделив время, когда я была в Метрополитен. Как вам известно, у меня есть свой интерес к могиле Александра. — Она подмигнула Тому. — Вы, безусловно, разогли его еще больше. И не волнуйтесь: я ничего не скажу хранителю о могиле Александра. Скажу, что мне просто нужно проверить кое-что для статьи и что меня поджимает время. Он поймет. Я и прежде просматривала у них этот дневник десятки раз.

Виктория встала и направилась к двери.

— Берегите себя, *carissimo** Вирджил. — Она легко коснулась губами его щеки. — Том, жду встречи с вами завтра утром.

— Спасибо, Виктория. Вы снова удивили меня, и я вам за это благодарен.

Закрыв дверь, Виктория с колотящимся сердцем прислонилась к ней спиной и произнесла вслух:

— Если бы вы только знали, Том... Я должна буду рассказать ему завтра, перед тем как мы отправимся в библиотеку.

26

Оскар Уильямс сидел за письменным столом, любуясь бронзовой статуэткой танцующего фавна и мраморной головой Гермеса, которые только что вынул из упаковоч-

---

* Дражайший (ит.).

ного ящика. Посылка пришла в тот день из Японии. Как там сказал римский поэт Гораций? Если вы видели тысячу произведений искусства, значит, вы столкнулись с тысячей надувательств. Оскар хмыкнул.

Поднеся статуэтку к свету, он повертел ее и так и этак, оценивая патину. Поверхность скульптуры была темно-зеленой с вкраплениями голубого и красного. Потом он сосредоточился на форме. Детали были проработаны весьма тщательно. Эта скульптура являлась отдаленной родственницей знаменитого танцующего фавна из Помпей. Оскар лишь надеялся, что покупатель не узнает, насколько отдаленной, так как копию для него изготовил знакомый мастер-фальсификатор из Киото. Поза фавна была исполнена живости, ноги мускулисты; фавн гарцевал в экстатическом танце с воздетыми вверх руками. Хвост воздушного создания содрогался в дионисийском веселье. Оскар счел, что в фигурке есть нечто от эллинистического барочного стиля, весьма востребованного в наши дни на рынке среди некоторых самых богатых клиентов. Патина смотрелась довольно убедительно, учитывая, что успешно скопировать поверхность древней бронзы очень трудно. Даже самый искусный фальсификатор не может повторить естественного процесса старения.

Эту патину вырастили, закопав статуэтку в землю на несколько лет и регулярно поливая место «захоронения» определенными дозами мочи, чтобы образующийся искусственно налет выглядел как надо и земля въедалась в поверхность надлежащим образом. Если статуэтку подвергнуть лабораторному анализу, станет ясно, что эта патина выращена химическим способом и слишком тонка для подлинно античного произведения. Но чтобы это проверить, нужно делать соскоб, что нарушает первозданный вид произведения, поэтому большинство покупателей отказываются от проверки, не желая наносить ущерба

своему приобретению. Отчасти трюк и состоял в том, чтобы сделать вещь, с поверхности которой было бы трудно взять образец, не нанеся ей ущерба. Его фальсификатор освоил это умение мастерски.

Оскар обратился к мраморной голове Гермеса. Она принадлежала к разряду скульптур, которые ласкают взор, и коллекционеры обожают выставлять их на обозрение у себя дома. Бог-вестник — и покровитель воров, как любил напоминать себе Оскар, — с округлым лицом, выполненным в классическом греческом стиле, преобладавшем в середине пятого века до новой эры, безмятежно смотрел вдаль. Если покупатель заинтересуется датировкой, Оскар неохотно допустит, что это, вероятно, очень искусная римская копия. Трещина на шее выглядела очень естественно, так же как и другая на ухе. Можно ее устранить, но это создаст лишнюю вероятность осложнения. Пусть скульптура немного постоит у него, решение он примет позднее. Поверхность воспроизведена отлично: видны следы износа, однако не сплошь, как было бы, если бы ее выдерживали в ванночке с кислотой. На затылке имелись даже искусственно сделанные следы от древесных корней, которые обычно служат свидетельством подлинности: якобы вещь действительно много веков пролежала в земле. Его человек хорошо набил руку на воспроизведении подобных отпечатков. На первый взгляд скульптура выглядела подлинной.

Мраморные подделки обладали еще одним весьма удобным свойством: в отличие от терракотовых, возраст которых можно определить с помощью термolumинисцентного анализа, мрамор выдавал лишь возраст материала, а материал был на самом деле очень старым. Можно также проверить тип мрамора. Эта фальшивка была изготовлена из паросского мрамора — лучшего, какой был известен в античные времена, именно его предпочитали

многие древние греческие скульпторы. Проверка подлинности мраморной скульптуры зачастую сводилась к экспертному мнению знатоков, а такому мнению всегда можно было противопоставить мнение других специалистов, которых Оскару не составило бы труда найти.

Он давно понял, что антикварный рынок наводнен подделками. Сам несколько раз погорел на них. И усвоил, что лучшее средство не попасть впросак — это знать как можно больше о секретах ремесла, а потом стал заказывать подделки. Если не можешь победить врага — присоединись к нему. Он научился распознавать сомнительные вещи, но торговля ими продолжала процветать, и выгодней было производить их самому. Были люди, которые покупали понравившуюся вещь, не задавая вопросов и не слишком пристально в нее вглядываясь. Стало ясно, что порой можно получить значительный доход, сбыв подделку, а поскольку покупатель не знал, что приобретает не подлинную вещь, то все оставались довольны.

Зазвонил телефон. Оскар велел помощнику ответить.

— Нестор, пожалуйста, сними трубку, — сказал он в интерком. — Я не хочу отвлекаться. Спасибо.

Минуту спустя помощник вошел в кабинет:

— Босс, думаю, вам нужно поговорить самому. Это Луиджи, он звонит из Рима, говорит, что вы захотите это услышать.

— Ладно, давай. Соедини, я поговорю здесь.

На его аппарате замигал красный индикатор, и Оскар снял трубку.

— Привет, Луиджи. Какие новости?

— Карр приехал на день раньше. Остановился в Американской академии, как и ожидалось. Сейчас его дома нет. Мне удалось проникнуть в его комнату, но я не нашел там ничего интересного.

— А лэптоп?

— Он носит его с собой.

— Ладно. Если тебе все же удастся до него добраться, скопируй для меня все файлы. Но только новые, за последнюю неделю. *Capishi?**

— *Va bene***, — ответил Луиджи.

— Ходи за Карром неотступно. Мне нужен полный отчет, постоянно держи меня в курсе.

27

Утром, ровно в десять, Том стоял у обелиска в центре площади Святого Петра и с восхищением обозревал это великолепное городское пространство, имеющее форму ключа*** и ориентированное на собор Святого Петра — самый грандиозный и красивый христианский храм в мире. Собор представлял собой квинтэссенцию усилий величайших художников и архитекторов, работавших над ним на протяжении более полутора веков; за это время сменились двадцать два папы. Если останется время, подумал Том, нужно будет обязательно зайти внутрь. Он делал это при каждом посещении Рима. Площадь, кстати, спроектированная Бернини в период понтификата Александра Седьмого, сама по себе была произведением искусства. Глядя на приближавшуюся Викторину, Том улыбнулся, отметив знаменательность ее выбора места встречи.

---

* Понял? (*ит.*)

** Хорошо (*ит.*).

*** Общие очертания ансамбля площади Святого Петра имеют скрытое сходство с ключом, напоминая о словах Христа, обращенных к апостолу Петру: «И дам тебе ключи Царства Небесного».

— Доброе утро, Том. Полагаю, вы в Риме не новичок?

— Совершенно верно. Обожаю этот город. Он так наполнен историей. Я бывал здесь много раз, и все равно остается много мест, которые я еще не видел. Например, я никогда не был в ватиканской библиотеке.

— Но прежде чем мы туда отправимся, я хочу кое-что вам рассказать. — У Виктории был озабоченный вид. — Именно поэтому я послала вам просьбу о встрече. Не возражаете, если мы зайдем в кафе и поговорим за чашкой капучино?

Том уловил напряженность в ее голосе.

— Разумеется, — ответил он и ободрил девушку взглядом.

— Я знаю идеальное местечко. Это нам по пути. Встреча в библиотеке назначена на десять тридцать, так что время есть. — Быстрым шагом пересекая площадь, Виктория чувствовала, как нарастает в ней волнение. Том шел рядом, и это позволяло разговаривать на ходу.

— Нужно завернуть за ограду Ватикана и идти к главному входу.

Длинная очередь желающих посетить музеи Ватикана медленно двигалась вдоль стены.

— К счастью, нам не нужно стоять в очереди. Эти люди жаждут увидеть Сикстинскую капеллу и музейные коллекции. — Они как раз проходили вдоль скопления туристов. — Библиотека же находится в здании шестнадцатого века возле Бельведерского двора. Кафе, которое я имею в виду, — в квартале оттуда, — пояснила Виктория, сворачивая в переулок. — Потом мы проследуем прямо в зал рукописей, где нас уже ждет дневник.

Взяв кофе в баре, они уселись в глубине кафе за маленький круглый столик. Хотя за некоторыми другими столами тоже сидели люди, пившие кофе и завтракавшие, в общем, народу было не много. Наклонившись через стол поближе к Тому, Виктория возбужденно заговорила:

— Том, у меня снова было видение, в Библиотеке Моргана, на выставке, которую вы рекомендовали мне посетить. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Это случилось в тот момент, когда я разглядывала иллюстрацию из «Деяний Александра», на которой он получает от дочери амулет Нереиды. Эта сцена ничего для меня не значила. Я никогда даже не слышала этой истории, но когда присмотрелась поближе и увидела амулет — словно кто-то спустил курок: у меня снова открылся канал обратной связи. Я потеряла сознание. Следующее, что я помню, — я снова в гробнице Александра. Как будто продолжилось то видение в Метрополитен. И я поняла: амулет и есть то, ради чего я проникла в гробницу. Я надеялась, что он принесет мне бессмертие, поскольку сделан из отвердевшей воды Источника вечной молодости. На него-то я и смотрела, когда сообщники оглушили меня ударом сзади и бросили умирать. Я сняла амулет с шеи Александра и продолжала сжимать в ладони даже после того, как погас факел и я осталась одна в темноте. Он был сделан из какого-то прозрачного, как бриллиант, камня и вырезан в форме головы барана — продолговатой, с витыми отростками рогов, симметрично расходящимися от центра. Это была тонкая ювелирная работа, а на лбу барана красовался необычный символ.

— Как он выглядел?

— Я вчера зарисовала его для наглядности. — Она быстро воспроизвела рисунок на бумажной салфетке, и Том с изумлением увидел скипетр Зевса, с острия которого срываются огненные разряды молний. — В темноте амулет таинственно светился изнутри, словно излучал какую-то особую энергию. Не знаю, как долго я там просидела — несколько часов, дней, недель... В видении мне показалось, что вечность. И когда почувствовала,

что смерть совсем близко, очнулась с пронзительным криком.

Виктория посмотрела на собеседника, ожидая его реакции.

Том ответил уклончиво. Он видел, что девушка взволнована, и не хотел ее обескураживать.

— Виктория, я не знаю, что сказать. Амулет Нерейды — миф. Нет никаких достоверных свидетельств даже того, что у Александра Великого вообще была дочь. Это результат более поздней мифотворческой традиции, превратившей его из исторической фигуры в легендарного героя и бога.

Он ласково посмотрел в глаза Виктории:

— Должен признаться, что в ваши видения трудно поверить. Я не хочу сказать, что их у вас не было и что они для вас бессмысленны. Разумеется, нет, но не опираются ли они в действительности на исторические события и события вашей собственной жизни? Они противоречат моему научному образованию и опыту.

— Том, вам стоит взглянуть на вещи шире. Я сама была зашорена, пока не пережила откровения реинкарнации — меня ведь воспитали в католической вере. Теперь я многое вижу иначе. Как вы объясните то, что я в подробностях описываю такие предметы из гробницы, как танцовщица в покрывалах и маске, которую я никогда прежде не видела и даже ничего о ней не слышала, пока на меня не снизошло видение?

Том не отводил взгляда.

— Я признаю существование некой энергии. Сам испытывал ее воздействие в Дикте на Крите и в Дельфах, в святилище Аполлона. А также на Великом африканском разломе и в священных для христиан местах, таких как грот Святого Франциска в Ассизи. — Он отпил глоток кофе и продолжил: — Но к этому можно подойти и

с другой стороны. Скорее всего виденный вами амулет был сделан из горного хрусталя. Такие амулеты высоко ценились в качестве предметов роскоши во времена Александра. Римский автор Плиний описывает горный хрусталь как редкую разновидность льда, то есть, можно сказать, форму существования чистой воды. Голова барана — весьма распространенный символ Александра, поскольку его отождествляли с богом Амоном, который, согласно древнеегипетским религиозным верованиям, принимал облик барана. На монетах его преемников Александра даже изображали с бараньими рогами. Символ, который вы видели на лбу барана, это тоже широко распространенный у древних греков знак божественной молнии. Допустим, что вы «видели» события, имевшие место на самом деле, допустим, что миф об амулете Нерейды вырос из реального существования амулета, который носил Александр, того, что явился вам в видении. Но ведь он не даровал бессмертия ни ему, ни вам в вашей прошлой жизни.

— А как объяснить то, что он светился в темноте? — не сдавалась Виктория.

— Этого я объяснить не могу, — признался Том.

Она кивнула и посмотрела на часы.

— Должен вам сказать, что, вспоминая танцовщицу в покрывалах и маске, я думал: кем она могла бы быть, если ваше видение — правда. И нашел в «Деяниях Александра» весьма примечательную иллюстрацию с изображением Роксаны, жены Александра, танцующей перед ним в день их первой встречи, когда между ними вспыхнула любовь с первого взгляда. Все эти изображения относятся, конечно, к гораздо более позднему времени, и никаких доказательств не существует, но они отчетливо перекликаются с нашей статуэткой.

— Роксана! Это бы объяснило присутствие статуэтки в усыпальнице и ее связь с Александром гораздо лучше, чем версия о гетере, сопровождающей его в потусторонний мир! — воскликнула Виктория. — Я так рада, что вы удостоили мой рассказ серьезных размышлений. — Она посмотрела на часы, висевшие на стене. — Что ж, пора идти в библиотеку. Дневник папы Александра Седьмого заждался нас, да и мой друг тоже.

Когда они встали из-за стола, она сжала руку Тома и сказала:

— Том, спасибо, что поговорили со мной. Возможно, это никак не скажется на ваших поисках гробницы Александра, но согласитесь — здесь есть о чем подумать...

28

Виктория повела Тома на территорию Ватикана и дальше — сквозь лабиринт зданий, пока они наконец не оказались в библиотеке. Тому пришлось несколько раз показывать свои документы и допуск музейного работника, но проблем не возникло. В отделе манускриптов их подвели к столу в глубине, и сотрудник отдела выложил на него дневник папы Александра Седьмого, приготовленный заранее по просьбе Виктории.

Несколько минут она листала написанный рукой самого папы дневник, пока не нашла то, что искала.

— Вот это место, Том. — Она указала на нужный отрывок. — Это финальная часть дневника, она охватывает последние годы жизни папы. Уникальный источник. Другие папы таких не оставили. Александр Седьмой был истинным ученым и любил все записывать. Этот фрагмент повествует об установке скульптуры слона с обелиском на

спине перед церковью Санта-Мария sopra Минерва*. Далее идет описание предполагавшегося здесь впоследствии строительства, в том числе — усыпальницы Александра. Ученые всегда считали, что речь идет об усыпальнице самого папы Александра Седьмого, сооружение которой дальше планов так и не пошло, — в отличие от другой его усыпальницы, которую Бернини построил для него много позднее в соборе Святого Петра. Теперь мне представляется почти очевидным, что здесь имеется в виду гробница другого Александра. Если папа в ходе проводившихся в Пантеоне реставрационных работ обнаружил усыпальницу Александра Великого, то, вполне вероятно, речь идет о захоронении македонского царя, которое папа велел перенести в другое место. В дневнике содержится зашифрованный ключ к этому событию. Вот что тут написано: *«Не обращая внимания на священную надпись на обелиске, взгляни на слона, мудрейшего из животных, чтобы найти надпись иного рода. Ищи и обрящешь»*.

Маловато, чтобы двигаться дальше, подумал Том, не хватаемся ли мы за соломинку? Прямых упоминаний об Александре Великом в дневнике не имелось, однако, если Виктория права, в том, что она говорила, имелся смысл. Тем не менее это было очень большое «если», и археологическое образование не располагало Тома к особому оптимизму. Последняя фраза, конечно, была интригующей, хотя кто знает, что она означала.

Виктория заметила, что Том не слишком воодушевлен, однако продолжала настаивать. Многие годы она изучала жизнь папы, и что-то в этом пассаже всегда цепляло ее. Когда же Том сообщил ей о переносе захоронения Александра Великого в Пантеон, в голове что-то щелкнуло.

---

* Базилика Санта-Мария sopra Минерва (Святая Мария над Минервой) — единственная готическая церковь Рима.

Смысл начал проясняться. Она переписала фрагмент дневника в блокнот.

— Я отдаю себе отчет в том, что в этом пассаже нет прямого упоминания об Александре Великом, — сказала она, — но считаю нелишним подойти к монументу с этим листком в руках и на месте посмотреть, нельзя ли извлечь из него что-то еще. Этот Слон с обелиском являлся загадкой для многих поколений ученых. Наверное, стоит пойти туда завтра утром, пораньше, когда вокруг еще нет людей. Поскольку монумент стоит на высоком пьедестале, возможно, придется вскарабкаться на него, чтобы посмотреть, нет ли там каких-то других надписей, а это лучше делать не на глазах у изумленной публики.

— Хорошо, давайте встретимся завтра на рассвете перед церковью Санта-Мария сопра Минерва, — предложил Том. — Простите, Виктория, я не очень умею скрывать свои чувства. Я надеялся, что упоминание о гробнице Александра окажется более ясным. Но вы правы. Давайте подождем до завтра. И я очень благодарен вам за помощь.

Виктория улыбнулась:

— У меня здесь еще кое-какие дела, так что я задержусь. Не теряйте того позитивного настроения мыслей, с которым вы появились в моем доме вчера вечером, Том Карр. Увидимся завтра утром. Как часто повторяет мне Вирджил, Дон Кихот не сразил бы дракона, не воодушевляйся он верой.

29

На следующий день Том проснулся до рассвета. Столь раннее вставание напомнило ему о лете, которое он провел в национальном парке Южная Луангва, сопровождая

фотоохотников на сафари по долине Замбези. То было нечто вроде последней попытки поиска альтернативной профессии, перед тем как он начал работать в Гарвардском музее изящных искусств, и опыт оказался восхитительным. В Африке он всегда просыпался раньше остальных, примерно за час до рассвета. По дороге из соломенной хижины в главный лагерь он, светя фонарем, разглядывал следы, чтобы знать, какие животные за ночь прошли по тропе. Иногда он видел отпечатки лап льва или даже слоновьих ног. Порой засекал бегемота, вышедшего попасть в ночи и еще не вернувшегося в ближайшую реку. Сидя у костра на берегу заводи, откуда открывался великолепный вид на дикий африканский ландшафт, он выпивал чашку крепкого кофе, прислушиваясь к ночным звукам, прежде чем начать готовить «лендровер» к утренней фотоохоте.

Этим римским утром задача перед ним стояла совсем другая, но не менее волнующая. Сварив себе кофе в крохотной кухоньке временной квартиры, он подошел к высокому окну, выходявшему в сад академии, и распахнул его, впустив в комнату свежий воздух. Снаружи было тихо, над высокими зонтичными соснами еще сияли яркие звезды. Потягивая кофе, он размышлял.

Том как никто знал, какой самоотдачи требует полевая археология. Это что-то сродни религии. У него вызывали улыбку понимания те моменты из детектива Агаты Кристи «Дорога в Багдад», где она весьма точно и с юмором описывает археологов. Муж Агаты Кристи Макс Мэллоуэн был знаменитым британским археологом, специалистом по древним культурам Ближнего Востока. В книге Кристи на раскопках случается убийство, но археолог, образ которого отдаленно напоминает Мэллоуэна, едва замечает то, что происходит в реальной жизни, потому что безраздельно поглощен работой.

Том обратился мыслями к собственной небезопасной ситуации. Очевидно, кто-то хочет добраться до гробницы Александра раньше, чем он. Нет сомнения и в том, что этого человека не интересует научная значимость предполагаемого открытия. Это явно не был злонамеренный коллега, возмечтавший опередить его на финишной прямой. Этот человек, кем бы он ни был, скорее всего надеется найти в гробнице античные ценности, которые можно продать на черном рынке. Нужно было проявлять крайнюю осторожность. Если гробница все еще существует, он не имеет права допустить, чтобы ее разграбили, чтобы было погублено то, что осталось, быть может, от Александра и что способно дать ответы на важнейшие вопросы истории. Слишком многое поставлено на карту.

Он думал о том, какое множество людей до него тщетно пыталось найти гробницу Александра. После ее посещения императором Каракаллой в начале третьего века новой эры следы гробницы были утеряны. И на протяжении веков люди пытались выяснить место ее нахождения. Даже после того как закатилась слава Александрии и она стала задворками Римской империи в ее поздний период, легенда об Александре продолжала жить. И когда в седьмом веке город захватили мусульмане, Александр оставался выдающейся исторической фигурой, героем легенд и даже религиозным персонажем — мифы о его деяниях вошли в Коран, где он получил имя Зулькарнайн — Двурогий. Возможно, это имя — отголосок множества его древних изображений с бараньими рогами Зевса Амона на голове или в изысканном головном уборе, украшенном слоновьими бивнями в знак владычества над Африкой.

Хотя точное местоположение гробницы, похоже, стерлось из человеческой памяти к девятому-десятому векам новой эры, арабские историки упоминают мечеть Зуль-

карнайна в Александрии и находящуюся в ней могилу пророка и царя Искандера. Такие упоминания разжигали воображение приезжавших в город путешественников и искателей, возникали самые разные предположения. Место нахождения гробницы связывали минимум с двумя городскими мечетями: мечетью Аль-Аттарин, в которой стоял величественный старинный саркофаг, и мечетью Наби Даниэль, в подземных склепах которой, по слухам, хранились мумифицированные останки Александра Великого и бесценные сокровища. В 1517 году османский султан Селим Первый вторгся в мамлюкский* Египет и провозгласил его новой окраиной своей империи. Он восстановил торговые связи с Египтом и Западом в тот момент, когда Европа, переживая период Ренессанса, вновь открывала для себя свое классическое наследие. Прошло немного времени, и интерес европейцев к местонахождению гробницы — наряду с интересом к другим наиболее знаменитым памятникам античности — возродился.

В конце восемнадцатого века гробница Александра Великого стала политическим призом в столкновении между французской и британской колониальными державами. Так же как в свое время Александр, Наполеон мечтал о создании необозримой империи и начал в 1798 году с вторжения в Египет, которое вызвало тотальную войну с османским султаном, располагавшим мощной армией. Следуя традициям Александра и древнеримских императоров, Наполеон привез с собой многочисленную свиту, состоявшую из ученых и художников, которые должны были изучить древние египетские развалины. В результа-

---

* Мамлюки (также мамелюки, *араб.*) — военная каста в средневековом Египте, рекрутировавшаяся из юношей-рабов тюркского (кыпчаки) и кавказского происхождения.

те этой грандиозной экспедиции появился монументальный труд «Описание Египта» и начался сбор древних сокровищ, которые упаковывали и отправляли морем во Францию для национального музея, впоследствии названного Лувром.

Наполеон намеревался сделать Александрию столицей Египта, но его планы сорвала Турция при поддержке Британии. В 1799 году он потерпел поражение при осаде Аккры (Акко) и вскоре возвратился во Францию. Надо признать, что возвращение пошло на пользу самому Наполеону, поскольку он сумел организовать государственный переворот и в 1804 году провозгласил себя императором, но для Франции это обернулось потерей множества египетских древностей. Большую часть уже упакованных для отправки исторических ценностей захватили британцы, в том числе получили и два величайших приза: монументальный саркофаг из зеленого камня, покрытый древнеегипетскими письменами, и Розеттский камень* с идентичными текстами на трех языках, который впоследствии помог расшифровать древнеегипетские иероглифы.

Зеленый саркофаг — тот, что стоял в мечети Аттарин, — согласно местной легенде, принадлежал Александру Великому. Британский ученый Кларк написал книгу, в которой доказывал, что этот саркофаг является усыпальницей Александра, и в начале девятнадцатого века саркофаг стал центральным экспонатом античной коллекции Британского музея. Однако после расшифровки

---

* Розеттский камень — плита из гранодиорита, найденная в 1799 году в Египте возле небольшого города Розетта (теперь Рашид), недалеко от Александрии, с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами: двумя на древнеегипетском языке — один начертан иероглифами, другой демотическим письмом — и одним на древнегреческом.

иероглифов в 1822 году французским ученым Шампольоном* удалось прочесть священный текст на саркофаге, из которого следовало, что тот принадлежит не Александру, а египетскому фараону Нектанебу Второму, правившему с 360 по 342 год до новой эры. И это вновь поставило вопрос о местонахождении могилы Александра. Возобновились разговоры о том, что она находится в подземелье мечети Наби Даниэль, но они не нашли подтверждения.

Найденный в Сидоне османским археологом Османом Хамди Беем великолепный саркофаг с прекрасными фризами, изображающими эпизоды битвы Александра Великого с персами — вероятно, битвы при Иссе — и сцены охоты, тоже был ошибочно идентифицирован как саркофаг Александра, но на самом деле, как оказалось, принадлежал местному царю по имени Абдалоним, потомку древнего сидонского царского рода, который по бедности был вынужден поначалу зарабатывать на жизнь в качестве садовника и водоноса. Благодаря исключительной честности Абдалоним снискал благосклонность Александра Великого, который и сделал его царем Сидона. В 1887 году саркофаг перевезли в Константинополь, где он стал главным экспонатом нового археологического музея и где находится по сей день. Знаменательно, что некоторые декоративные украшения на этом саркофаге, возможно, изображают погребальную колесницу, на которой останки Александра перевозили из Вавилона в Египет и которая на своем долгом скорбном пути проходила через Сидон.

---

* Шампольон Жан Франсуа (1790—1832), французский ученый, основатель египтологии. После многолетней работы над прочтением надписи Розеттского камня в сентябре 1822-го изложил основные принципы дешифровки иероглифического письма древних египтян.

Многие археологи, начиная с Генри Шлимана в 1888 году и заканчивая современными, пытались отыскать гробницу в Александрии. Том же сгорал от нетерпения узнать, не наткнулся ли он наконец на конкретное свидетельство ее истинного местонахождения, независимо от того, осталось что-нибудь от самой гробницы в реальности. Или это тоже погоня за призраком, каприз, даже самонадеянность — учитывая, сколько людей до него потерпели поражение на этом пути? Тем не менее у него на руках было больше козырей, чем у других. Удивительно, подумал он, сколько раз останки Александра перемещали с места на место на протяжении длительного исторического периода. Сначала из Вавилона, где он умер, в Мемфис-Саккару. Потом из Мемфиса-Саккары в Александрию — скорее всего в конце четвертого века до новой эры это сделал Птолемей или после его смерти в 282 году — его преемник Филадельф. В конце третьего века до новой эры, в царствование Птолемея Четвертого, их перенесли в третий раз — на новое царское кладбище, где покоились его предки. И наконец, если верить диктейской стеле, в четвертый раз это было сделано во время правления Требония Галла в середине третьего века новой эры, когда их поместили в Пантеон. С обожествлением и учреждением культа Александра его останки сделались священной реликвией. Они стали могущественным символом, а место их пребывания — местом паломничества множества людей, в том числе и самых прославленных — римских императоров. Может ли быть, что их перенесли еще раз, уже из Пантеона, в период понтификата папы Александра Седьмого?

Оставалось надеяться, что интуиция не подвела Викторию относительно отрывка из дневника папы. Впрочем, скоро они это узнают. Том должен был хорошо подготовиться к поиску, поэтому заранее составил список того,

что нужно взять с собой. Допив кофе, он положил в сумку небольшой фонарь, блокнот, камеру, лэптоп и электронный сканер, которым снабдил его Артур — на случай, если они обнаружат какую-нибудь надпись, — и отправился в путь.

На площадь перед церковью Санта-Мария sopra Минерва он прибыл, когда утренняя заря еще только занималась. По дороге ему встретились несколько прохожих, но в целом Рим еще спал. Виктории пока не было, и Том решил сам, не теряя времени, лучше рассмотреть скульптуру. Он медленно обошел ее вокруг. Она действительно была странной и имела несколько искусственную композицию. Опираясь на все четыре ноги, слон стоял на узком цоколе, покоившемся на высоком прямоугольном постаменте, в свою очередь, установленном на ступенчатом подиуме. На спине животного, поверх покрытого роскошным покрывалом седла, стоял египетский гранитный обелиск с вырезанными на нем иероглифами. Голова слона была повернута вправо, а хобот франтовато задран вверх — словно слон проверял свой монументальный груз или, быть может, свидетельствовал ему свое почтение.

Когда Том вгляделся в статую пристальней, у него заколотилось сердце. Чуть ниже слоновьей головы виднелась рельефно вырезанная на седельном покрывале македонская звезда. А на ниспадающих складках покрывала она была изображена восходящей над горным кряжем. Более того, еще раз она повторялась в трехмерном изображении на вершине обелиска, прямо под венчавшим его христианским крестом. Македонские звезды были повсюду. Том разволновался не на шутку. Это не могло быть простым совпадением — македонская звезда в семнадцатом веке не была широко известным символом. Он едва сдерживал возбуждение. И даже не заметил, как подошла Виктория, пока та не оказалась рядом с ним.

— Прелестный монумент, правда? Это одна из моих любимых работ Бернини.

— Виктория! Доброе утро. Да, я просто в изумлении. И начинаю думать, что интуиция вас не подвела. Но сначала, пожалуйста, расскажите мне об этой скульптуре подробнее, а потом мы сможем кое-что обсудить, — ответил Том с улыбкой.

Подняв голову и окинув взглядом монумент, Виктория приступила к лекции:

— Сальвадор Дали считал, что слон с обелиском на спине символизирует ход времени, и мне его идея нравится. В конце концов обелиск — символ, знаменующий определенное время, а слон везет его на себе. Кстати, эта скульптура вдохновила Дали на множество работ, к примеру, «Искушение святого Антония». Но как я вам вчера уже говорила, истинное значение памятника приводит ученых в замешательство. На длинных поверхностях постамента начертано официальное посвящение. На западной оно сообщает о том, что папа Александр Седьмой велел установить этот обелиск в честь египетской Афины Паллады и божественной мудрости. — Виктория указала на иероглифы: — Конечно, в семнадцатом веке еще не умели читать древнеегипетские иероглифы. Как вы знаете, их расшифровали только после открытия Розеттского камня. Соответственно папа Александр Седьмой не мог знать, что, согласно этой надписи, обелиск посвящен богине Изиде и высечен в начале шестого века до новой эры, во времена правления фараона Априеса (Уахибра) из двадцать шестой династии.

Обходя обелиск и направляясь к его восточной стороне, девушка продолжала:

— На восточной стороне — окончание посвящения папы Александра Седьмого. Здесь он просит каждого, кто смотрит на эти символы, высеченные в камне мудрыми

египтянами, ведущими свой род от слона, самого сильного из животных, помнить о необходимости всегда сохранять твердость ума и следовать голосу мудрости. — Виктория повернулась к Тому: — Остается неясным вопрос: почему папа Александр Седьмой решил посвятить монумент божественной мудрости именно в такой форме и поставить его именно на этой площади? Наверняка он был призван передать потомкам не только это послание. В каком-то смысле это памятник самому папе, поскольку здесь повсюду можно видеть элементы его фамильного герба, особенно часто встречается звезда Киджи. Это была последняя из работ, выполненных Бернини по заказу Александра Седьмого, монумент открыли в год смерти папы. Что касается обелиска, то вы, конечно, знаете, что он найден неподалеку отсюда при раскопках в саду доминиканского монастыря. Вероятно, привезли его из святилища Изиды, как намеком сказано в надписи-посвящении, а не взяли из святилища Минервы, развалины которого были обнаружены под церковью, находящейся у нас за спиной, — развернувшись назад, Виктория указала на фасад церкви Санта-Мария sopra Минерва.

— Обелиск вполне мог быть привезен в Рим в конце третьего века новой эры, во времена правления императора Диоклетиана, — вставил Том.

Виктория между тем снова обратилась к монументу:

— Интересно вот что: мы знаем, что замысел статуи слона, несущего на спине обелиск, возник у Бернини еще в 1630 году, задолго до того как Александр Седьмой стал папой. В его архиве имеются наброски похожего монумента, который, вероятно, предназначался для сада Виллы Боргезе, но так и не был воплощен в жизнь. Существует письменное свидетельство о том, что в 1625 году в Рим был привезен слон. Возможно, это и вдохновило Бернини. Он, конечно, справился с воспроизведением

натуры лучше других художников. Но если взглядеться в этого слона, то видно, что фигура не совсем пропорциональна. Другим источником вдохновения для Бернини могла послужить книга под названием «*Hypogotomachia Poliphili*», или «Любовное борение во сне Полифила», — роман, опубликованный в 1499 году. В нем есть иллюстрация с изображением слона, несущего на спине обелиск. Правда, у Бернини композиция куда более динамична.

Виктория сделала паузу и еще раз окинула взглядом весь монумент.

— Популярная кличка этого слона — Пульчино, по-итальянски — Цыпленок. Вероятно, он получил ее из-за своих малых относительно обелиска размеров. Или, согласно другой версии, это могло быть завуалированным намеком на благотворительную акцию монахов-доминиканцев, собиравших деньги на приданое бедным девушкам. Существуют и иные толкования. Например, что Бернини развернул голову слона назад и придал ей подобие улыбки, давая понять, что слон испражняется, желая насмеяться над местным чиновником, чей дом стоял у него за спиной. На мой взгляд, все эти истории — чепуха, сплетни, переросшие в легенду. На самом деле, как следует из предварительных рисунков и небольшой глиняной модели, Бернини сознательно хотел отойти от традиционных, безупречно изящных образцов садовой скульптуры и создать смелый, в некотором роде донкихотский монумент. Так или иначе, безмятежно-лукавое выражение на морде слона поистине восхитительно. Когда глядишь на него, кажется, что он хранит какой-то секрет. Может быть, это секрет местопребывания гробницы Александра?

Том указал на звезды, изображенные на седельном покрывале:

— Вы сказали, что эти звезды с фамильного герба папы Александра Седьмого. Я же, увидев их и ту, что венчает обелиск, сразу решил, что это македонская звезда: солнце, окруженное лучами, символ царской власти Александра Великого. Сходство поразительное. Чего я не могу понять, так это — как Александр Седьмой узнал об этом символе. Он стал широко известен только после раскопок македонских царских могил в Вергине в 1972 году. — Том задумался и продолжил: — Выбор слона и обелиска исключительно адекватен для монумента, связанного с могилой Александра Великого. Александр первым познакомил западный мир со слонами. После легендарной битвы с индийским раджей Пором, который использовал слонов в войне с ним и потерпел поражение, Александр сам ввел их в свой царский обиход. Говорят, что он посвятил самого большого слона Пора Гелиосу, богу солнца, и, отдавая дань силе животного, назвал его по имени гомеровского героя Аяксом.

Виктория внимательно следила за тем, как Том выстраивал свою аргументацию.

— Александр триумфально въехал в Вавилон на колеснице, которую тащили слоны. Участие слонов в римских церемониях чествования победителей ведет начало от триумфальных шествий Александра, а также празднеств в честь бога Диониса, который, согласно легенде, покорил Восток до Александра. И Александр умело использовал эту легенду. Фантастические сатироподобные лица и ветки плюща, украшающие седло и попону слона Бернины, мне кажется, призваны вызывать именно эту ассоциацию. Иначе они были бы здесь совершенно неуместны.

Кстати, в этом свете вполне объяснимо и присутствие обелиска. Александра Великого ассоциировали с богом солнца Гелиосом, исходя из необозримости его владений. Обелиск также отсылает нас к Египту, где Александр был

погребен в первый раз и где он основал свой самый важный город — Александрию. Понятие божественной мудрости, которое объединяет Александра Великого, одного из семи мудрецов античности, с интеллектуалом папой Александром Седьмым, — идеальный предлог свести воедино эти две во всем остальном совершенно различные исторические фигуры.

— А теперь давайте поразмышляем над фрагментом из дневника папы Александра Седьмого. — Виктория достала свой блокнот. — В нем говорится: *«Не обращая внимания на священную надпись на обелиске, взгляни на слона, мудрейшего из животных, чтобы найти надпись иного рода. Ищи и обрящешь»*.

Том поднял голову и внимательно всмотрелся в обелиск.

— Давайте тщательно исследуем все поверхности скульптуры. Может, где-нибудь имеется надпись, не бросающаяся в глаза.

Оказалось, что на монументе не так уж много мест, где могла бы разместиться надпись, и они досконально обследовали ноги животного и хобот, но ничего не нашли. Единственным вероятным местом оставалась макушка слоновьей головы, которой с земли не было видно. Но чтобы осмотреть ее, необходимо было взобраться наверх. Не карают ли за это итальянские законы, подумал Том. И все же решился:

— Что ж, пожалуй, мне придется залезть наверх и взглянуть на его макушку.

Виктория огляделась по сторонам. Никого поблизости видно не было.

— Ну давайте, — согласилась она.

Прихватив камеру и сканер Артура, Том снял туфли и взобрался на пьедестал. Оттуда, чуть подпрыгнув, он сумел, ухватившись за завиток на углу основания обелиска,

подтянуться и достать до шеи слона. Усевшись на нее верхом, словно индийский погонщик слонов, он посмотрел на толстокожий загривок и увидел высеченную на нем надпись — во всяком случае, ее остатки. Он тут же включил камеру и быстро сделал несколько снимков, потом загрузил сканер и провел им вдоль надписи. В этот момент на площади появился бегун и закричал Тому по-итальянски, чтобы тот немедленно слез со статуи. Слава Богу, не полицейский, подумал Том. Виктория подошла к бегуну и, пока Том быстро заканчивал дело и поспешно слезал на землю, постаралась успокоить его, пространно объясняя, что здесь проводится официальное научное исследование.

— Думаю, нам надо убираться отсюда немедленно, — сказала она, вернувшись к памятнику. — Я постаралась утихомирить этого человека, но он еще где-то здесь поблизости, и нам не стоит больше привлекать к себе внимание. Давайте дойдем до «Тацца д'Оро» и выпьем по чашке капуччино. Там и поговорим.

Но Том не мог терпеть и выпалил:

— Там есть надпись! Я ее сфотографировал. Идемте, просмотрим снимки вместе.

Потягивая капуччино в «Тацца д'Оро», Том увеличил полученное изображение, внимательно вгляделся в него и передал камеру Виктории.

— Надпись явно имеется, но буквы почти полностью стерлись, хотя света было достаточно — не думаю, что можно получить снимки лучшего качества при другом освещении. Жаль, не было времени сделать оттиск, хотя, учитывая состояние надписи, сомневаюсь, что он бы нам что-то дал. Но я привез из Нью-Йорка новое приспособление и отсканировал надпись. Сейчас загружу изображение в лэптоп и посмотрим, что оно нам покажет.

Том активизировал «Красный фантом» и загрузил в программу полученное изображение. Через несколько минут на экране появилась отсканированная надпись. К сожалению, она оказалась не намного разборчивей.

Вглядываясь в дисплей, Том объяснял Виктории:

— Эта программа создана для того, чтобы восстанавливать надписи на античных памятниках. На них буквы всегда покрывались краской, а здесь, судя по всему, они были просто высечены, но не покрашены. Думаю, они могли стереться в результате воздействия кислотных дождей или статую слишком энергично чистили. Но мне кажется, что их стирали намеренно. От букв почти ничего не осталось... Виктория, похоже, ваша догадка оправдалась. Должно быть, папа Александр Седьмой действительно нашел гробницу Александра и перезахоронил останки. Вероятно, эта надпись могла подсказать нам, где именно. Увы, судя по всему, мы снова уперлись в тупик. — Том отпил глоток кофе. И тут его осенило: — Виктория, это может показаться безумием, но меня только что посетила идея, которая способна помочь нам решить эту загадку. Только мне понадобится ваша помощь. Сможете полететь со мной в Нью-Йорк прямо сейчас?

Синие глаза Виктории сверкнули в ответ на почти отчаянную мольбу, светившуюся в его взгляде.

— Почему бы нет? — с готовностью ответила она.

30

Луиджи ждал на линии, пока Нестор переключал его на связь с Оскаром. Было очевидно, что тот не обрадуется новости, которую он собирался ему сообщить.

— Он улетел. Я только что наблюдал, как он сел в самолет до Нью-Йорка вместе с какой-то молодой женщиной. Блондинка, высокая, привлекательная. Сейчас покажу вам их фотографию. Рейс 376 компании «Дельта» до Джей-Эф-Кей*.

— Шутишь. Он летит в Нью-Йорк? — воскликнул Оскар. Первой его мыслью было: зачем Тому Карру улетать из Рима так поспешно? Повернувшись к компьютеру, он открыл присланное Луиджи приложение. На снимке были Том и блондинка. Оскар мгновенно узнал в ней женщину, которую видел в Библиотеке Моргана. — Он заметил, что ты за ним следишь?

— Нет, уверен, что они меня не засекли. Я был осторожен, — категорически заверил Луиджи. — Хотя странно: он даже не выписался из Американской академии. Я весь день следил за ним. Рано утром он встретился с этой женщиной возле Пантеона, они изучали скульптуру Бернини, которая стоит перед церковью Санта-Мария сопра Минерва, — слон с обелиском.

— Да, я знаю эту скульптуру, — подтвердил Оскар и стал слушать дальше.

— Он даже взобрался на нее и сделал несколько снимков головы слона сверху. Потом они пили кофе неподалеку оттуда, а после этого поехали прямо в аэропорт. Я подошел к скульптуре и осмотрел голову слона, но там ничего нет.

— Ладно, ты хорошо поработал. Спасибо, что предупредил меня. До свидания. — Оскар повесил трубку. Так зачем же Карр так срочно возвращается в Нью-Йорк? Что-то происходит. Он не мог ничего обо мне узнать, думал Оскар. Должно быть, в развитии событий появилось

---

* Сокращение, принятое для нью-йоркского аэропорта имени Джона Фицджералда Кеннеди (JFK).

новое направление. Пора принимать более решительные меры. Недостаточно просто повсюду ходить за Карром. Нужны ответы. Необходимо разработать план, который приведет Карра к нему.

Сидя за столом, он слышал, как включился и начал принимать сообщение факс. Пройдя к изящному кленовому столику на трех ножках, он извлек из факса лист бумаги. На нем было изображение короны из дубовых листьев и килика* с вписанным в него тондо**. Под изображениями фигур имелись подписи. Это был кентавр Несс со стрелой в груди, вцепившийся в прекрасную жену Геракла Деяниру.

Зазвонил телефон. Оскар взглянул на определитель номера, хотя и без того отлично знал, кто это. Сняв трубку, ответил по-турецки:

— Только что получил. Из чего они сделаны?

— Одна — из золота, украшена эмалью, другая — из позолоченного серебра.

— А качество?

— Первокласное. Как только они ко мне попали, я сразу подумал о вас.

— Я беру. Присылай немедленно. Цену обсудим, когда я их увижу.

— Вы не будете разочарованы.

Оскар повесил трубку. Богатство древних греков не переставало изумлять его. Когда казалось, что уже не осталось неразграбленных могил, каждый раз обнаруживалась новая, и она тоже оказывалась полна изысканных

---

* Килик — древнегреческий сосуд для напитков плоской формы на короткой ножке.

** Тондо (от *ит. tondo* — круглый или *лат. tondere* — обстригать, обтесывать) — круглый формат, изображение, вписанное в круг.

произведений искусства. Он посмотрел на лист, который держал в руке. Миф о Геракле и Деянире, классическая легенда. Во время путешествия Геракл с женой подошли к реке. Кентавр по имени Несс предложил перевезти Деяниру на другой берег и, пока плыл, попытался воспользоваться положением. Геракл выпустил в него стрелу из своего прославленного лука. Попад в спину, стрела острием вышла наружу из груди. Умирая, кентавр велел Деянире собрать немного его крови и пропитать ею плащ Геракла. Испуская последний вздох, он сказал ей, что этот плащ она должна дать Гераклу, если заподозрит его в измене, тогда он снова станет ей верен.

Деянира приготовила плащ, как велел кентавр, и наконец Геракл действительно изменил ей. Она поняла это по признакам, хорошо известным каждой замужней женщине. Тогда Деянира, не зная, что кровь кентавра является смертельным ядом, дала плащ мужу. Геракл не смог скинуть с себя плащ, а боль, которую он испытывал, была настолько невыносима, что он взобрался на гору, сложил погребальный костер и совершил акт самосожжения. Ирония судьбы: Геракл спас честь жены, убив кентавра, чья кровь в конце концов убила его за то же постыдное деяние. И вся эта история держится на хитроумной лжи коварного старого кентавра. Это навело Оскара на мысль. Он вдруг понял, как завлечь Карра к себе. Этот красавчик сам себя загонит в ловушку.

31

К тому времени, когда Том с Викторией прибыли в аэропорт Джона Фицджералда Кеннеди, прошли паспортный и таможенный контроль и взяли машину Тома с дол-

госрочной стоянки, было почти десять часов вечера. Прямо из аэропорта Том отправился в музей. Когда он подъехал к служебным воротам, из будки вышел охранник, проверил его удостоверение и пропустил машину внутрь. Въехав по длинному пандусу в обширное ангароподобное помещение, Том поставил машину возле массивных грузовых ворот.

Пока он парковался, Виктория, у которой после долгого перелета состояние было как с похмелья, подавив зевок, потянулась и спросила:

— Что мы здесь делаем? Разве музей не закрыт в такой поздний час?

— Мне нужно кое-что проверить, — ответил Том. — Ждите меня в машине, я быстро. Положитесь на меня.

— Хорошо, только недолго. — Она озадаченно посмотрела ему вслед.

Ночью музей напоминал крепость. Никто не мог войти или выйти из него без соответствующего удостоверения. Тому пришлось миновать еще два контрольных поста. Сверив отпечатки его пальцев и просканировав радужную оболочку глаз, охранник пропустил его через толстую стальную дверь караульного помещения. Очувтившись наконец внутри здания, Том направился в греко-римский отдел. Стремительно минуя залы египетского искусства с массивными гранитными статуями фараонов и богов, отбрасывавшими при тусклом освещении загадочные тени, он ощутил знакомое чувство благоговейного трепета от того, что имеет привилегию работать в этом великом заведении; было приятно вернуться в него.

Добравшись до своего отдела, он целенаправленно проследовал в библиотеку, где, пробежав взглядом по полкам, отыскал нужную книгу, перенес ее на широкий деревянный стол, положил перед собой и начал методично исследовать.

— Посмотрим, не ошибся ли я, — произнес он вслух, водя пальцем по каталожному списку. И, перелистав несколько страниц, воскликнул: — Эврика! — Глаза у него засияли. — Нашел! Я знал, что он здесь есть. Нельзя терять времени.

Он вскочил, сунул книгу под мышку, закрыл библиотеку и прошел в конец коридора. Там отпер дверь кабинета своего коллеги и включил свет. Одна стена кабинета, отделанного панелями красного дерева, была уставлена книгами. Два огромных эркерных окна выходили на Центральный парк. Он был погружен во тьму и безмолвен, кроны деревьев смыкались в сплошной покров, который простирался до западной оконечности парка. Том пересек кабинет и подошел к монументальной голове Аполлона — выполненной в масштабе один к одному гипсовой копии со знаменитой статуи бога, стоящей перед западным фронтоном храма Зевса в Олимпии, — и снял с деревянного крючка медное кольцо, на котором висели два ключа. Потрогав на счастье нос Аполлона, он выключил свет и поспешил к выходу.

Виктория едва приоткрыла глаза, когда Том скользнул на водительское место и завел мотор.

— Я нашел то, что искал. Нам придется сделать еще одну остановку, прежде чем мы поедем ко мне домой. Это не займет слишком много времени. Расслабьтесь и поспите, если хочется. Я разбужу вас, когда мы прибудем на место.

Выехав с музейной парковки, Том повернул на север, на Мэдисон-авеню и повел машину в сторону от центра. Вскоре они пересекли мост Мэдисон-авеню и въехали в Бронкс. Было начало двенадцатого, улицы уже опустели. Виктория проснулась, протерла глаза и спросила:

— Куда, скажите на милость, мы едем?

— Увидите. Осталось недолго. Мы почти на месте.

Несколько минут спустя он въехал на стоянку огромного складского здания и подрулил к месту, выделенному для машин музея Метрополитен.

— Что это?

— Это наше хранилище. Хочу кое на что взглянуть. На одну гипсовую копию.

— Том, это из-за нее вы привезли меня обратно в Нью-Йорк? О чем вы толкуете? Что вы задумали? — засыпала его вопросами Виктория.

— Возможно, след окажется ложным, но попытаться нужно — не судите раньше времени. — Том вышел из машины, девушка последовала за ним. — Когда-то гипсовые копии были основой музейной коллекции Метрополитен. Каталог этих копий представляет собой своего рода краткий курс истории искусств от доисторических времен до восемнадцатого века. Большая часть копий была привезена из Европы, позднее их начали изготавливать в Бостоне, на фабрике Капрони. Выставляли их там, где сейчас располагаются залы искусства Средневековья — то есть в самом сердце архитектурного ансамбля музея. — Том шел быстро, Виктория едва поспевала за ним. — Многие копии оставались в экспозиции до сороковых годов. Однако по мере того как новые приобретения требовали все больше места, их в конце концов сослали на этот склад. Вот в этом огромном помещении они и хранятся, собирая пыль, почти всегда в темноте. Что-то вроде чистилища для гипсовых копий. Войдем?

Они вошли в здание и на старом лифте поднялись на последний этаж. Том отпер огромный висячий замок на тяжелой металлической двери, ведущей в помещение хранилища.

Остановившись у окна в освещенном лунным светом круге, он повернулся к Виктории и сказал:

— Когда я мальчиком жил в Монтане, одним из моих любимых летних занятий было после грозы гоняться за радугой. В Монтане небо широкое, как океан. Кажется, что оно нигде не кончается. Просто удивительно. Мы часто ездили с отцом на машине. Монтана такой большой штат, что повсюду приходится ездить. Как только кончался дождь, небо снова очищалось от туч и волнистые белые края облаков окаймлялись серебряной кромкой, я начинал искать радугу. А когда находил, отец жал на газ, и мы гнались за ней. Даже при том что по грунтовой, засыпанной гравием дороге трудно было развить скорость больше пятидесяти миль в час, нам казалось, что мы ее вот-вот догоним. Но ни разу не догнали, она всегда оказывалась чуть-чуть впереди. Наша нынешняя погоня немного сродни той. Мы приближаемся, а конец радуги отодвигается снова. — Он щелкнул выключателем, и свет залил помещение, открыв взору тысячи статуй.

— Добро пожаловать в музейное хранилище гипсовых копий.

Синие глаза Виктории расширились от изумления при виде представшего ее взору невероятного ландшафта скульптур и архитектурных фрагментов. Статуи стояли рядами вплотную друг к другу на огромной площади, не уступающей площади футбольного поля. Здесь были куски фриза с Парфенона и Пергамский алтарь, статуи египетских фараонов, монументальные ассирийские барельефы из Персеполя, барельеф с Львиных ворот в Микенах, надгробия средневековых рыцарей, горгульи с парижского кафедрального собора Нотр-Дам и порталы Шартрского кафедрального собора, исламские лепные орнаменты и знаменитые произведения эпохи Ренессанса. Список, с которым сверялся Том, казался нескончаемым. В нем содержалось почти три тысячи позиций.

— Я многие годы здесь не был. Объекты не расположены в хронологическом порядке, как видите. Не знаю точно, где находится то, что нам нужно, но у меня есть идея. Идите за мной.

Светя себе фонарем, Том углубился в лес гипсовых фигур.

У Виктории усталость как рукой сняло. Станный антураж, в котором она очутилась, напоминал что-то вроде экзамена по истории искусств в виртуальном трехмерном пространстве. Она остановилась на секунду, чтобы вобрать его в себя целиком.

— Эй, Том, глядите — «Пьета» Микеланджело стоит рядом с «Фавном» Бернини. Это что, чья-то шутка? А вот «Боксер из Терм» — вид у него такой, словно он ждет автобуса. Бог мой, это какое-то сюрреалистическое видение конца истории искусств: величайшие произведения со всего света, собранные в одном месте и оставленные пылиться под замком. Представьте себе, что мог бы сделать с этим пространством Сальвадор Дали! — Виктория помолчала и добавила почти про себя: — Это действительно печальный...

Том резко прервал ход ее мысли:

— Виктория, идите сюда. Я нашел его!

Виктория с торца обошла очередной ряд гипсовых фигур и вышла на чуть более просторное место, где Том стоял возле гипсовой копии слона Бернини с обелиском в натуральную величину.

— О Боже, Том, вы думаете, что здесь надпись сохранилась? Когда была сделана эта копия?

— Она была сделана в 1890 году. Музей тогда имел дело со множеством различных организаций в Италии, Греции и по всему миру, которые изготавливали и продавали копии величайших произведений искусства. Мне казалось,

что я помню эту копию, и, действительно увидев ее в каталоге, я пришел в восторг.

Виктория подошла к слону и встала рядом с Томом.

— Он ужасно грязный.

— У входа есть мехи для сдувания пыли и лестница. Оставайтесь здесь. Я мигом.

Он уже ринулся было обратно ко входу, как вдруг в отдалении послышался громкий шум и звук, похожий на хлопанье крыльев.

Виктория схватила Тома за руку и прошептала:

— Вы слышали?

— Это просто голуби, там, в дальнем конце помещения. Должно быть, влетели через открытое окно. Не обращайте внимания. Здесь никого нет. Я сейчас вернусь.

Минуты через две он действительно вернулся с лестницей и воздушными мехами и быстро взобрался на голову слона. Виктория поддерживала лестницу. Несколько мощных струй воздуха сдули пыль с поверхности скульптуры.

— Есть надпись! И она читаема! — крикнул Том. — На латыни.

Включив камеру, он сделал несколько снимков, потом достал блокнот и переписал в него надпись.

Когда он спустился на пол и снова оказался рядом с Викторией, трудно было не заметить, как он взволнован.

— Там написано: «В храме Афины есть русалка. Правильный ответ на ее вопрос приведет вас к великому мудрецу, наставит на путь божественной мудрости». Храм Афины — это намек на храм Минервы, руины которого расположены под церковью Санта-Мария sopra Минерва. Статуя слона с обелиском находится на площади как раз напротив. Вы только подумайте, мы же были рядом! — Том едва сдерживался.

Виктория тоже была взволнованна.

— Эти руины закрыты для публики, — сказала она, — но вход в них в самой церкви, надо только пройти через крипту. Я знаю настоятеля — провела немало времени в маленьком музейчике при этом храме. Там есть одна значительная работа Бернини, которую я изучала. Уверена, мне удастся уговорить священника пустить нас в подземелье.

— Виктория, я знал, что без вас не справлюсь, — сказал Том, глядя ей прямо в глаза. Его сердце билось учащенно. — Окончание надписи немного озадачивает, но «великий мудрец» — это наверняка Александр. Как вы знаете, в Средние века его считали одним из семи мудрецов античности, да и слово «великий» представляет собой слабо завуалированный намек на его постоянный эпитет. Мы должны как можно скорее вернуться в церковь Санта-Мария сопра Минерва. Уверен: как только мы там окажемся, смысл надписи разъяснится. Первое, что я сделаю завтра утром, это посмотрю, какие есть рейсы на Рим. А теперь поедem ко мне домой, я знаю, что вы измотаны вконец. Нам обоим не помешает хорошенько выспаться.

32

На следующее утро Том проснулся в девять часов, бодрый и радостный от воспоминаний об открытии, сделанном ими на складе. Виктория еще спала, поэтому он решил пойти купить что-нибудь к завтраку. Утро было ясным и свежим, яркое солнце освещало мощеные улицы, придавая всему подчеркнуто ясные очертания. Он любил такие дни в городе, когда все виделось более четко, чем тогда,

когда смог загрязнял городской воздух, что случалось нередко. Для Тома они всегда были исполнены некоего не поддающегося простому объяснению величия. Однако после трагедии одиннадцатого сентября, случившейся именно в такой осенний день, его преследовало тревожное ожидание: что может произойти в следующий момент? Проходя через маленький сквер, являвшийся ландшафтным центром всего района, он поглаживал заячью лапку, которую носил в кармане на счастье.

Сначала он остановился возле итальянской булочной на Корт-стрит. Было еще рано, и хлебы горами громоздились в корзинах у задней стены и на стеклянных подносах, которые выставлялись в витрине. Холодное снаружи стекло изнутри немного заволокло паром из-за исходившего от свежеевыпеченных буханок тепла. Задняя дверь была открыта, там булочник уже готовил следующую партию выпечки, катая шары из теста на мраморном столе, стоявшем напротив огромных печей. Пока молодая продавщица обслуживала предыдущего клиента, Том подошел к большим стеклянным дверям старого хромированного холодильника, достал из него кварту молока и поставил бутылку на прилавок. В ожидании своей очереди окинул взглядом богатый ассортимент хлебобулочных изделий — пончики, булочки, бисквиты и разноцветные торты. Он выбрал напоминавшую цыганский браслет сицилийскую плетенку со злаками и толстой хрустящей корочкой.

Дальше он пошел в близлежащую кофейню. Сильный аромат жарящихся кофейных зерен ощущался задолго до входа в заведение, внутри же он просто одурманивал. Здесь нельзя было выпить такого превосходного капучино, какой подают в Риме, однако и местный выбор был неплох. Кроме того, Том научился варить отличный кофе дома. Он взял два разных сорта зерен: один для эспresso,

другой — для фильтрованного кофе — и, поставив пакеты на прилавок, расплатился.

Потом во французской булочной, находившейся дальше по улице, купил два миндальных круассана и бриошь. Этого должно быть достаточно, подумал он и направился домой, остановившись лишь у флориста, чтобы купить свежесрезанных цветов. Виктория по-прежнему спала, поэтому он смолот кофейные зерна, сварил полный кофейник и с дымящейся чашкой поднялся на верхний этаж, в кабинет — проверить поступившие за время его отсутствия сообщения.

Сев за письменный стол, он соединился с музейным автоответчиком. Сообщений было довольно много, но ничего срочного, если не считать звонка от некоего дилера, утверждавшего, что у него есть ценный предмет, имеющий отношение к Александру Великому. Дилер сказал, что хочет показать его Тому, прежде чем предлагать другим, и просил позвонить ему как можно скорей.

— Какое удивительное совпадение, — пробормотал Том. Он знал, что скорее всего предмет не окажется чем-то, что музей захочет приобрести, однако этого никогда нельзя знать заранее, пока не увидишь. Если предлагается действительно нечто особенное, стоит взглянуть, потому что дилер не станет долго ждать и обратится к другим потенциальным покупателям.

Потом Том позвонил своему агенту из бюро путешествий и попросил зарезервировать билеты до Рима на вечер. Получив подтверждение, что билеты забронированы на девятичасовой рейс, он вернулся в кухню, чтобы приготовить завтрак. Виктория зашла как раз, когда он заканчивал.

— Какая прелесть! А это — кофе? Умираю от жажды. Я так замечательно выспалась. А вы? — спросила она Тома, уже передававшего ей чашку.

— Я тоже. Дома мне всегда хорошо спится. Рад, что вы тоже отлично отдохнули.

Виктория села за стол, поджав под себя ногу, и спросила:

— Ну, каков наш план?

— Мне удалось забронировать билеты на вечерний рейс до Рима. Так что весь день в нашем распоряжении.

— Вы должны повести меня в музей. Я не могу уехать из Нью-Йорка, еще раз не побывав в Метрополитен. Хочу увидеть ваши любимые произведения из греко-римской коллекции. — Она смотрела на Тома сияющими синими глазами, накручивая на палец длинный светлый локон и потягивая дымящийся кофе.

— Хорошо. Это самое малое, что я могу для вас сделать. Давайте отправимся туда сразу после завтрака. Кстати, я получил интригующее сообщение от одного местного дилера. Он утверждает, будто у него есть интересный предмет, имеющий отношение к Александру Великому, и хочет показать его мне. Его галерея находится неподалеку от музея. Вам это интересно? Если нет, я схожу сам. Это не займет много времени.

— Нет, почему же? В Риме мне ни разу не доводилось бывать в частной антикварной галерее, будет интересно посетить такую в Нью-Йорке.

После завтрака Том позвонил дилеру, чтобы справиться, может ли он их принять.

— Здравствуйте. Мистер Оскар Уильямс? Это Том Карр из музея Метрополитен.

— Мистер Карр, какая приятная неожиданность! — Оскар постарался скрыть свое нетерпение. — Из разговора с вашей секретаршей я понял, что вы в отъезде.

— Э-э, да, но я уже вернулся и получил ваше сообщение. Вы сказали, что располагаете чем-то, что могло бы

привлечь внимание музея? — Том тоже не хотел выдавать свою заинтересованность.

— Да, это исключительная вещь. Как только я ее увидел, сразу понял, что Метрополитен она заинтересует. Вообще-то я хотел сначала показать ее лично вам, учитывая, что вы являетесь экспертом по Александру Великому. Это просто воплощенная мечта. Находка всей жизни, — закинул крючок Оскар.

— Можно ли мне прийти взглянуть на нее?

— Ну разумеется. Когда бы вы хотели это сделать?

— На следующей неделе у меня довольно напряженное расписание. — Том отнюдь не собирался сообщать, что вечером снова улетает в Рим. — Но у меня есть немного свободного времени сегодня днем, если вас это устраивает.

— Сегодня днем — идеально. Скажем, в три часа? — Оскару нужно было время, чтобы подготовиться к визиту.

— Да, замечательно. Кстати, ко мне приехала приятельница, можно ей прийти вместе со мной?

— Конечно. Буду ждать вас обоих. Вы знаете, где меня найти?

— Да, не беспокойтесь. Благодарю.

— Замечательно. Вас и впрямь ожидает удовольствие. Это исключительно изысканный предмет, имеющий большую историческую ценность, — кольцо-печатка Александра Великого. — Оскар повесил трубку, а Том остался стоять с округлившимися глазами и открытым ртом. Через секунду, повернувшись к Виктории, он сказал:

— Не знаю, что и думать. Он говорит, что хочет показать нам перстень с печаткой Александра Великого. Господи! Неужели это возможно?

Виктория встала и подошла к Тому.

— Кто, вы сказали, этот парень?

— Он — один из давно работающих в Нью-Йорке дилеров. В прошлом музей кое-что у него покупал, но не в последнее время. Теперь мы вообще мало покупаем. Для этого требуется соблюсти столько правил и предписаний, а цены на предметы старины с надежными доказательствами подлинности взлетели до небес. На рынке редко появляются предложения по разумным ценам. В любом случае скоро мы все сами увидим. Он ждет нас в три.

— Отлично. Дайте мне немного времени, чтобы привести себя в порядок, и я в вашем распоряжении.

Примерно час спустя, собрав вещи для возвращения в Рим, они пересекли Бруклинский мост в «карманнджиа» Тома и поехали на восточную сторону Манхэттена, к музею.

Том прямиком повел Викторию в греко-римские залы. Остановившись в начале длинной главной галереи греческого искусства, они увидели, как яркое солнце словно бы оживляет скульптурные шедевры. Виктория чуть не задохнулась от восторга.

— Какая красота! Я знаю, что у нас не слишком много времени, но мне бы хотелось посмотреть хоть на несколько ваших любимых экспонатов.

И Том начал свою короткую экскурсию. Ему всегда было особенно интересно осматривать произведения искусства вместе с кем-нибудь, а Виктория оказалась идеальной спутницей. Она чутко вбирала в себя все, что он говорил и показывал. Ничто не ускользало от ее взгляда, и ко всему она проявляла неподдельный интерес. Многие из того, что он демонстрировал, глубоко ее трогало. Когда они дошли до Сокровищницы, она, повернувшись к Тому, сказала:

— Я не уверена, что готова снова увидеть танцовщицу в покрывалах и маске.

Взяв ее за плечи и посмотрев прямо в глаза, Том ответил:

— Вы справитесь, Виктория. Я буду рядом, если у вас опять случится видение. Единственный способ узнать — это попробовать. Соберитесь. Вы сможете!

Виктория нервничала, но, с минуту поколебавшись, взяла себя в руки и сказала:

— Вы правы, Том. Бояться нечего, кроме самого страха.

Они вошли, Том взял девушку за руку, и они остановились перед бронзовой статуэткой танцовщицы. Сердце у Виктории бешено колотилось, но тепло и сила, исходившие от руки Тома, придавали ей сил, и она поняла, что все будет в порядке.

— Масштаб выбран идеально. Кажется, что она танцует для нас. Это действительно сказочная скульптура, — сказала Виктория, замороженная видом статуэтки.

— Те, кто видел ее на иллюстрациях в разных версиях «Деяний Александра», бывают удивлены истинными размерами танцовщицы: они ожидают, что она гораздо крупнее. Это из-за обилия тонких деталей. Вот видите, вы в полном порядке, никаких обмороков. — Том ободряюще посмотрел на Викторию. — Представьте себе, что она — действительно Роксана, танцующая для Александра в тот вечер, когда они впервые встретились и полюбили друг друга... Мне кажется знаменательным, что существует немало копий, пусть и менее изящных, этой статуэтки. Это позволяет предположить, что она была широко известна. Оставим в стороне ваше видение о том, как вы очутились в гробнице Александра, которое, к сожалению, нельзя проверить. Но могли существовать более поздние произведения на тот же сюжет — псевдоисторический. Художники эллинистической эпохи обожали подобные истории и умели воплощать их, делая удивительно реальными. Это объясняет и сходство со сценами из «Деяний Александра». Возможно, танцовщица — реплика какого-нибудь знаменитого утерянного полотна или скульптуры.

Проблема в том, что мы, вероятно, никогда этого не узнаем наверняка.

Он повел Викторию в следующий зал и обратил внимание девушки на фрески из Боскореала, задержавшись у центрального фрагмента, изображавшего новобрачную, глядящую вдаль так, словно она видит там призрак.

— Это одна из моих любимых картин, — сказал он. — Разве вас не бросает в дрожь от того, как она смотрит? Будто видит что-то за пределами полотна. Удивительный эффект. Все эти живописные картины поступили из одного и того же места — из парадного вестибюля большой аристократической виллы неподалеку от Помпей. Возможно, они представляют собой копии какого-нибудь знаменитого греческого цикла. Если вы правы в том, что стены гробницы Александра украшали оригинальные эллинистические росписи, то, вероятно, сейчас мы видим Роксану, глядящую на нас из прошлого. И это совсем иной образ, если сравнивать его с бронзовой танцовщицей, гораздо более сумрачный и серьезный.

— Да, не таким хотела бы я запомнить день своей свадьбы, — согласилась Виктория. — Тем не менее вы правы: безусловно, перед нами женщина с хорошей головой на плечах. Интересно, над чем она размышляет: над будущим или над прошлым? Невозможно понять.

— На правой панели, — рассказывал Том, — мы видим женщину, которую принято считать прорицательницей; в щите она прозревает изображение молодого царя — это предсказание о рождении наследника. Эта живописная композиция дает понять, что зачатие августейшего наследника произошло в первую брачную ночь, которая последовала за торжествами, описанными здесь же. На самом деле Роксана и Александр зачали наследника лишь через несколько лет. Судя по дате рождения, их сын был зачат вскоре после смерти лучшего друга и компаньона

Александра — Гефестиона. Это был самый трудный период в короткой жизни великого царя. Должно быть, тогда Роксана стала для него большим утешением. — Том задумался. — Александр умер неожиданно, всего несколько месяцев спустя, и мальчик, нареченный Александром Восьмым, родился уже после его смерти. Усыпальницу для Александра, разумеется, построили гораздо позже — из-за споров по поводу того, где он должен обрести последний покой. Когда гробница все же была сооружена, положение Роксаны и ее малолетнего сына, законного наследника трона, стало рискованным — и это еще мягко сказано. Если на этой картине изображен день царской свадьбы, то художник, писавший оригинал, возможно, пытался этим тревожным взглядом Роксаны передать ненадежность ее будущего.

Завершил экскурсию Том в зале позднееримского искусства. Указав на прекрасный мраморный бюст императора Каракаллы, он сказал:

— Скульптору удалось удивительно тонко передать не слишком приятный характер этого человека.

— Чтобы не сказать больше, — подхватила Виктория. — Но согласитесь, чувствуется, что личность была исключительно сильная и решительная.

— У нас есть еще и бронзовый его бюст. — Том перешел к соседней витрине. — Этот заказ был гораздо дороже, чем мраморная голова, но по качеству не идет с ней ни в какое сравнение. Работа куда более грубая, что подтверждает истину: дороговизна материала далеко не всегда является залогом прекрасного в искусстве. Как говорится, не всегда получаешь то, за что платишь. — Он улыбнулся. — Каракалла был одержим Александром Великим. Насколько известно, он был последним, кто посетил его усыпальницу. Если бы диктейская надпись, в которой утверждается, что гробница Александра перенесена в Пантеон Требони-

ем Галлом, не была обнаружена... Первый, кто пришел бы мне в голову как человек, способный переместить ее, был бы именно Каракалла.

Том перешел к крупномасштабной бронзовой скульптуре римского императора, изображенного в героической наготе.

— Давайте закончим нашу маленькую экскурсию этой бронзовой статуей. Не лучший из наших экспонатов. Его у нас даже ласково-шутливо называют «булавочной головкой», — видите, у него непропорционально маленькая по сравнению с телом голова. Тем не менее скульптура, безусловно, представляет Требония Галла, императора, упомянутого в диктейской надписи как человека, перенесшего гробницу македонского царя из Александрии в римский Пантеон. Это одно из очень немногих его крупномасштабных изображений, дошедших до нас в относительно сохранном виде. Правда, тело значительно пострадало, поэтому поза воспроизведена неточно. Вероятно, изначально обнаженный император держал в поднятой руке копьё. Оригинальная поза сознательно имитировала знаменитую статую Александра с копьем, выполненную придворным скульптором Лисиппом. Похоже, император желал внедрить в сознание римского народа сходство собственной персоны с Александром Великим. Эту статую откопали в Риме в начале девятнадцатого века. Возможно, в свое время она стояла в каком-нибудь городском общественном месте. Требоний не был великим полководцем, он правил всего два года и погиб от рук собственной армии. Статуя, видимо, относится к временам его правления, а еще вероятней — к тому моменту, когда он перенес останки Александра в Пантеон.

Том взглянул на Викторию и понял, что пора делать перерыв.

— Не пообедать ли нам, прежде чем отправимся к мистеру Уильямсу? — предложил он. — В нашей служебной столовой — прекрасная кухня, даже по римским меркам.

— Том, это было восхитительно. Большое вам спасибо, — ответила Виктория. — Ведите меня. Я действительно проголодалась.

33

После обеда они сели в такси и поехали в галерею Оскара Уильямса. Она была не из тех, куда мог зайти человек с улицы — располагалась в небольшом жилом здании между Парк- и Лексингтон-авеню, на 62-й улице, и представляла собой специально оборудованную квартиру. Оскару нравилось это здание, поскольку оно находилось в стороне от любопытных глаз и в то же время на полпути между аукционными домами Сотби и Кристи — очень подходящее местоположение, потому что его клиентами были коллекционеры, съезжавшиеся в Нью-Йорк именно на эти аукционы, проводившиеся каждый год в июне и декабре. Такси подкатило к парадному входу, из которого им навстречу вышел швейцар.

Когда они оказались в вестибюле, Том сказал ему:

— Мы к мистеру Оскару Уильямсу. Он ждет нас. Меня зовут Том Карр.

— Да, конечно, мистер Карр. Мистер Уильямс предупредил меня о вашем визите. Сейчас сообщу ему, что вы прибыли. — Позвонив наверх, швейцар сказал Тому: — Квартира 4В. Лифт — справа.

Том жестом пригласил Викторию следовать за ним, и они вошли в лифт, который ходил только на четвертый

этаж. Когда кабина остановилась и дверь разъехалась, они увидели небольшое фойе с кленовым паркетным полом и богато украшенными лепниной стенами цвета вечнозеленой хвои. Между дверями, ведущими в две квартиры, на элегантном столике красного дерева стоял горшок с цветущей орхидеей, а над ним висело зеркало в античной золоченой раме. Том направился к двери с табличкой «4В», а Виктория задержалась у зеркала, оглядела себя и поправила прическу. Присоединившись к Тому, она заметила, что стоявшая у входа подставка для зонтов представляет собой бронзовую ногу высотой до колена, явно принадлежавшую какой-то римской статуе.

— Подлинная? — спросила Виктория Тома, как раз собиравшегося позвонить.

— Думаю, да.

— Что ж, у него есть чувство юмора, — улыбнулась девушка. — Мне нравится.

Том нажал кнопку.

Оскар сам открыл дверь.

— Добрый день. Добро пожаловать. — Выражение его лица вызывало сравнение с котом, только что съевшим канарейку. Он с трудом сдерживал волнение. Ему не терпелось узнать все, что можно было узнать от Тома Карра, однако он старался не выдать себя. Терпение, Оскар, мысленно призвал он себя, сохраняй спокойствие.

Поздоровавшись с Томом за руку, он сказал:

— Давненько не видел я вас в моей маленькой галерее, — и жестом пригласил гостей войти.

— Да, уже несколько лет. Спасибо за приглашение.

— А кто, позвольте поинтересоваться, ваша прелестная подруга? — Оскар повернулся к Виктории. — Меня зовут Оскар Уильямс, — представился он. — Счастлив познакомиться. — Он взял ее руку и слегка прикоснулся к ней

губами. Виктории хотелось увернуться от его куртуазности, но она боялась показаться невежливой.

— Это Виктория Прайс, — ответил Том. — Она приехала в Нью-Йорк на несколько дней, ко мне в гости.

— И откуда же вы приехали, мисс Прайс? — поинтересовался Оскар, ведя гостей в глубь квартиры.

— Из Рима. Я художница, — ответила Виктория, оглядываясь по сторонам.

— Я много лет прожил в Риме, правда, это было давно, но и теперь иногда езжу туда по делам. Прошу вас, входите и устраивайтесь.

Оскар привел Тома с Викторией в гостиную и усадил на большой мягкий диван. На столике перед диваном был выложен набор — судя по всему, случайный — разных предметов. Видимо, они были предназначены для того, чтобы разжечь аппетит клиентов. Оскар никогда не знал, что заинтересует его посетителей, поэтому для начала всегда предлагал широкий выбор, а уж исходя из их реакции, решал, что принести потом. Вот и сейчас он намеревался как можно дольше не показывать кольцо Александра, ради которого, собственно, и пришел Карр. Оскар прекрасно понимал, что рассказы, будто это кольцо принадлежало Александру Великому, — грубое мошенничество и что Карр поймет это при первом же взгляде на него, поэтому хотел успеть до того выдоить из гостя все возможное.

Том сразу же сосредоточился на выложенных предметах. Там была покрытая прелестной серо-зеленой патиной бронзовая греческая застежка-фибула с геометрическим рисунком в виде концентрических спиралей. Булавка на задней поверхности все еще оставалась острой и была надежно закреплена. Еще там стоял каменный идол эпохи неолита, терракотовая фигурка Пана, сидящего на камне с флейтой в руках, китайская нефритовая безделушка, египетская деревянная статуэтка мужчины в пол-

ный рост, на которой сохранились следы краски, и небольшая конусообразная стеклянная амфора на современной подставке. Но среди всех этих вещей Тома поразила серебряная чаша, килик века пятого, а то и более раннего, до новой эры, с выполненной золотой сканью сценкой, изображенной на широком дне.

— Лающая Сцилла, — сказал он, беря в руки чашу и пристально разглядывая ее. В центре тондо была изображена Сцилла — чудовище из Гомеровой «Одиссеи», — зловеще известная тем, что нападала на проходившие мимо корабли и утаскивала с них матросов. В руках Сцилла держала руль, словно только что вырвала его из корпуса корабля. Работа была исключительно тонкая. Виктория тоже с изумлением разглядывала килик из-за плеча Тома.

— Это Сцилла? Какой странный образ: до пояса — прекрасная женщина, а ниже — собачьи головы и змееподобные чудовища, приросшие к бедрам.

— Вполне канонический образ, — ответил Том.

— Ох уж эти греки! Очаровательное лицо, прекрасная обнаженная грудь, а ниже пояса вдруг — все эти жуткие монстры. Чисто мужское представление о женской силе, — с отвращением заметила Виктория.

— Представьте себе, что должен был испытывать участник пира, когда, выпив вино до дна, оказывался лицом к лицу со Сциллой! — подхватил Оскар: — Должно быть, для художника сюжет являлся просто отсылкой к легенде, а вот для того, кому эта чаша доставалась, — неприятным сюрпризом.

— Конечно, эта сценка отличается от той, которую изобразил на своей прекрасной чернофигурной чаше Экзекий*: Дионис, плывущий по винноцветному морю в

---

* Экзекий — древнегреческий керамист и вазописец, работавший в основном в технике чернофигурной росписи.

своем скифе с виноградной лозой вместо мачты, а вокруг — тирренские пираты, превратившиеся в дельфинов. — Том снова взгляделся в килик, который держал в руках, и продолжил: — Но греки обожали такие вот изображения-сюрпризы на чашах для вина. И это — прекрасный образец такой чаши.

— Благодарю вас, — улыбнулся Оскар. — Кстати, о винопитии. Взгляните на это. — Он вышел в соседнюю комнату, вернулся с греческой чернофигурной амфорой и поставил ее в центр стола на «ленивую Сюзанну»*, чтобы можно было рассматривать ее со всех сторон, не прикасаясь.

— Сэр Джон Бизли приписывал ее авторство представителю вазописной группы Лидоса, одного из лучших афинских художников, работавших в чернофигурной технике. Главная сцена на верхней части представляет сатиров, ногами давящих виноград в чане, водруженном на низкий стол, вино стекает прямо в эту амфору. — Оскар указал на сосуд, изображенный на картинке, — его форма точно повторяла форму самой амфоры. — Мне особенно нравится сатир справа, играющий на флейте Пана. Остальные давят виноград под его аккомпанемент. С другой стороны мы увидим бражников на пиру.

Он подождал, пока ваза повернется так, чтобы гости увидели сцену, которую он собирался описать.

— Мужчины возлежат на ложах в обществе прекрасных гетер, то есть куртизанок. Посмотрите, у этой — золотые волосы, как у Афродиты. — Оскар указал на полуобнаженную женщину, сидящую на ложе, хитон соскользнул у нее с одного плеча, обнажив грудь. — Взгляните на чашу, которую она держит.

Виктория наклонилась и воскликнула:

---

* Вращающееся сервировочное блюдо.

— О Боже! У нее ручка в форме восставшего фаллоса!

Оскар улыбнулся:

— Весьма игриво, не так ли? А теперь посмотрите вон на того бражника, которого рвет в ведро, стоящее прямо возле его обеденного ложа. — Струя, извергающаяся из рта гуляки, была выполнена из бледной глазури.

— Таким образом, на амфоре изображен полный цикл, — подвел итог Том. — Она в прекрасном состоянии и наверняка атрибутирована верно, сэру Джону Бизли можно верить. Тем не менее не думаю, что смог бы убедить попечителей одобрить такую покупку.

Оскар нахмурился:

— Да, конечно. Жаль, что теперь не семидесятые годы. Подобный декаданс сейчас не в моде. Но у меня есть еще кое-что, что будет вам любопытно. Сделайте милость, подождите минутку.

Он снова исчез в соседней комнате и вернулся на этот раз с двумя золотосеребряными римскими скифосами*. На поверхности кубков было глубокое рельефное изображение морской нимфы Фетиды, несущей доспехи своего сына Ахилла. Нимфа мчалась по морю верхом на гиппопотаме. Кубки были почти одинаковыми, но с небольшими вариациями.

Поднеся к глазам и рассматривая один из них, Виктория пошутила:

— У вас полно замечательных вещей, мистер Уильямс, ваша задняя комната — просто пещера Али-Бабы.

— Да, но прошу заметить, что Али-Баба был честным человеком, несмотря на то что обязан своими сокровищами сорока разбойникам, — весело ответил Оскар. — В

---

* Скифос — у древних римлян — кубок для вина с двумя горизонтальными ручками.

детстве я обожал сказки «Тысячи и одной ночи». Арабы действительно умели рассказывать истории.

Обменявшись кубками с Викторией, Том заметил:

— Интересно, что подобные кубки часто находят парами. Похоже, их и делали парными. Несколько лет назад такую пару выкопали возле Помпей, неподалеку от Стабий. Хозяин положил их в плетеный заплечный короб вместе с другой серебряной посудой и оставил в незаконченной бане, вероятно, рассчитывая вернуться за своим добром позже. Но это ему не было суждено.

— А теперь позвольте показать вам нечто действительно исключительное, — торжественно объявил Оскар. — Еще одну минуту.

Он снова исчез, унеся скифосы, и вернулся с траченной временем статуэткой птицы. У нее не хватало одного крыла, и сквозь брешь внутри можно было рассмотреть какие-то проржавевшие пружинки. Голова была помятой, но целой. Клюв крепился на шарнире, это позволяло предположить, что когда-то он мог двигаться, хотя теперь его бронзовый с позолотой механизм проржавел и сделался неподвижен. Без сомнения, некогда это была очень забавная вещь.

— Это заводная игрушка. Думаю, она относится к эллинистическому периоду. Как вам, безусловно, известно, Герон Александрийский описывал такие в первом веке новой эры. Вероятно, когда-то эта птичка важно расхаживала и сладкоголосо пела для своего хозяина — царя или богатого аристократа. Может быть, ваш отдел реставрации смог бы ее снова оживить?

— А ведь это и впрямь интересно. — Виктория склонилась поближе, чтобы рассмотреть птицу. — Как вы думаете, Том?

— Вещь, разумеется, редкая. Должен признаться, ничего точно такого я никогда не видел, хотя, как справед-

ливо заметил мистер Уильямс, древние греки делали такие заводные игрушки еще в классическом периоде своей истории. Более распространены они стали в эллинистическом периоде, когда подобные хитроумные изобретения вошли в моду. — Том не стал говорить об этом вслух, но что-то смущало его в птичьей голове. Вещь была изящной, однако его, повидавшего тысячи образцов античных птиц, что-то сразу насторожило. Его стало буквально подташнивать при мысли, что ему скармливают подделку. Продолжая разглядывать птицу, он сказал:

— Эти заводные игрушки имеют долгую историю. Они были популярны на Дальнем Востоке, у византийских императоров, у османских султанов. Интерес к ним возродился в Европе в эпоху Ренессанса. Я очень люблю последнюю строфу стихотворения Йейтса «Плавание в Византию», где он описывает золотую заводную игрушку как дорогую забаву византийского императора, будящую его сладкой песней. Мне кажется, эта птичка — более поздняя. — Том постарался скрыть свое неприязненное отношение к вещи. — Вероятно, вам стоит показать ее кому-нибудь из моих коллег в исламском или средневековом департаментах музея. — Взглянув через стол на дилера, Том заметил, что тому не слишком понравилась его оценка.

Он посмотрел на часы.

— Все это восхитительно, мистер Уильямс, но мы не хотим отнимать у вас слишком много времени. Вы сказали, что у вас есть кольцо, которое вы собирались мне показать. Точнее, кольцо-печатка Александра, и это, должен признать, разожгло мое любопытство.

— Да-да, конечно. Вы будете потрясены, когда увидите его. Но сначала позвольте мне предложить вам кофе с абрикосовым пирогом. Мы же никуда не торопимся. Я заказал его специально для вас во французской кондитер-

ской за углом. Виктория, ваш визит в Нью-Йорк нельзя будет считать полноценным, если вы не отведаете этого пирога. Выпечка у них — пальчики оближешь. Сейчас принесу. В любом случае, мистер Карр, я бы хотел услышать ваш рассказ о раскопках на Крите. Известно ли вам, что нынешним летом я побывал на вашей площадке? — Оскар скрылся в кухне и быстро возвратился с серебряным подносом, на котором стояли чашки с кофе и абрикосовый пирог.

— Вы были этим летом в Дикте? Надо было зайти в дом археологов. — Тома новость удивила.

— Да, мы с семьей отдыхали, путешествуя по островам Эгейского моря, когда я прочел статью в «Геральд трибюн» о ваших выдающихся находках. Мы в тот момент как раз находились неподалеку, поэтому на денек заглянули туда, прежде чем отправиться на Санторин. Раскоп расположен в очень красивом месте, и развалины минойского города и греческого святилища Зевса великолепны. Но должен признаться, нам не удалось увидеть то, что вы нашли. В «Трибюн» что-то говорилось о статуе Александра и какой-то стеле с некой ссылкой на местонахождение его гробницы. Звучит интригующе.

— Да. Жаль, что вы не посмотрели на статую, — ответил Том. При воспоминании об обезглавленной скульптуре сердце у него сжалось. — Она впечатляет, хотя нуждается в серьезных реставрационных процедурах. На ней большей частью сохранились даже изначальные краски. Мы держим ее под замком. — Том не смог заставить себя рассказать о чудовищном акте вандализма, имевшем место на предыдущей неделе.

— Это вполне понятно. Буду ждать академических публикаций о ваших находках, — сухо ответил Оскар. — А что там за надпись? В статье говорилось, будто в ней со-

держится ключ к поискам могилы Александра. Это действительно новость!

— Да. К сожалению, надпись сильно пострадала и не вполне читаема. Мы продолжаем работать над ее расшифровкой. — Том многозначительно посмотрел на Викторию, давая понять, что не желает продолжать разговор на эту тему.

— Понимаю. Есть успехи? — Оскар не отступал.

— Нет, пока нет, — устало ответил Том. — Так как там насчет кольца? Мне не терпится его увидеть. Мы бы с удовольствием задержались у вас подольше, но у нас не так много времени.

— Куда же вы торопитесь? — заинтересовался Оскар.

— Мы возвращаемся в Рим сегодня вечером, — ответила Виктория. — Ваш пирог действительно потрясающий, — добавила она, кладя в рот последний кусок.

Том стрельнул в нее взглядом, и она поняла — к сожалению, слишком поздно, — что сболтнула лишнего.

— Сегодня вечером? Вы оба летите в Рим? Но, мистер Карр, вы только что оттуда вернулись. Неудивительно, что у вас будет напряженное окончание недели. — Оскар замолчал на миг, чтобы осмыслить информацию, после чего продолжил: — Я не предполагал, что вас так поджигает время. Простите, что задержал. Надо было сразу сказать.

Он в который раз исчез в задней комнате и на сей раз принес оттуда маленькую деревянную коробочку. Усевшись напротив Тома с Викторией, он открыл ее и протянул им. Внутри, на отороченной парчой синей бархатной подкладке лежало золотое кольцо, в которое была вмонтирована сердоликовая гемма с изящно вырезанной головой Александра Великого.

— Перстень-печатка Александра Великого, — нарочито торжественно объявил Оскар.

— Вы позволите? — Том дрожащими руками достал кольцо и стал внимательно разглядывать резное изображение. — Прекрасная работа, но почему вы думаете, что это печатка Александра Великого?

— Ну на ней же вырезано его лицо.

— Существует множество перстней с изображением Александра. Например, известно, что император Август пользовался перстнем с его профилем как личной печатью. Думаю, мы не знаем точно, что было изображено на печатке самого Александра, хотя она у него, несомненно, была. Более того, известно, что у него было не одно кольцо с печатками. Существуют упоминания о том, что он взял себе кольцо персидского царя Дария и пользовался им как своей личной печатью, когда речь шла о государственных делах на Востоке. — Том посмотрел на Оскара, но тот ничего не сказал.

— Какова его родословная? — спросил Том.

— Оно принадлежало Александру Великому, чего же более, — чопорно ответил Оскар.

— Я имею в виду — какова его последующая история? Где оно побывало после его смерти? — спросил Том, удивленный надменным ответом.

— Древние авторы сообщают, что на смертном одре Александр Великий передал свою печатку Пердикке, — произнес Уильямс с самым серьезным выражением лица. — Это послужило ясным знаком того, что он знает о своей близкой кончине, и намеком на будущую роль Пердикки. Далее никаких свидетельств не существует. Я представляю интересы одного европейца, который унаследовал кольцо от своего отца и который уверен, что оно принадлежало его семье на протяжении нескольких поколений.

По выражению лица Карра Оскар понял, что игра окончена, и завершил свою речь на более непринужденной ноте:

— Могу сказать, что это кольцо — из старой швейцарской коллекции. — Он озорно подмигнул Виктории. Что бы там ни было, он получил весьма важную информацию, которая позволяла начать действовать.

Том подумал было, не вытянуть ли из Оскара еще какие-нибудь сведения о происхождении кольца, но отказался от этой мысли. Теперь он смотрел на дилера другими глазами. Это был представитель «старой гвардии». Такие не меняются. Перед Томом сидел динозавр, причем не какой-нибудь травоядный бронтозавр, а опасный хищник. С ним следовало вести себя очень осторожно. Теперь это стало очевидным. Этот человек пригласил его по какой-то одному ему ведомой причине, и этой причиной было отнюдь не кольцо.

— Что ж, мистер Уильямс, вещь прелестная. Я непременно подумаю. Спасибо, что нашли для нас время. А теперь нам действительно пора. Я буду на связи. — С этими словами Том жестом показал Виктории, что визит окончен, и они двинулись за хозяином к выходу.

В самый последний момент Оскар взял руку Виктории и, поднеся ее к губам, многозначительно произнес:

— До новой встречи.

34

На следующее утро, приземлившись в Риме, Том и Виктория не стали терять времени. Оставив вещи в квартире Виктории, они устремились прямо на площадь Минервы. Стоя у слона с обелиском перед церковью Санта-Мария sopra Минерва, Виктория рассказывала Тому ее историю.

— Насколько известно, маленькая христианская базилика впервые была построена на этом месте где-то около восьмисотого года новой эры на развалинах римского храма Минервы.

— А сам храм датируется серединой первого века новой эры, — вставил Том.

— Церковь была перестроена приблизительно в тысяча двести восьмидесятом году доминиканцами, желавшими иметь в Риме церковь, не уступающую флорентийской Санта-Мария Новелла, построенной, по словам Вазари*, теми же архитекторами. Нынешний фасад сооружен в пятнадцатом веке, но сохраняет стилевой аскетизм предыдущего, построенного в тринадцатом. А вот интерьер был полностью переделан в готическом стиле в конце девятнадцатого века. Это единственная в Риме церковь подобного типа. Площадь, на которой мы стоим, напротив, в основном сохранилась без изменений с того времени, когда на ней в ходе общегородской реконструкции, предпринятой папой Александром Седьмым, был установлен слон с обелиском.

Том был удивлен тем, что за этим строгим аскетическим фасадом находится вздымающееся к своду готическое строение. Он бывал во флорентийской Санта-Мария Новелла и помнил ее элегантный, несмотря на минимализм стиля, интерьер, основанный на эстетике древней римской базилики — первоначальной форме христианской церкви, впоследствии получившей новое развитие.

— Меня бы не удивило, если бы оказалось, что оригинальная базилика была построена даже ранее восьмого века, — заметил Том. — Церковь довольно часто строила

---

* Джорджо Вазари (1511—1574) — итальянский живописец, архитектор и писатель. Автор знаменитых «Жизнеописаний», основоположник современного искусствознания.

свои моленные сооружения поверх языческих храмов, чтобы поддерживать в верующих ощущение непрерывной святости места. Учитывая, что император Феодосий запрети́л поклонение языческим богам еще в начале пятого века, храм Минервы либо долго стоял покинутым, либо его превращение в христианскую церковь случилось гораздо раньше.

По пути к дому приходского священника, располагавшемуся рядом с церковью, Виктория пояснила Тому, что в подвалах церкви до сих пор сохраняются фрагменты фундамента доминиканской постройки. Те, кто перестраивал церковь в девятнадцатом веке, позаботились о том, чтобы не разрушить крипту, в которой и сейчас можно увидеть элементы римского храма Минервы. Эти помещения почти всегда закрыты для публики, но Виктория дружила с настоятелем и не сомневалась, что он согласится пропустить их внутрь. Она позвонила в дверь, и вскоре на пороге появилась пожилая женщина.

— Чем могу служить? — машинально спросила она и, только подняв голову и узнав Викторию, улыбнулась. — Дитя мое, как приятно вас видеть. Как вы поживали все это время? Вам нужен отец Бепино? Сейчас я вам его приведу. Он у себя в кабинете. Через минуту будет здесь. Входите и располагайтесь. Я сейчас вернусь.

Шаркая ногами, женщина пошла по коридору и исчезла за углом.

Виктория повела Тома в приемную, где они сели и стали ждать.

— Как уже говорила, я много времени провела в маленьком музее при этой церкви, изучая статую Бернини. И настоятель, отец Бепино, очень добр и всегда готов мне помочь. Вот мы и подружились, — пояснила Виктория.

Вскоре послышались шаги, и появился отец Бепино с радушной улыбкой на устах. Это был старый священник с седой шевелюрой, в традиционном облачении доминиканского ордена, с белым воротничком.

— Виктория, какой приятный сюрприз! Что привело вас снова в Санта-Мария sopra Минерва? Я думал, вы закончили исследование нашего Бернини.

— Святой отец, позвольте представить: это мой друг, Том Карр из Нью-Йорка.

Том протянул священнику руку:

— Очень рад с вами познакомиться.

— Том — хранитель коллекции греко-римского искусства в музее Метрополитен, — объяснила Виктория, — и мы хотим попросить вас об одолжении. Том мечтает увидеть развалины храма Минервы в вашей крипте. Можете оказать нам такую любезность?

— Как вы знаете, эта часть нашего помещения обычно закрыта для публики, но я с радостью пушу вас туда. Площадь развалин на удивление обширна. В археологической службе поговаривают о том, чтобы сделать ее более удобной для посещения туристами, но пока это только разговоры. Предполагаю, что при обилии античных памятников в Риме, эта задача не значится в верхних строках их списка. Кое-какой свет там имеется, но он скуден. У вас есть фонари?

— Да, есть, — ответила Виктория. — Не знаю, как мне вас благодарить, святой отец.

— Должен сказать, что сам я не спускался туда уже несколько лет. Там весьма пыльно. Постарайтесь не испачкать свою элегантную одежду, Виктория.

Отца Бепино всегда восхищало, как стильно одевается Виктория.

— И пол там весьма коварный, во всяком случае, для человека моего возраста — неровные поверхности, остат-

ки древних стен, так что, надеюсь, вы простите меня, если я не буду вас сопровождать. Когда закончите, заходите ко мне домой.

— Конечно, все прекрасно, — обрадовалась Виктория.

— Подождите, я принесу ключи и провожу вас.

Священник оставил их на несколько минут и вернулся со связкой старинных ключей на железном кольце. Виктория с Томом последовали за ним к церкви и вошли в нее через боковую дверь. Отец Бепино повел их внутрь храма. Прямо перед ризницей, где он обычно готовился к службе, имелась лестница, ведущая вниз, в крипту.

Отец Бепино жестом пригласил гостей следовать за ним. Внизу он отпер дверь и включил свет. Стали видны арки, поддерживающие пол современной церкви, и многочисленные могилы, отмеченные лежащими на земле мраморными плитами. В основном принадлежащие братьям-доминиканцам, эти могилы насчитывали сотни лет. Лампы были расположены вдоль центральных арок и отбрасывали лишь слабый отсвет на остальное пространство.

— Руины храма находятся не в самой крипте, но прилегают к ней, они — под передней частью церкви. В глубине крипты есть другая дверь, она-то и ведет к ним. Пожалуйста, идите за мной и приготовьте фонари.

Том и Виктория достали фонари и включили их. Пройдя крипту насквозь, они подошли к двери, располагавшейся в дальнем конце. Отец Бепино открыл ее и включил единственную лампочку, которая осветила лишь часть обширного пространства, терявшегося вдаль. Основания несущих стен церкви разделяли его на части и местами покоились прямо на фундаменте римского храма. Зрелище было неправдоподобным.

— Можете осматривать здесь все сколько захотите. Древний храм сохранился в основном лишь на уровне

фундамента, но есть несколько мест, где можно видеть немного из того, что осталось от более высокого уровня: ступени, часть стены целлы и основания нескольких колонн. Повсюду разбросаны также архитектурные фрагменты с крыши и верхней части храма. Итак, предоставляю вас самим себе. Зайдите ко мне, когда закончите, и я все здесь снова запру. В любом случае церковь сегодня закрыта, так что вам никто не помешает.

— Святой отец, огромное вам спасибо. Это так любезно с вашей стороны. Полагаю, нам понадобится часа два. Как только закончим, я зайду за вами, — сказала Виктория.

Когда священник ушел, Том повернулся к ней и сказал:

— Думаю, нам лучше разделиться и для начала с двух сторон обойти все по периметру. Ищем русалку, которая скорее всего высечена в стене.

Виктория отправилась направо, Том — налево. Через несколько минут он дошел до дальнего конца располагавшейся над их головами церкви и воскликнул:

— Я нашел ее!

— Уверены? — крикнула в ответ Виктория.

— Никаких сомнений, это русалка. Она высечена прямо в стене. Идите посмотрите!

Вскоре, осторожно пробираясь через развалины с фонарем в руке, появилась Виктория и увидела, что Том стоит возле неглубоко врезанного в стену рельефа русалки. Та была изображена анфас с длинными развевающимися волосами и обнаженной грудью. Нижняя часть ее туловища, покрытая изящной чешуей, естественно переходила в раздвоенный хвост, концы которого она держала в простертых руках. Над каждой рукой была высечена македонская звезда, а над каждой звездой — надпись по-гречески: «Живет» — над одной, «Правит» — над другой.

Взглянув на Викторию, Том сказал:

— Это легендарная русалка Александра. Знаете ее историю?

— Вчера в библиотеке я читала о ней, но мое внимание было сосредоточено в основном на амулете Нереиды. Расскажите мне эту историю с самого начала, — попросила Виктория, не сводя глаз с русалки.

— Согласно некоторым легендам, как вы знаете, эта русалка — дочь Александра Нереида. Она выпила из Источника вечной молодости, и Александр из зависти наказал ее, сделав русалкой. По другой версии, она — сестра его. В любом случае эта русалка является морякам во время штормов и спрашивает: «Вы видели Александра Великого?» Если капитан отвечает правильно: «Александр живет и правит и хранит мир на земле», шторм стихает, вода успокаивается, и русалка благополучно возвращается в глубину моря. Если же ответ бывает неправильным, русалка переворачивает корабль и погружает его вместе с командой в морскую пучину. — Том перевел взгляд на русалку. — Видите македонские звезды над ее руками? Они точно такие же, как на слоне с обелиском. Тут двух мнений быть не может. Где-то здесь должна быть потайная дверь.

— Сезам, откройся, — пошутила Виктория.

— Она вполне может действовать так же, как волшебная дверь, ведущая в пещеру Али-Бабы, — согласился Том, пристально вглядываясь в русалку, — только без волшебства. Должен быть какой-то трюк, с помощью которого она открывается.

Том еще внимательнее всмотрелся в изображение на стене. Он тщательно и методично изучал все детали в поисках отгадки: как же отворяется дверь? Дойдя до звезд, он заметил, что в центре каждой имелась небольшая выпуклость. Остальные части изображения были утоплены

в камень. Странно, подумал Том. Он попробовал нажать на одну из звезд. Никакого результата. Тогда он нажал на обе звезды одновременно — и тут они углубились в стену, и открылся дверной проем.

— Живет и правит, — произнес Том. — Такого ответа требовала русалка. Это и есть ключ. Нужно нажимать на обе звезды одновременно, иначе механизм не сработает. Помните, что говорится в надписи на голове слона? «В храме Афины есть русалка. Правильный ответ на ее вопрос приведет тебя к великому мудрецу, наставит на путь божественной мудрости».

За дверным проемом оказался коридор, с двух сторон обрамленный каменной кладкой высотой футов в шесть и шириной — в четыре, дальний его конец терялся из виду. Виктория схватила Тома за руку и в волнении сжала ее.

— Быть может, мы догнали конец вашей радуги?

— Посмотрим. Идите за мной. — Держа девушку за руку, он пошел впереди. — Если я правильно ориентируюсь, этот коридор ведет под площадь перед церковью.

Ярдов через двадцать коридор закончился небольшой комнатой. Когда они к ней приблизились, Виктория потянула Тома назад, прижала к стене и посмотрела ему прямо в глаза. Страх застыл на ее лице.

— Том, наверное, я не смогу туда войти. Я боюсь.

Чувство страха нарастало в ней с той минуты, когда Том позвал ее и сообщил, что нашел русалку.

Выражение озабоченности и удивления на его лице говорило о том, что он не понимает причины ее ужаса.

— Если гробница Александра действительно находится в той камере и я снова увижу его мумию и амулет Нерейды, боюсь, это опять спровоцирует у меня видение и перенесет назад, в те времена. Не уверена, что смогу еще раз пережить жуткий момент собственной смерти. Когда у меня в предыдущий раз открылся канал обратной связи

и я вторично переживала последние минуты своей прошлой жизни, я чувствовала себя так, будто на самом деле умираю. И очнулась почти в момент смерти. Что, если это случится снова? Том, я не хочу умирать. — Слезы градом хлынули из глаз девушки.

Том обнял, нежно прижал ее к себе и, глядя прямо в глаза, ласково сказал:

— Виктория, ничего такого не случится. Обещаю. Что бы ни происходило с вами в прошлой жизни, это именно прошлая жизнь. Гробницы, в которой вы тогда находились и которую воссоздали в своем воображении, больше не существует. Она давным-давно пуста. То событие может храниться в каком-то уголке вашего подсознания, но оно не может причинить вам никакого вреда. Все позади. А здесь с вами я. Мы вместе. Сделайте несколько глубоких вдохов и успокойтесь. Вы справитесь.

Виктория ответила ему таким же прямым взглядом. Она ощущала его сочувствие, и это действовало успокаивающе. В конце концов смогла же она безо всяких последствий снова увидеть танцовщицу в покрывалах. После нескольких глубоких вдохов и выдохов ее пульс пришел в норму, сердце перестало бешено колотиться. Она закрыла глаза и мысленно произнесла короткую молитву. Рука Тома, державшая ее, придавала ей сил. В этот момент она чувствовала свою близость к нему как никогда прежде.

— Хорошо, идемте, — решила она.

Том обнял ее за плечи, и они медленно двинулись вперед. Войдя в непроглядно темное помещение, Том медленно обвел его лучом фонаря и вскрикнул. У дальней стены стояла гробница Александра.

— Господь милосердный! Она здесь! Должно быть, мы находимся прямо под слоном. Он-то и есть опознавательный знак усыпальницы.

Вдоль стен в шандалах были укреплены факелы. Не отпуская руки Виктории, Том зажег их. Погребальная камера наполнилась причудливым мягким светом. Каменное помещение было почти пусто, если не считать саркофага и ниши в форме раковины над ним, в которой стоял бюст великого царя работы Бернини, — это можно было сказать наверняка. Перед саркофагом была сооружена простая каменная скамья, на которой, должно быть, сиживал папа Александр Седьмой, созерцая бранные останки своего великого тезки.

Том и Виктория медленно подошли к саркофагу.

— Виктория, взгляните на крышку. — Том взволнованно указал на огромную золотую звезду — символ македонского царского рода, закрепленную прямо над грудью Александра. — Вот откуда папа Александр Седьмой знал о македонской звезде. Господи, это же, наверное, тот самый эллинистический саркофаг, который был сооружен для Александра в Александрии, после того как переплавили самый первый, золотой. Смотрите, этот сделан из стекла.

Массивные стеклянные панели были оправлены в золото или позолоченную бронзу, основание саркофага опиралось на четыре большие золотые львиные лапы, а по углам его поддерживали сирены. Подойдя ближе, Том ахнул: внутри покоились мумифицированные останки Александра Великого. Виктория тоже заглянула внутрь. Голову царя венчала золотая корона. Виктория сразу скользнула взглядом на грудь мумии в поисках амулета, но его там не было. Она с облегчением вздохнула. Тома же при более близком рассмотрении поразило то, что под головой царя что-то лежит.

— Неужели это... неужели это действительно... — неуверенно пробормотал он, но, приглядевшись, уже не

сомневался: это «Ларец “Илиады”». А рядом он увидел и кинжал Александра.

— Виктория, смотрите! Ларец и кинжал здесь, точно как вы говорили!

Виктория была настолько поглощена поисками амулета, что пока не обратила внимания на инкрустированный ларец и кинжал. Том встал на колени и, светя фонарем, старался получше рассмотреть то, что лежало под головой Александра. Ларец был искусно украшен эбеновым деревом, слоновой костью и золотом. На его поверхности были вырезаны разные сценки. На обращенной к Тому стороне — певец, сидящий на резном стуле. В одной руке он держал лиру, другой щипал струны. Над головой певца летала птица. Это отдаленно напоминало знаменитую фреску из микенского дворца в Пилосе.

— Ну конечно! — воскликнул Том. — Певец и птица — наверняка живописный аналог гомеровского выражения «крылатые слова», которым он описывал божественные представления, где поэты под собственный аккомпанемент рассказывали знаменитые истории своего героического времени.

Остальные три грани ларца хорошо рассмотреть было невозможно, но, судя по различимой на одной из них величественной фигуре Ахилла с вырезанным над головой его именем, вся резьба на ларце представляла разные сцены из «Илиады». Ларец, безусловно, был изделием искуснейшего мастера. Он не только являлся изголовьем великого македонского царя, скорее всего в нем находилась подаренная Александру Аристотелем «Илиада» — самое знаменитое из когда-либо созданных произведений греческой литературы — с пометками величайшего мыслителя всех времен. Том не мог поверить своим глазам. Ларец и кинжал были именно такими, как описывала их Виктория в его кабинете.

Вновь обретшая уверенность в себе Виктория заговорила взволнованно:

— Том, этот бюст... Готова побиться об заклад, это работа Бернини. Невероятно!

Том встал и, повернувшись к разглядывавшей бюст над саркофагом Виктории, сказал:

— Виктория, я чувствую себя так, как, должно быть, чувствовал себя Говард Картер, обнаружив гробницу Тутанхамона. Голова Александра покоится на «Ларце "Илиады"». В нем наверняка лежит Аристотелев экземпляр книги, и, судя по тому, как герметично запечатан саркофаг, папирус, вероятно, находится в целости и сохранности. Это будет величайшей находкой века!

Но ответ он услышал не от Виктории. От хорошо знакомого голоса у него мурашки побежали по спине.

— Отличная работа, мистер Карр. Я знал, что вы не все мне рассказали. Это действительно величайшая находка века, но, боюсь, она не войдет в исторические анналы так, как рассчитывали вы.

Повернувшись, Том увидел Оскара Уильямса, стоявшего у входа в погребальную камеру в окружении трех бандитского вида итальянцев, угрожающе демонстрировавших пистолеты с длинными глушителями, навинченными на стволы.

— Что, черт возьми, делаете здесь вы, мистер Уильямс? — воскликнул Том.

— Опустим формальности, если не возражаете. — Оскар подошел на несколько шагов ближе. Его сподручные зловеще смотрели на Тома и Викторию.

— Я давно следую за вами по пятам, мистер Карр. И я тоже очень давно мечтал найти гробницу Александра.

— После визита к вам мне следовало догадаться, что за всей этой слежкой стоите вы. — Все части шарады быстро складывались у Тома в голове воедино, но он все еще

не мог поверить, что это правда. — Полагаю, это вы приказали украсть мой лэптоп. А тот человек, который следил за мной в Афинах? Мне сообщали и о летнем ночном визите каких-то негодяев на раскоп в Дикте, но тогда там ничего не тронули. Это тоже ваших рук дело?

— Да. Я видел и статую, и стелу, но без вашей помощи они бы меня сюда не привели. Статуя действительно великолепна — точнее, была великолепна. — Оскар сделал паузу, чтобы Том мог осознать то, в чем он фактически признался. — Вы не сочли нужным рассказать мне о голове... Слишком болезненно для вас, да, мистер Карр? Как мне хотелось вынести ее вам на серебряном блюде вчера, когда вы приходили ко мне в галерею. Но это было бы слишком мелодраматично, не правда ли? — Он снова помолчал, давая возможность Тому осмыслить значение своих слов.

— Уильямс, вы безумец! Вам никуда с ней не деться. У Интерпола уже есть фотографии головы. Вы никогда ее не продадите.

— Не все сводится к деньгам, мистер Карр. Хотя по мне так достаточно. — Оскар ухмыльнулся. — Жаль, что никто никогда не увидит этой камеры и не узнает истории о папе Александре Седьмом и его поклонении Александру Великому. Полагаю, Ватикан не будет возражать, если все это будет сочтено атрибутами языческого идолопоклонства. Ведь папе подобное не пристало — чтобы не сказать больше.

— Вам никогда всего этого не вывезти отсюда, — воскликнула Виктория. Она была одновременно шокирована и разгневана.

— Напротив, моя дорогая. Не пройдет и нескольких часов, как саркофаг и его бесценное содержимое покинут эти пределы, и я знаю человека, который поможет мне это осуществить. Вскоре все это уже будет на пути за

пределы страны. — Оскар повернулся к одному из мужчин, стоявших у него за спиной, и по-итальянски велел ему позвонить человеку по имени Пьетро и немедленно вызвать его.

— Но как вам удалось так быстро сюда добраться? — спросил Том. — Ведь, покинув вашу галерею, мы прямоком отправились в аэропорт, а приземлившись в Риме, — сюда.

— В моем бизнесе время решает все, — соизволил ответить Оскар. Он пребывал в эйфории, снова ощущая себя человеком, держащим в руках бразды правления. Накануне Карр довольно резко оборвал свой визит к нему, сегодня он такого не допустит. Его слова должны были стать последним, что Карр услышит в своей жизни, и он желал в полной мере насладиться моментом, когда он это осознает.

— Я одолжил частный самолет у своего приятеля и оказался в Риме раньше вас. С первого момента, когда вы ступили на землю, за вами следовали мои люди. И вы сами привели меня прямо сюда. — Он сделал паузу, чтобы полюбоваться ужасом, запечатлевшимся на лицах Тома и Виктории. — Игра обошлась мне недешево, но все затраты я верну с лихвой. Золотая корона, кинжал и бюст Александра уйдут за очень хорошую цену. Чтобы найти покупателя на саркофаг и мумию, потребуется время, но они тоже принесут очень хорошую прибыль. Конечно, продать «Ларец “Илиады”» целиком не удастся. Придется разделить книгу на части — если она вся здесь, а я уверен, что так оно и есть. — Оскар самодовольно ухмыльнулся. — К тому же подобным образом я получаю гораздо больше денег. В конце концов люди привыкли созерцать древности во фрагментах — разбитую урну, статую без головы или без ног. Думаю, что буду продавать

книгу по главам — так она по крайней мере хоть в каком-то смысле сохранит цельность. — Оскар снова замолчал, хотел убедиться, что его слушают. — Хотя из практических соображений было бы выгодней продавать по странничке. Безусловно, сначала я наслажусь книгой сам. Подумать только, ведь Александр Великий был последним, кто читал ее до меня. — Оскар вперил взгляд в глаза Тому, на его губах играла зловещая улыбка. — Некоторые осуждают то, что я делаю, — продолжал он. — Считают, что разграбление древностей губит археологические источники — бла-бла-бла... Не утруждайте себя подобными мыслями, мистер Карр. — Оскар всегда взвинчивал себя, когда думал о тех, кто поучал его насчет важности сохранения археологического наследия в целостности. — Здесь полно людей, которые такие соображения ни в грош не ставят. Мне нет нужды продавать свои находки американским музеям. Я обращусь к японцам, арабам, китайцам. Или к русским. Существует множество покупателей, которые не задают лишних вопросов, когда им предлагают нечто, чем они хотят обладать. В конце-то концов кто вправе судить, кому могут и кому не могут принадлежать древности? Все эти разговоры о национальном культурном достоянии — чушь. Ради Бога! Современное итальянское государство основано позднее музея Метрополитен. Почему его претензии на произведения искусства нескольких тысячелетий давности нужно считать более справедливыми, чем претензии кого-то другого? Все это политика, если хотите знать мое мнение. Вы думаете, они действительно пекутся об искусстве? Черта с два! Люди с древних времен присваивали найденные в земле произведения искусства. То, что я делаю, — всего лишь давняя, освященная веками традиция. Древние римляне были мастерами этого дела! Из Греции они

вывезли все, что хотели. В моей книге Верес*, наместник Сицилии, против которого обвинителем выступал Цицерон, был бы героем.

С трудом переведя дыхание, Оскар продолжил — теперь его было не остановить:

— Кроме того, если вы перечитаете курс истории, то увидите, сколько произведений искусства было переплавлено или разрушено ради того, чтобы вторично использовать материалы, из которых они были созданы. Мраморные статуи, даже целые храмы крушились и измельчались ради того, чтобы получить известь для изготовления цемента! Такая же участь постигала бронзу и серебро. Если крестьянин, обрабатывая поле, натывает на древнее захоронение и находит в нем золотые предметы, думаете, он оставляет их себе? Да ничего подобного! Он продает их, чтобы добыть денег семье на пропитание. Более того, если за них как за произведения искусства ему не дают ничего, он без колебаний переплавит их и просто продаст золото. Я же спасаю искусство и передаю его в руки тех, кто способен его оценить. Я спасатель, мистер Карр, а не негодяй. — Теперь Оскар почти кричал. — Конечно, я не жду, что вы поймете меня, особенно в сложившихся обстоятельствах, но добыча принадлежит победителю. А победил сегодня я! — Он помолчал, предоставляя Тому и Виктории поразмыслить над сказанным, потом продолжил уже спокойнее: — Мне жаль, но вы оба должны исчезнуть. Я просто не имею права оставлять свидетелей. Хотите сказать последнее

---

* Гай Лициний Верес (114—43 гг. до н.э.), в 73—71 годах, будучи наместником Сицилии, отличился многими злоупотреблениями, в том числе и в сфере искусства, за что по возвращении в Рим был предан суду. Обвинителем против него выступал Цицерон.

слово перед тем, как мои помощники отправят вас в, так сказать, мир иной?

Виктория зарыдала, Том притянул ее к себе и обнял.

— Сожалею, что все это кончилось для вас подобным образом, — добавил Оскар Уильямс. — В этом нет ничего личного — только интересы дела. Прощайте, мистер Карр. — Оскар сделал знак своим головорезам, те завели Тому и Виктории руки за спину и сковали наручниками, после чего положили обоих на землю, приготовив к казни.

Оскар зажег сигарету, глубоко затянулся и, подойдя к саркофагу, стал рассматривать мумию. Он никогда не любил наблюдать за кровопролитием, хотя, Бог свидетель, повидать его на своем веку ему довелось немало.

— Руки вверх! — вдруг раздался голос у него за спиной. Обернувшись, Оскар оказался лицом к лицу с четырьмя карабинерами, наставившими свои автоматы на него и его приспешников. Между карабинерами стоял высокий красивый мужчина в штатском, но тоже явно полицейский, рядом с ним — невысокого роста человек в твидовом костюме, удивительно похожий на персонажа «Ветра в ивах» — Тоуда из Тоуд-Холла. А позади всех — священник. При виде их Оскар сник.

— Уймите своих головорезов, Уильямс. Все кончено. Меня зовут Антонио Гиссепи Морено, я капитан спецподразделения итальянской национальной полиции по борьбе с незаконным оборотом антикварных ценностей. Мы уже много лет следим за вами. Сегодня утром я получил по электронной почте сообщение о том, что вы пересекли нашу границу. И вот наконец поймал вас на месте преступления.

Карабинеры окружили Оскара и его подручных, разоружили и надели на них наручники, после чего освободили Тома с Викторией.

Вирджил подбежал к друзьям:

— Слава Богу, вы не пострадали! Мы подросли как раз вовремя. Еще бы несколько минут — и было бы поздно. Виктория, я начал действовать сразу же по получении вашего сообщения о том, что вы находитесь у входа в гробницу. Хорошо, что вы его послали. Я когда-то случайно познакомился с капитаном Морено, мы подружились, и я знал, что он поймет, насколько мало у нас времени. Ему довелось повидать достаточно разграбленных сокровищниц, чтобы знать, что томбароли делают свою грязную работу без промедления. Капитан со своими подчиненными мгновенно приступил к действию.

Вирджил повернулся к Оскару, которого уже уводили карабинеры.

— Дамоклов меч опустился-таки на вашу шею, негодяй, и возмездие не заставит себя ждать, — сказал он и, одарив его исполненным ненависти и презрения взглядом, снова повернулся к своим друзьям. — Подумать только, ведь когда-то я даже подбирал книги для этого мерзавца в академии. А теперь я хочу воздать должное вам обоим. Вы это сделали! Вы нашли гробницу Александра. Право, не могу поверить, что стою перед самым великим царем! Эта глава достойно завершит мою «тайную историю».

Виктория обессилено упала на грудь Тома, и он, прислонившись спиной к стене рядом с саркофагом, бережно поддерживал ее. В пляшущем свете факелов он глядел на Вирджила и с трудом находил нужные слова.

— Благодарю вас, дружище. Вы спасли нам жизнь.

Эпилог

Сидя в приемной директора музея Метрополитен, Том читал первую страницу свежего выпуска «Арт ньюспейпер». Заголовок гласил: «Гробница Александра открывает свои бесценные художественные сокровища». В ожидании назначенного времени он обратился мыслями к Виктории Прайс и словам, которые она сказала ему всего несколько дней назад, когда они при свете полной луны сидели в саду Виллы Аурелия в Американской академии и смотрели на расстилавшийся внизу город. Серебристый лунный свет придавал шелковистой коже Виктории волшебное сияние. Казалось, ее лицо в буквальном смысле светится, и это было самое прекрасное зрелище, какое когда-либо доводилось созерцать Тому. Он обнял ее за плечи, и они поцеловались, долго и страстно.

— Надеюсь, ты не забудешь это мгновение до нашей следующей встречи, — сказала она, проникновенно посмотрела ему в глаза, поднялась и стала медленно спускаться с Яникула, направляясь к себе домой, в Трастевере.

Она оставалась в Риме, чтобы рисовать. Их совместное приключение вызвало в ней мощный прилив творческого вдохновения. Том жил в ожидании новой встречи. Они назначили ее в Риме через месяц.

Очнувшись от воспоминаний, он услышал, что секретарь обращается к нему:

— Мистер Карр, беседа с предыдущим посетителем у директора немного затягивается. Простите, что заставляем вас ждать. Он скоро освободится.

Через несколько минут дверь кабинета открылась, и из нее в сопровождении самого директора вышел высокий француз.

— Позвоните в отдел оружия и амуниции, — сказал секретарю директор, — и попросите, чтобы они прислали кого-нибудь сопроводить мистера Борегарда в зал, где выставлены французские доспехи шестнадцатого века, принадлежавшие его предку. Скажите, чтобы открыли витрину и позволили гостю провести там в одиночестве столько времени, сколько ему потребуется.

Француз пожал директору руку и тепло поблагодарил за любезность.

— *Au revoir, monsieur le directeur**.

— До свидания. — Директор слегка пожал плечами, словно говоря: несмотря на всю свою масштабность, музей все же не утратил способности оказывать небольшие любезности отдельным людям. — А теперь входите, Том. Хочу услышать все подробности вашей экстраординарной истории. Я освободил время до конца дня, так что нас никто не потревожит.

В кабинете они уселись за круглый стол, и Том поведал всю историю от начала до конца, утаив лишь детали знакомства с Викторией и ее необычных видений.

— В начале этой недели я побывал в Риме у итальянских реставраторов, они уже начали работу над манускриптом «Илиады». В ларце оказалось четырнадцать свитков с двадцатью четырьмя песнями. В каждом из большинства свитков содержится по две песни. Вы можете в это поверить? — Том задумался. — До этого открытия са-

---

* До свидания, господин директор (фр.).

мый древний экземпляр Гомеровой «Илиады» датировался десятым веком. — Он снова помолчал, размышляя о важности находки. — Все свитки туго свернуты. Для начала их необходимо увлажнить, чтобы папирус смягчился и восстановил эластичность. Будем надеяться, этого окажется достаточно, чтобы распрямить их. Как вы знаете, процесс это долгий, а они только приступили к его осуществлению.

Том сделал паузу и выпил воды.

— Потрясающе! Текст снабжен пометками — предположительно сделанными самим Аристотелем. Не исключено, что и вся книга переписана его рукой. Графологическая экспертиза должна будет это выяснить. Я присутствовал, когда развернули первый свиток. — Том наизусть процитировал первую строку «Илиады»: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» и продолжил: — И что еще более невероятно — главу предваряет маленькая изысканная иллюстрация. Этот факт более чем на тысячу лет углубляет наши знания об иллюстрированных манускриптах.

Том был глубоко взволнован, а директор являл собой очарованную аудиторию.

— Возможно, идея берет начало от египетских сакральных текстов, в которых изображения использовались много раньше. И сам папирус, вероятно, был привезен из Египта. Представляете, как интересно будет узнать, насколько Аристотелева «Илиада» отличается от той старейшей версии, которая дошла до наших дней. Ведь ученые на протяжении нескольких поколений спорят о том, как со временем развивалась и изменялась эта эпическая поэма.

Закинув ногу на ногу, Том посмотрел в окно, за которым открывался зеленый простор Центрального парка. Высоко в небе он заметил краснохвостого ястреба, на-

помнившего ему об одном из знаменитых зловещих орлов Зевса, и продолжил задумчиво, словно разговаривал сам с собой:

— Знаете, я часто думал, что, найдя гробницу, мы сможем ответить на все вопросы об Александре Великом, и его история будет завершена. Но на самом деле часть информации утрачена безвозвратно. И вот стоя перед этой внушавшей благоговейный трепет мумией в ее воздушном позолоченном стеклянном гробу, я в то же время отчасти испытывал разочарование. Увы, мертвые не говорят. Лишь в каком-то физическом, материальном смысле мумия представляет собой частичку человека по имени Александр. Это набальзамированная, скукожившаяся оболочка человека, но не останки бога. На самом же деле бессмертие величайшего из царей продолжает опираться только на миф, историю и его прижизненные героические деяния. — Том снова перевел взгляд на директора и уже спокойно произнес: — Все имеющиеся у нас свидетельства о жизни Александра относятся ко времени после его смерти, особенно к эпохе Римской империи, и написаны другими. Они были составлены спустя долгие годы после того, как Александра не стало. В каждом из этих свидетельств могут быть элементы правды, но при этом они отражают время, в которое были написаны, а также пристрастия и жизненный опыт авторов. Впрочем, быть может, я проявляю излишний цинизм. Тело Александра тоже может раскрыть какие-то секреты. Исследование мумифицированных останков уже началось. Не исключено, что мы узнаем причину его смерти. Был ли он отравлен? Скончался ли от малярии, как утверждают некоторые ученые, или от чего-то другого?

Наконец в разговор вступил директор:

— Что ж, в любом случае это замечательное открытие. Я только что говорил по телефону с итальянским премьер-

министром. Италия взбудоражена находкой. Это действительно находка века, и они благодарно признают вашу роль в этом открытии. Уверен, нам будет позволено устроить выставку вещей, найденных в крипте, включая золотую корону и как минимум несколько частей «Илиады». Если стеклянный саркофаг поддается транспортировке, то и его тоже. Мумия, конечно, останется в Италии, как тому и следует быть. Мы ведь в конце концов — музей искусств. Такая временная выставка составит впечатляющее дополнение к вашей экспозиции, посвященной Александру. Примите мои поздравления, Том. Это — выдающееся достижение.

Сделав паузу, директор продолжил уже начальственным тоном:

— Тем не менее, ознакомившись с вашими предложениями, касающимися экспозиции, полагаю, что следовало бы расширить список, включив в него больше объектов эпохи раннего эллинизма, таких как Танцовщица Бейкера. Понимаю, что на самом деле она относится к более позднему периоду, но большого вреда не будет, если мы немного расширим рамки. Помните: мы должны апеллировать к широкой публике.

Том улыбнулся:

— Думаю, вы абсолютно правы. Я еще раз просмотрю список и непременно включу в него Танцовщицу Бейкера.

Выражение признательности

Благодарю своего литературного представителя Майкла Катакиса за то, что он поверил в эту книгу с самого начала. За руководство и мудрые советы благодарю моих редакторов из издательства «Рэндом Хаус» Кейт Элтон и особенно Джорджину Хотри-Вур. Хотел бы также выразить признательность за доброту, поддержку и мудрость следующим людям: Джозефу и Патриции Чапски, Генри П. Дейвису, Брайану А. Гейсфорду, Брендану Ф. Хемингуэю, Эдварду Б. Хемингуэю, моим родителям Грегори и Валерии Хемингуэй, Патрику и Кэрол Хемингуэй, Ванессе Хемингуэй-Бламберг, Лисе Кессел, Джону-Майклу Маасу, Дж. Александру Макгилливари, Стивену А. Макгилливари, Элизабет Дж. Миллер, Дэвиду Г. Миттену, Карлосу А. Пикону, Л. Хью Сэккетт, Мейсону Сэнделлу, Робину Смит, Джонатану Скиферу и Брюсу Шварцу. Толчок к созданию этой книги дала несравненная коллекция греческого и римского искусства, принадлежащая нью-йоркскому музею Метрополитен, где я имею счастье много лет трудиться в качестве одного из хранителей. Я благодарен за привилегию работать в столь великолепном учреждении с такими прекрасными коллегами под вдохновенным руководством директора Томаса П. Кемпбелла и президента Эмили К. Рафферти. Моя самая горячая благодарность моей семье — Колетт, Анок, а также Хлое, которая великодушно делила меня с этой книгой и безмерно помогала в ее создании.

Об авторе

Шон Хемингуэй — археолог, один из хранителей коллекций нью-йоркского музея Метрополитен. Докторскую степень по классическому искусству и археологии получил в Бринморском колледже. В качестве фулбрайтовского стипендиата работал в Греции. Автор многочисленных работ об искусстве Древней Греции, а также редактор некоторых книг своего деда Эрнеста Хемингуэя. Это его первый роман.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Хемингуэй Шон
Гробница Александра

Роман

Редактор А.Б. Левант
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 03.11.13. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 3000 экз. Заказ № 5631/13.

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь,
www.pareto-print.ru

